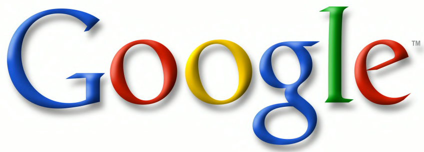

Potebnia, Aleksandr Afanas'evich

О НѢКОТОРЫХЪ СИМВОЛАХЪ

ВЪ

СЛАВЯНСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

Сочиненіе

А. Потебни.

ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1860.

По опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета, въ засѣданіи онаго 3 Февраля 1860 года состоявшемуся, печатать дозволяется.

Исправляющій должность Декана *С. Лукъяновичъ.*

Слово выражаетъ не все содержаніе понятія, а одинъ изъ признаковъ, именно тотъ, который представляется народному воззрѣнію важнѣйшимъ. Принявъ за данное извѣстное число корней, равное числу основныхъ представленій въ извѣстной семьѣ языковъ, мы можемъ предположить, что ходъ лексическаго развитія состоитъ приблизительно въ слѣдующемъ. Новыя понятія, входя въ мысль и языкъ народа, обозначались звуками, уже прежде имѣвшими смыслъ, и основаніемъ при этомъ служило единство основныхъ признаковъ въ новыхъ и прежде извѣстныхъ понятіяхъ. Такъ-какъ въ природѣ нѣтъ полнаго сходства, то извѣстный признакъ въ каждомъ новомъ словѣ получалъ особенные оттѣнки, независимые отъ вносимыхъ суффиксомъ, и звукъ, сживаясь съ новымъ понятіемъ, тоже измѣнялъ первоначальное значеніе. Новыя слова роднились уже со словами не первичнаго, а позднѣйшаго образованія, и въ свою очередь удалялись отъ перваго значенія при-

знака. Такъ вмѣстѣ съ лексическимъ ростомъ языка затемнялось первоначальное впечатлѣніе, выраженное словомъ, подобно тому, какъ теряли и теряютъ смыслъ грамматическія формы, по мѣрѣ удаленія отъ времени полнаго своего развитія. Но жизнь языка состоитъ не въ одной только утратѣ изобразительности и грамматической стройности: языкъ въ настоящемъ своемъ видѣ есть столько-же произведеніе разрушающей, сколько и возсозидающей силы. Соотвѣтственно замѣнѣ обветшавшихъ звуковъ и формъ новыми, собственный смыслъ слова поддерживается въ памяти народной сопоставленіемъ этого слова съ другимъ, имѣющимъ сходное съ нимъ основное значеніе. Отсюда постоянные эпитеты и другія тавтологическія выраженія, наприм. бѣлый свѣтъ, ясный—красный, косу чесать, думать—гадать. Та-же потребность возстановлять забываемое собственное значеніе словъ была одною изъ причинъ образованія символовъ. Близость основныхъ признаковъ, которая видна въ постоянныхъ тожедесловныхъ выраженіяхъ, была и между названіями символа и обозначаемаго предмета. Калина стала символомъ дѣвицы потому же, почему дѣвица названа красною: по единству основнаго представленія огня—свѣта въ словахъ: дѣвица, красный, калина. На основаніи связи символовъ съ другими эпическими выраженіями, можно бы называть символами и тѣ предметы и дѣйствія, которые, изображая другіе предметы и дѣйствія, нисколько при этомъ не одухотворяются. Зная, напримѣръ, что гніеніе обозначается въ языкѣ огнемъ, можно бы огонь назвать символомъ гніенія.

По мѣрѣ, какъ забывается упомянутое соотвѣтствіе между значеніемъ корней словъ объясняемыхъ и объясняющихъ, ослабляется и связь дежду ними: постоянные эпитеты и пр. переходятъ къ словамъ, которыя означаютъ то-же понятіе, но по другому признаку. Такъ, въ выраженіи «черныя грязи» прилагательное не имѣетъ ничего общаго съ корнемъ грѧз — грѫз, по которому было бы приличнѣе назвать грязи топучими, что̀ и встрѣчаемъ въ произведеніяхъ народной поэзіи; «черный» перешло, вѣроятно, къ сл. «грязь» отъ другаго слова, напр. отъ сл. калъ, выражающаго впечатлѣніе чернаго цвѣта.

Въ тѣхъ способахъ выражать символъ, какіе застаемъ въ народной поэзіи, видно тоже стремленіе къ потерѣ изобразительности слова и связи поэзіи съ языкомъ. Простыя формы смѣняются сложными, но не замѣняются ими вполнѣ. Главныхъ отношеній символа къ опредѣленному три: сравненіе, противоположеніе и отношеніе причинное. а) Сравненіе выражается въ народной поэзіи или такъ, что символъ вполнѣ соотвѣтствуетъ своему предмету, или такъ, что между тѣмъ и другимъ полагается нѣкоторое различіе. Въ полномъ сравненіи символъ является то приложеніемъ (конь — соколъ), то обстоятельствомъ въ творит. пад. (зегзицею кычеть), то развитымъ предложеніемъ. Въ послѣднемъ случаѣ сравниваемое можетъ подразумѣваться, или — быть развито до такой степени, какъ и символъ. Примѣромъ перваго можетъ служить пѣсня Краледворской ркп. «Ach ty róže, krasna róže! Čemu si rano rozkwetla, rozkwetawši pomrzla, pomrzawši uswědla, uswědewši

opadla?» и вслѣдъ за тѣмъ слова дѣвицы, которая сравнивается съ розою; примѣромъ втораго — двустишіе: «Грушице моя! чомъ ти не зеленая? Милая моя! чомъ ти не веселая?» въ которомъ каждому слову первой половины соотвѣтствуетъ слово второй. Символъ, какъ приложеніе, сливается съ обозначаемымъ въ одно цѣлое, а творительный падежъ напоминаетъ превращенія: то и другое можетъ быть отнесено къ тому времени, когда человѣкъ не отдѣлялъ себя отъ внѣшней природы. Сравнительно позже появился параллелизмъ выраженія: онъ указываетъ на затемнѣніе смысла символовъ, потому что если эти послѣдніе понятны, то и объяснять ихъ не-зачѣмъ. Еще болѣе позднимъ кажется выраженіе символа въ видѣ полнаго или сокращеннаго придаточнаго предложенія съ сравнительнымъ союзомъ (напр. въ Кр. ркп. jako zora, jako luna): присутствіе союза доказываетъ, что между сравниваемыми предметами ставится большое различіе, и напоминаетъ пріемы искусственнаго языка.

Формъ отрицательнаго сравненія тоже нѣсколько. Въ Сербскихъ пѣсняхъ довольно часто употребляется такой оборотъ: предпосылается символъ въ видѣ положенія или вопроса, и вслѣдъ за тѣмъ отрицается, а на мѣсто его ставится обозначаемый предметъ, напр. Надви се облак изнад дјевојак'; То не био облак изнад дјевојак, Већ добар јунак тражи дјевојак', (Срп. пјес. I. 2); Шта се сјаји кроз гору зелену? Да л'је сунце, да л'је јасан месец? Нит'је сунце, ни ти јасан месец, Већ зет шури на војводство дође (ib. 13.). Сербскія, а особенно Великорусскія пѣсни опускаютъ сравненіе положитель-

ное и начинають съ отрицанія: «не...а». Безъ сомнѣнія такое сравненіе съ отрицаніемъ предполагаетъ положительное, а потому новѣе послѣдняго.

b) Противоположеніе символа предмету не чуждо Вбкр. пѣснямъ, но, если не ошибаюсь, чаще встрѣчается въ Малорусскихъ. Обыкновенная форма такая-же, какъ и въ развитомъ положительномъ сравненіи, и отношеніе сопоставленныхъ предложеній, при отсутствіи союза, можетъ легко быть принято за сравнительное, какъ напр. въ слѣдующихъ мѣстахъ: «Надъ горою високою голуби літають: я роскоши не зазнала, а літа минають». (Нар. Южнор. п., изд. Метл. 59); «Ой гиля, гиля, сизі голубоньки на високе літання: Та уже важко, мое серденько, та зъ тобою горювання» (ib. 102); «Ой з-за гори из-за кручи орли вилітають: Не зазнаю я роскоши,—вже й літа минають» (ib. 106). Высокое летанье птицъ имѣетъ смыслъ ничѣмъ не стѣсняемой свободы; Чеш. bujeti, Пол. bujać, Русс. ширять, парить, значатъ не только высоко, но и привольно летать. Такому ширянью противополагается горе, стѣсненное положеніе человѣка, отсутствіе роскоши, т. е. раздолья, свободы, что, разумѣется, предполагаетъ сравненіе счастливаго человѣка съ высоко летящею птицею. И этотъ пріемъ позже сравненія. Кромѣ сложности формы, можно думать такъ и потому, что въ противоположеніи таится мысль о равнодушіи природы къ страданіямъ человѣка, о разладѣ послѣдняго съ дѣйствительностью, мысль естественная въ устахъ современнаго намъ поэта, но слишкомъ печальная для первобытной эпической поэзіи.

c) Причинное отношеніе тоже раждается изъ сравненія. Такъ, во многихъ народныхъ медицинскихъ средствахъ можно распознать символы выздоровленія, или болѣзни: пораженное сибирскою язвою мѣсто очерчиваютъ выпавшимъ изъ сухой сосны сучкомъ, чтобы уроки, призоры и пр. посыхали, какъ сучья и коренья у сухой сосны (Этн. оч. Ю. С. Гул. 53); рожу лѣчатъ высѣканьемъ огня и прикладываньемъ краснаго сукна на больное мѣсто, потому что рожа сближается въ языкѣ съ огнемъ и краснымъ цвѣтомъ. Вообще символизмъ доживаетъ свой вѣкъ въ подобныхъ сложныхъ формахъ; онъ долго живетъ въ примѣтахъ, симпатическихъ лѣченьяхъ и другихъ предразсудкахъ, послѣ того, какъ исчезнетъ въ высшихъ формахъ народной поэзіи.

Такъ-какъ символизмъ есть остатокъ незапамятной старины, то встрѣтить его можно преимущественно тамъ, гдѣ медленнѣе происходитъ отдѣленіе мысли отъ языка, куда медленнѣе проникаетъ новое. Какъ ни стары иныя былины, пѣсни юнацкія, все-же онѣ, съ немногими исключеніями, всѣмъ своимъ содержаніемъ относятся ко временамъ историческимъ. Жизнь, въ нихъ изображенная, есть жизнь столкновенія и борьбы народовъ, жизнь прогресса, быстро приводящая въ забвеніе старину и возсоздающая ее въ новыхъ формахъ. Вообще мысль мужчины шире, подвижнѣе, измѣнчивѣе, въ силу новыхъ, входящихъ въ нее, стихій, чѣмъ мысль женщины, заключенной въ кругу медленно измѣняющагося домашняго быта, болѣе близкой къ природѣ и неподвижному разнообразію ея явленій. Женщина —

преимущественно хранительница обрядовъ и повѣрьевъ давно застывшаго и уже непонятнаго язычества. Оттого связь съ языкомъ и символизмъ, характеризующіе женскія пѣсни, встрѣчаются въ мужскихъ въ гораздо меньшей степени. Символизмъ находится въ обратномъ отношеніи къ силѣ постороннихъ вліяній, а потому онъ необходимѣе и яснѣе у Русскихъ и Сербовъ, чѣмъ въ пѣсняхъ Чеховъ, Лужичанъ, Хорутанъ, Поляковъ. Эстетическое достоинство произведеній народной поэзіи падаетъ вмѣстѣ съ символизмомъ и отъ тѣхъ-же причинъ: между прочимъ — отъ уменьшенія числа людей, для коихъ языкъ и произведенія народной словесности главныя средства развитія. Правда, превосходныя Сербскія историческія пѣсни и нѣкоторыя Млр. думы доказываютъ, что и при отсутствіи символовъ возможны высокія народныя произведенія, если между классами народа нѣтъ рѣзкаго различія и если вся масса народа достигнетъ извѣстной степени воодушевленія; но воодушевленіе проходитъ, масса народа разъединяется, и снова начинается процессъ паденія народной словесности.

Въ настоящее время многія Малороссійскія пѣсни, еще прекрасныя по частностямъ, не представляютъ никакого внутренняго единства. Онѣ, очевидно, механически сшиты изъ отдѣльныхъ двустишій и четверостишій, которыя встрѣчаются въ другихъ пѣсняхъ, поются и сами по себѣ. Однѣ изъ этихъ короткихъ пѣсенекъ — параллельныя выраженія съ правильно-употребленнымъ символомъ; въ другихъ символъ поставленъ случайно, по привычкѣ; въ третьихъ опущенъ символъ или его объ-

ясненіе, которое теперь было бы вовсе не лишнимъ. Пол. краковьяки, кажется, были прежде параллельными выраженіями, какъ Малорусскія «уличныя» и «коломыйки», но теперь представляютъ гораздо большую степень разложенія, чѣмъ эти послѣднія. Нѣкоторые изъ нихъ—наборъ словъ, утратившій всякій смыслъ: «Kamień na kamieniu, na kamieniu kamień, A na tém kamieniu jeszcze jeden kamień».

Приводя въ порядокъ немногіе собранные мною матеріалы, я старался не упускать изъ виду символики съ языкомъ, и располагалъ символы по единству основнаго представленія, заключеннаго въ ихъ названіяхъ. Въ частныхъ случаяхъ я могъ ошибаться, но вѣрно то, что только съ точки зрѣнія языка можно привести символы въ порядокъ, согласный съ воззрѣніями народа, а не съ произволомъ пишущаго.

Огонь. Свѣтъ. Еслибъ мы не знали, что божества огня и свѣта занимали важное мѣсто въ языческихъ вѣрованіяхъ Славянъ, то могли бы убѣдиться въ этомъ изъ обилія словъ, имѣющихъ въ основаніи представленія огня и свѣта.

Какъ душа и жизнь, такъ и частныя проявленія жизни: голодъ, жажда, желаніе, любовь, печаль, радость, гнѣвъ представлялись народу и изображались въ языкѣ огнемъ. Слова, первоначально примѣняемыя къ нѣсколькимъ понятіямъ, напр. и къ желанію, и къ

печали, съ теченіемъ времени становятся опредѣленнѣе, начинаютъ обозначать одно извѣстное понятіе. Диссимилирующая сила языка дѣйствуетъ при этомъ по правиламъ часто совершенно для насъ непонятнымъ. Примѣромъ этого, какъ кажется, произвольнаго разграниченія тождественныхъ по основному признаку словъ могутъ служить названія пищи и питья, голода и жажды. Что пища и питье роднятся между собою въ языкѣ, видно изъ слѣдующаго: сл. пища происходитъ отъ пи — ти съ суффиксомъ, ставшимъ согласною корня. Отъ предполагаемой формы пitити — Млр. питимий, кормящій: Млр. «питимая матінка» можно буквально перевести: «кормилица матушка». Суф. — имый имѣетъ здѣсь дѣйствительное значеніе, какъ въ родимый. Отъ соути, лить, происходятъ: сытый, накормленный, отличаемое обыкновенно отъ пьяный и сопоставляемое съ симъ послѣднимъ, и сыта (медовая), слово, означающее собственно жидкость и по такимъ-же неизвѣстнымъ причинамъ отнесенное къ меду, какъ слова квасъ (ср. киснуть, мокнуть, Серб. киша, дождь) и пиво къ своимъ понятіямъ. Въ одной Лужицкой пѣснѣ, наоборотъ, вода названа съѣстною: Póśćel jeho po wodu, po tu wodu jadomnu (Haupt. I. 145). Сродство голода и жажды видно въ нѣсколькихъ словахъ. Ст.-Слв. жлъдьнъ, тождественное по корню съ Русс. голоденъ, въ Срб. жудан получаетъ значеніе жаждущаго. Смага, близкое къ смажить, жарить, значитъ въ Смол. губер. жажда, а въ Псков. — позывъ на пищу. Пол. pragnąc, pragnienie, жажда, Стар. Русс. пражу, жажду (Азбук. въ Ск. Р. Н.), образовалось

отъ значенія Пол. praẑyć, Млр. прягти (гдѣ *я* указываетъ, можетъ быть, на старинное ѧ), жарить. Самое жажда (кор. жѧд) можетъ быть сродно съ кор. жег. То-же подтверждаютъ выраженія: «ѣсть хочется, а пить — какъ душу выжгло» (Бусл. Посл. въ Арх. Кал. кн. II. ч. 2); «Ты бѣ жаждущимъ утробѣ охлажденіе (Илар. о Зак. благ.); «гладомъ таати» (Варл. и Іосафъ приб. къ Лит. Ист. Стар. нов. и пр. Пып.). Таять, кромѣ обыкновеннаго значенія, имѣетъ и теперь еще на Сѣверѣ другое, горѣть; совершенно такъ, какъ топить: «затаяли свѣцу воску ярово (Пам. и обр. 414); отсюда Млр. потала (въ выраженіи «звірю на поталу») — пожраніе, жертва. Какъ жрать, ѣсть — одного корня съ горѣть, такъ Пол. poẑywać, ѣсть, по связи жизни съ огнемъ, можетъ въ основаніи имѣть представленіе огня, который, по пословицѣ, хуже вора, потому что «воръ воруетъ, хоть стѣны оставитъ, а пожаръ все пожираетъ» (Бусл. Посл.). Нѣкоторыя слова, означающія желаніе, прямо примыкаютъ къ понятію голода и жажды, а черезъ нихъ къ горящему внутри человѣка огню. Таковы Ст.-Слв. жѧдати, Пол. ẑądać, pragnąć, желать. Другія — не имѣютъ видимой связи съ голодомъ и жаждою, но относятся къ огню.

Желать сродно съ жалить, жалѣть и горѣть, о чемъ память сохранилась въ пословицѣ: «Ярко желаютъ, да руки поджимаютъ» (Бусл. Посл.). Млр. и Влр. бажать, сильно желать, имѣетъ при себѣ Млр. багаття, горячіе угли, жаръ. Даже горѣть могло принимать значеніе желать, какъ можно заключать изъ слѣдующаго. Въ Млр. дѣвичьей игрѣ «въ горю-дуба»

(или «въ горю пня», Псков. огарыши, горѣлки.), дѣвушка, ставшая горѣть, говоритъ: «горю, горю дубъ (илп пень)». Одна изъ двухъ, ставшихъ противъ нея, спрашиваетъ: «чого-жъ ти горишъ?—«Красноі панни!»—«Якоі?»—«Тебе молодоі» и пр., за тѣмъ тѣ двѣ бѣгутъ, а горѣвшая ловитъ (Дни и мѣс. Укр. посел., Максимовича, Русс. Бес. 1856 г. III.). Родительный п. при горѣть показываетъ, этотъ глаголъ значитъ здѣсь не ловить—бѣгать, какъ можно думать по связи огня и быстроты, а скорѣе желать, любить. Любовь есть желаніе, почему Псков. жаланный—любезный, желанный—любезный, милый (Орл. Туль.), ласковый, добрый (Моск. Олон.); Твер. жадный, милый; во многихъ Сѣв. губ. бажоный, миленькій. Костр., Олон. Тамб. бажатъ-ка—крестный отецъ, крестная мать, можетъ быть потому, что излюблены, выбраны, въ противоположность роднымъ. Связь любви съ огнемъ выводится и изъ сближенія красоты съ огнемъ, о чемъ—ниже. Въ названіяхъ печали я не замѣтилъ доказательствъ связи этого чувства съ жаждою—голодомъ; связь съ огнемъ—ясна. Печаль отъ печь, слово неупотребительное въ Млр., въ замѣнъ чего Млр. журба имѣетъ постоянный эп. пекуча. Журба, слово близкое по формѣ къ Чеш. zuřiti, свирѣпѣть, одного корня съ горѣти—жрѣти: у есть усиленіе глухаго звука (ср. муравей—мъравій). Жаль—горе тоже однородны съ горѣть, равно какъ обл. на-зола, грусть, близкое къ зола, (ср. пепелъ—удвоенная форма отъ плати, но и безъ предл. по—все-таки продуктъ горѣнія), золъ, имѣющему другую форму горшій. Скорбь имѣетъ при

себѣ заскорбнуть, засохнуть, скорблый, сухой. Сухота (Моск. и Млр.), забота, печаль отъ сухъ, откуда довольно рѣдкій Млр. гл. сушувать, горевать (Эгн. Сбор. I. 357), и обыкновенное Млр. сушить— вялить (о горѣ). Какъ въ языкѣ, такъ и въ народной поэзіи понятія желанія, любви, печали сродны между собою, потому что выражаются въ однихъ и тѣхъ-же образахъ внутренняго и внѣшняго огня. Какъ сл. утолить, напр. голодъ, жажду, имѣетъ въ основаніи понятіе огня (тлѣть, объ огнѣ), хотя выражаетъ его утишеніе, усмиреніе; такъ питье и ѣда, усмиряющія жажду и голодъ, служатъ символами упомянутыхъ сродныхъ съ огнемъ чувствъ.

а) **Питье.** Пить воду значитъ желать, стремиться, какъ можно догадываться изъ слѣдующаго: «Край тихого броду пье сивий кінь воду; Просилася мила та до свого роду» (Метл. 244). Конь пьетъ отъ жажды, какъ просьба—слѣдствіе желанія; «край броду», потому что бродъ—средство сообщенія раздѣленныхъ рѣкою. Болѣе примѣровъ можемъ представить для питья въ значеніи любви. Вода—дѣвица, женщина (см. ниже); хотѣть пить—жаждать любви: «Жедно момче гором јездијаше, Жедно воде, а жельно ђевојке» (Срп. пјес. 416). «Що утята—лебедята летять до криниці. Прилетіли до криниці, не пили водици; Та йшовъ козакъ до дівчини, зайшовъ до вдовиці» (Метл. 53), т. е. какъ утки—лебеди прилетѣли къ водѣ, да не пили ее, такъ козакъ разлюбилъ дѣвицу, потому что шелъ къ ней, да не зашелъ. Менѣе выдержано сближеніе въ слѣдующемъ: «Чи се тая криниченька, що голубка

пила? Чи се тая дівчинонька, що мене любила?» (Метл. Ср. 63, 72). Замѣчательно слѣдующее мѣсто, гдѣ питье—блудъ: «Вопросъ: сыне, пей воду отъ своихъ источникъ и отъ студенецъ, да не прольются своя воды. Толкъ: не сотвори блуда съ чюжею женою, да твоя жена съ чюжими не соблудитъ» (Приб. къ рѣчи Пр. Бусл. «О нар. поэз. въ др. Р. Литт.». Актъ Моск. Унив. за 1859). Сербское љубити, цѣловать, тоже сближается съ питьемъ; напр. въ пѣсенькѣ помочанамъ (моби, т. е. мольбѣ, прошенымъ): «На крај, на крај, моја силна мобо, На крају је вода и девојка, Вода ладна, а девојка млада: Воду пиjте, девојку љубите» (Срп. пјесм. I. 169); «Ја се напих жубер—воде, Намирисах жуте дуње, А наљубих младе моме» (ib. 362). Какъ любоваться, смотрѣть съ наслажденіемъ, относится къ любить, такъ Млр. дивиться, въ смыслѣ любоваться —къ символу любви питью: «Добри—вечiръ, удiвонько! дай води напиться! Хорошую дочку маешъ, хочъ дай подивиться!»—Стоить вода на вiдничку, такъ ти и напийся; Сидить дочка въ вiконечка, такъ ти й подивися!» Символъ извѣстнаго явленія можетъ, какъ сказано выше, быть средствомъ произвести это явленіе, или его причиною. Пить воду значитъ и любить, и быть любимымъ; напиться воды представляется средствомъ внушить къ себѣ любовь: Чи я, мати, не хорiшъ, чи я, парень, не дорiсъ? Чому мене, моя мати, дiвчата не люблять?—Пiди, синку, до криницi, напийся водицi: Будуть тебе дiвки любить ище й молодицi».

Пить вино—тоже любить: Лепо ме је сетовала мајка, Да не пијем црвенога вина, Да не носим зеленога

венца, Да не љубим туђина јунака» (Срп. пјес. I. 335, 334); «Ил'ћу пити кондир вина? Ил'ћу љубиш младу мому (ib. 331). Вода сближается со вдовою, а вино съ дѣвицей, потому что послѣдняя весела, а первая печальна (ib. 228). Поить — женить: Не ћу брата женит' удовицом, Нит' ћу брата појити водицом... Већ ћу брата женити дјевојком, И појити вином руменијем: Од вина је лице руменије, У дјевојке срце веселије» (ib. 229). Отсюда питье — свадебный пиръ, т. е. пиръ по преимуществу: Срб. пир — свадьба, пирник — свадебный гость, пироватисе — жениться и выходить за-мужъ, пировати — пировать именно на свадьбѣ, а потомъ — вообще; у Лужичанъ Сербскому пир сотвѣтствуетъ kwas, свадьба, собственно питье, (ср. Срб. киша, дождь: понятія питья и изливанья совмѣщаются въ одних и тѣхъ-же корняхъ); въ разныхъ Влр. губерніяхъ пропить дѣвку значитъ просватать, а въ Бѣлоруссіи запоины — сговоръ.

Женидьба служитъ символомъ битвы и смерти, потому что и то, и другое, и третье — судъ Божій, а можетъ быть и по другимъ причинамъ. Въ частности пиръ — символъ битвы, потому что, какъ кажется, не только свадебный и надгробный, но и всякій болѣе — менѣе общественный пиръ сопровождался боями (кулачными?): областное (Волог. Яросл. Тульск.) сшибокъ, пиръ вообще и тризна; послѣднее видно изъ пословицы: «по дѣдѣ сшибокъ, а по бабкѣ щипокъ» (Бусл. Посл. Арх. Калач кн. II. Отд. 2). Варить пиво и пить значитъ биться. Въ думѣ на Желтоводскую битву Хмельницкій говоритъ козакамъ: «Гей друзі молодці братья

козаки Запорозці! Добре знайте, барзо гадайте, Изъ Ляхами пиво варити замирайте. Лядьский солодъ, козацька вода, Лядьскі дрова, козацьки труда» (Сб. Укр. пѣс. Макс. 67). Въ 1-й Новгородской лѣтописи читаемъ слѣдующій разсказъ о переговорахъ Ярослава съ преданнымъ ему мужемъ изъ Святополчей дружины: «И бяше Ярославу мужъ въ пріязнь у Святополка, и посла къ нему Ярославъ нощью отрокъ свои, рекъ къ нему: «онь си! что ты тому велиши творити? Меду мало варено, а дружины много». И рече ему мужь-тъ: «рчи тако Ярославу, д'аче меду мало, а дружины много, да къ вечеру вдати». И разумѣ Ярославъ, яко въ нощь велить сѣцися» (П. С. Лѣт. III. I.). Нѣтъ основанія понимать это мѣсто въ буквальномъ смыслѣ, потому что рѣшимость Новгородцевъ перевезтись на тотъ берегъ Днѣпра было дѣломъ случайнаго обстоятельства, а не слѣдствіемъ недостатка въ припасахъ; сравнивая же съ предшествующимъ мѣстомъ, мы видимъ, что «меду мало варено» значитъ: не было битвы (а стычки могли быть), а дать медъ дружинѣ прямо объяснено черезъ «сѣчися». Пиръ — битва, а пьянъ значитъ мертвъ, какъ видно изъ извѣстнаго мѣста въ Сл. о Пол. Иг. и изъ народныхъ пѣсень: «Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ (свадебный) докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русскую». Разбойники отвѣчають вдовѣ убитаго ими, которая узнаетъ у нихъ коней своего мужа: «Ой ми собі сіи коні ми ихъ покупили, Та на гнилій колоді гроші полічили, Зъ холодноі криниченьки могоричъ запили, Підъ гнилою колодою спати положили» (Ср. Ž. Pauli, II. 5).

Въ пѣснѣ о Лемерпнѣ: «Ой одчиняй, моя матинко, ворота! Я везу тобі невісточку пьяненьку. . . Ой упилась, моя матинко, од ножа, А заснула, моя матинко, крий коня» (Метл. 285 — 6). Изъ сближенія пира съ битвою можно объяснять частое сближеніе словъ пить и бить: «Нельзя, нельзя воду пити, нельзя почерпнути; Нельзя, нельзя жену бити, нельзя поучити» (Гул. Оч. Ю. Сиб. 95); «Не буду я води пити, вода луговая; Не буду я жінки бити, жінка молодая» (Метл); «W potoczku za laskiem siwe konie piją; Niechodź tam, Janěczku, bo cię tam zabiją» (Zejszner. Pieśni Ludu Podhalan. 149); A čije to studýnka, Co z né koně pijo? Nechod' tam, synečku, Aťtě tam ne zabijo (Mor. nár. pisně. 262). Впрочемъ можно относить это къ связи питья воды и печали, о чемъ—ниже. Вообще сродство пира, битвы и близкихъ къ нимъ понятій очень давне; оно выразилось въ различныхъ значеніяхъ теперь уже мало понятнаго слова тризна, надгробный пиръ. Слово это, кажется, значитъ собственно то-же, что пи-ръ, и происходитъ отъ корня, означающаго лить—пить, судя по близости его съ трѣзвыи, Срб. тризан, трије зан. Послѣднее по аналогіи съ тощъ (см. ниже) должно значить пустой, порожній, тотъ, изъ котораго вылито. Какъ пиръ — веселье, * что видно

* Ср. связь питья вина и веселья въ извѣстномъ: «Руси есть — веселіе пити», коего значеніе объясняется Чеш. «Pili, až se hory zelenaly» (Nar. Pohad. Od. J. K. z Radostova. Sv. VI. 59), т. е. такъ весело пировали, что, сочувствуя имъ, горы покрывались зеленью. Связь зелени и веселья см. ниже.

изъ Пол. wesele, Млр. весільля, свадьба, такъ Словац. truznitisia — веселиться (Ср. тих, тѣх и кор. туш.). Какъ Пол. biesiada, пиръ, Русс. бѣсѣда, разговоръ, — отъ сидѣнья вмѣстѣ; такъ Чеш. truzniti — tryzniti, говорить, — отъ питья (и сидѣнья) вмѣстѣ, безъ чего нѣту пира. Значенье Чеш. tryznowati, насмѣхаться, можетъ быть выведено изъ веселья и разговора и все-таки относится къ питью: «Так мени добре помежъ ворогами, Якъ тій криниченці помежъ дорогами: Хто йде або йіде — водиці напьеться; Зъ мене молодоі хто схоче, сміеться» (Метл. 26). Въ Азбуковникѣ (Ск. Р. Н. т. II), тризна — подвигъ; у Памвы Берынды «тризникъ, шырмѣръ, або тотъ, що на игриску естъ; тризнище, мѣстце, гдѣ бываютъ поединки . . . або кугларства» и пр. Чеш. tryzniti, бить, мучить: все согласно съ связью понятій пить и бить.

Питье воды въ смыслѣ печали противополагается питью веселящихъ напитковъ: «Пийте, люде, горілочку, а я буду пити воду; Тяжко жити на чужині а безъ мого роду (Зап. о Юж. Русп. II. 238 — 9). Оно есть слѣдствіе представляемой жаждою печали, что ясно изъ слѣдующихъ двухъ примѣровъ: «A tom dole na dolině Čierný hawron wodu pije, Pije, pije w welkom žiali, Že ma milú w cuzom kraji (Pisn. sw Lidu. Słow. w Uhř. 1823 г. 72); въ Сербской пѣснѣ юнакъ приказываетъ привязать коня за копье на своемъ гробѣ, дать ему овса, но не дать воды, чтобъ тужилъ за своимъ господиномъ: «Зобиѣ му дајите, Пити му не дајте, Нек ме жали доро» (Серп. пјес. I. 394). «Ой піду я до криниці пити воду з днециця; Ой безъ ножа, без та-

лірки не край мого серця» (Метл. 12). «Ой на морі та на камені Пило воду та два соколи, Напившися, говорили: Летімъ, братця, на заручини! Тамъ Маруся заручаеться, Отъ батенька одлучаеться, Досвекорка прилучаеться» (Метл. 127), т. е. невѣста разлучается съ отцомъ, слѣдовательно горюетъ. Питье воды — слезы, какъ слѣдствіе печали: «Ku potoku wartko idę; Czarny gawron wodę pije, Pije, pije, pobrakuje; Moja miła popłakuje» (Zejszn. P. L. Podh. 171); карканье ворона только усиливаетъ значеніе другаго символа, потому что оно, какъ извѣстно, предвѣщаетъ, слѣдовательно изображаетъ печаль. «Leciały gołębie w stawie wodę piły; Bodaj cię, chłopczyno, moje łzy zabiły (ib. 64). Слезы убиваютъ, потому что тяжелы: «A Jwasiowy sliozy marne ne propały: Na kamiń spadały, kamiń rozbywały (Ž. P. II. 20); «Z welikeho žalu sluzenky kapaju, Na tvrdem kameni jamky vybijaju (Mor. nar. P. 254, 255). *

---

* Тяжелы онѣ потому, что трудъ роднится съ горемъ и болѣзнью. Понятія тяжести, работы, болѣзни и горя совмѣщаются въ словѣ трудъ (если примемъ однородность сл. трудъ и тръдъ): трудъ — беремя, откуда Срб. трудна жена — беременная; областное трудный, больной (въ пѣсняхъ тождесловное выраженіе «труденъ — боленъ»); Ст. Русс. трудный — печальный: «Начяти трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ». Какъ Болг. мѫка — трудъ, Срб. мука — дѣло, замучити се — потрудиться (напр. прійти), а Болг. печѣлѫ, отъ заботы (и труда) переходитъ къ барышу и пріобрѣтенію: «спечѣлилъ много имане» (Безс. Болг. п. Времен. О. И. и Др. кн. 21. 88); такъ страдать, въ смыслѣ болѣзни и муки, имѣетъ при себѣ обл страда, рабочая пора и тяжелая работа, Ст. Русс. страдати, работать, трудиться, у Памвы Бер. страданіе — подвигъ. Отсюда тяжелая работа — символъ

b) **Ѣда.** Если признаемъ отношеніе питья — любви къ огню, то можемъ туда-же отнести и принимаемую въ такомъ смыслѣ ѣду, потому и здѣсь питье и ѣда сопоставляются: «Pila bych, jedla bych, chleba se mně nechce, Než teho synečka, co je v Novém Městě» (Mor. Nár. P. 214). Отсюда видно, что хлѣбъ — мужчина; но и женскія и мужескія названія хлѣба — символы женщины: «Теперъ нарядили, якъ сами схотіли: Зъ книша паляницю, з дівки молодицю (Метл. 210), какъ поютъ, надѣвая на молодую «намитку». Мысль, что всякому предопредѣлено, кого любить, выражается поэтому такъ: «суженое ѣство да ряженому ѣсти». Наоборотъ, Дунай на ласки Афросиньи Королевишны, которую сваталъ за князя Владиміра и считалъ для себя неприкосновенною, отвѣчаетъ: «А и ряженой кусъ да не суженому» (Др. Р. ст. 34, 35). То-же значеніе имѣетъ пастись. Въ свадебной Сербской пѣснѣ поется: «Бре не дај, не дај, девојко! Іелен ти у двор ушета, Босиљак бел ти попасе. — Нека га, друге, нека га: За њега сам

всего прискорбнаго, непріятнаго: «Ой як мені важко сей комінь катити, То такъ мини важко за Иваномъ жити» (Метл. 115, 81, 259). «Лучче-ж мині, моя мати, круту гору роскопати, А ніжъ мині нелюбого соколоньномъ називати» (ib. 259, 260, 161); «A lepiéj to lepiéj góry lasy kopać, Niźli się, Jasieńku, w twojem sercu kochać. Góry-lasy skopię, jestem sobie wolna, W tobie się zakochać — nigdym niez spokojna» (Piesni L. Krakow. 3). Печаль сама по себѣ — тяжела: «Da su moje tuge, Kak su tuge druge! Ali moje tuge Jesu jako (сильно, очень) težke: Kad bi samo male Na kamen spadale, Kamen bi razbile Na makovo sime» (Kolo. III. 1843, стр. 46); «Ты не гнись-ко половочка, не ложись переводинка: Что не я тяжела иду, тяжело горе кручина (Терещ. Б. Р. Н. II. 248).

га сејала» (Срп. Пјес. I. 12). Трава, отъ трути, ѣсть, символъ дѣвицы — женщины; ѣсть траву — любить: «Попідъ мостомъ трава з ростомъ, що й кінь напасеться: Не бачила миленького, не зрадила серця. Хоть бачила — не бачила, не навтішалася: Я-жъ на тебе, мій миленькій, не сподивалася» (Метл. 52). Между первыми двумя стихами противуположеніе: любовь не встрѣчаетъ препятствій со стороны дѣвицы, а между тѣмъ она не видалась съ милымъ, не утѣшила своего сердца.

Горечь. Постоянный эпитетъ горя — горькое. Слово горькій согласно со своимъ происхожденіемъ, значило въ-старину огненный (напр. горкыи зъмии), горячій, какъ и современное Чеш. horký, и получило значеніе горькаго, ѣдкаго вкуса, потому что огонь жретъ. Мы въ правѣ принимать эпитетъ горя не только въ смыслѣ горючаго, но и горькаго. Желчь, слово однородное съ зеленый, золото и горѣть, названное, можетъ быть, по цвѣту, имѣетъ, по Вацераду (slich), кромѣ fel, iracundia, еще значеніе virus, ядъ, которое могло образоваться только черезъ понятіе жрать, ѣсть, подобно тому, какъ отрава, отрута — отъ тру-ти, ядъ — отъ значенія ѣсть. Дѣйствіе яду изображается такъ: «Капула капля коню на гриву, у коня грива загорѣлася» (Сказ. Р. Н. I кн. 3. 202). Съ этимъ согласно, что отъ трути — тру-тъ, Срб. труд, губка, собственно пожираемое огнемъ, и что ядно значитъ, по Азбуковнику, жженіе. Срб. јад, горе, выражаетъ вмѣстѣ пожирающее дѣйствіе огня и печаль. Отъ такого представленія, съѣсться - погибнуть (отъ печали): «Ужъ какъ съѣлся я, добрый молодецъ, погубился»

(Пам. и обр. нар. яз. и слов. 171). Въ силу своего эпитета, горе имѣетъ символомъ нѣкоторыя горькія растенія. Полынь, отъ одного корня съ пламя, пал-ить, полѣно, пепелъ, своимъ названіемъ подтверждаетъ связь горечи и огня. Она выростаетъ изъ посѣяннаго горя: «Я разсѣю мое горе по всему по чисту полю. Уродися, мое горе, ты травою полыньею. Какова трава полынь горька, таково-то мое горе сладко» (Ск. Р. Н. II, ч. 3. 149); «Ја босильак сејем, мени пелен ниче (Срп. пјес. I. 439). Ѣсть полынь — символъ тяжелаго непріятнаго дѣла: «Лучче-ж мени, сестро, гіркий полинь істи, А ніжъ мені, сестро, спротиву изъ ума звести» (Метл. 81, ср. 259. 261). Такое же значеніе имѣетъ въ Сербскихъ пѣсняхъ чемерика, чемерица, чемерка, (откуда синонимическіе глаголы въ Серб. јадиковати-чемериковати), а въ Русскихъ — «горькая осина». На дѣвичникѣ невѣста, прощаясь съ матерью, причитаетъ, что если на мѣстѣ прощанья выростетъ яблоня, то житье ей за-мужемъ будетъ хорошее, если береза — среднее, а если осина, то житье будетъ послѣднее (Терещ. Ск. Р. Н. II. 200). По сходству чувственныхъ впечатлѣній горькаго и соленаго, соль — тоже печаль, такъ что насолить — надѣлать бѣды, «солоно» пришлось — тяжело, горько, а просыпать соль — знакъ, что горе будетъ. Оттого слеза, какъ признакъ и слѣдствіе горя, горька, горюча, солона: «Горевая слеза горька и солона». Самое рыдать, въ смыслѣ плакать, предполагаетъ значеніе: плакать горько или отъ горя: рыдать — усиленная форма того корня, что въ Ст.-сл. рѫдѣти, краснѣть (и горѣть?), а по-

тому сближается съ огнемъ и свѣтомъ. Арх. спорыдать, о солнцѣ: показываться, появляться, соотвѣтствуетъ теперешнему значенію сл. рдѣть, а слѣдующее выраженіе подтверждаетъ предполагаемое нами: «берестечко (береста) такъ и зарыдало», т. е. вспыхнуло (Аѳан. Н. Р. ск. III. 69). Пенз. хмылить, плакать, хныкать, а хмыль (Пенз.), хмылъ (Моск.) — полымя, хмылать (Моск.) жарко горѣть, полыхать.

Сладость. Сладкій вкусъ и по символическому значенію противоположенъ горькому. Согласно съ Бѣлор. пословицею: «что красна, то харашо, што солодка, то смачна», Лужиц. słodźić — быть вкуснымъ: «Wjacy jich je, a lješe słodźi» (Haupt. a Smol. II. 203), т. е. чѣмъ больше народу за столомъ, тѣмъ вкуснѣе ѣстся, «въ гурті и каша ість ся». Сладкое — любовь, счастье, потому что противополагается горю. Въ Галиціи солодкый — милый; въ тамошнихъ пѣсняхъ довольно часто: «Oj lubko ma solodeńka». Въ Влр. свадебной пѣснѣ сваха говоритъ: «Какъ чужая-то сторонушка сахаромъ изнасѣяна, сытою поливана» . . . На это ей отвѣчаетъ мать невѣсты: «Ужъ какъ чужая-то сторонушка горемъ вся изнасѣяна, Она печалью поливана, печалью огорожена». (Ск. Р. Н. II. ч. 3. 149).

Одного корня въ рдѣть и рудой, рыжій — слово ржавчина, Пол. rdza, Сер. рђа. Безъ сомнѣнія оно выражаетъ представленія свѣта и красноватаго цвѣта, но не выражаетъ ли и огня? Ржавчина — печаль, и можно думать, что она пожираетъ желѣзо, какъ печаль человѣка: «Кто бы, кто бы изъ острой сабли ржавецъ вытеръ? Кто бы, кто-бы изъ добра коня норовъ вы-

велъ? Кто бы, кто бы у добра молодца печаль вызналъ?» (Пам. и обр. народ. яз. и сл. 176). Отсюда, б. м. Срб. рђав, несчастный, больной, дурной, бѣдный; проклятія: «рђа те убила», «пасја те рђа не убила» могутъ относиться и къ горю и къ болѣзни. Такое-же значеніе имѣетъ и болотная ржавчина: «Что не ржавчинка на болотичкѣ зараждалась, Не кручинушка добра молодца издоляла: Издоляла-то молодца худа слава; Съ худой славы добрый молодецъ погибаетъ» (Пам. и обр. 169.).

Таянье. Сообразно съ указанною выше связью сл. таять и топить съ огнемъ, таянье снѣгу (а вѣроятно и воску) имѣетъ тѣ-же значенія, какія голодъ и жда. Въ выраженіяхъ, относящихся собственно къ любви, можно видѣть и желаніе: «А ти узми ону груду снежану, Па је метни у недарца до срца: Како копни она груда снежана, 'Нако копни срце моје за тобом» (Срп. пјес. I. 403. ср. 402); «Упавъ сніжокъ на обліжокъ, та взявся водою; Пішовъ бы я до иншоі — зазнався зъ тобою» (Метл. 50), т. е. какъ необходимо таетъ снѣгъ, подмытый водою (если только «взяться водою» не значитъ просто таять), такъ я не могу не любить тебя. На-оборотъ: снѣгъ не таетъ — сердце не любитъ, не пристаетъ къ другому: «Упавъ сніжокъ на обліжокъ, та вже не ростане; Пішовъ бы я до иншоі, сердце не пристане» (Метл. 50), или: «Ой до стидкого та до бридкого серденько не пристане» (Метл. 67). Такимъ-же образомъ, какъ и любовь, выражена печаль: дѣвица въ разлукѣ съ милымъ говоритъ: «Ой візьму я снігу въ руку, сніг̂ъ у руці тане;

Тяжко — важко на серденьку, як вечоръ пастане» (ibid. 16).

Кованье. Если ковать значитъ не только бить молотомъ, но и раскалять или, какъ говорилось пастари, «варить» (варъ — жаръ) желѣзо и вообще металлъ, то понятно слѣдующее выраженіе, въ которомъ дѣвица сравниваетъ себя съ золотомъ, а любовника, жениха — съ кузнецомъ: «Злату ће се kујунџија паћи, И мени ће мој суђеник доћи» (Срп. пјес. I. 376). Не одного ли происхожденія Пол. kochać, Чеш. kochati съ Срб. кухати — кувати варить? Близость ихъ по корню довольно вѣроятна. Раскаленное желѣзо сближается съ печальнымъ сердцемъ: «To moje serdeczko takie rozžalone, Jako to želazko w ogniu rozpalone» (Zejszn. P. L. Podh. 103).

Огонь. «Любовь, говоритъ пословица, не пожаръ, а загорится не потушишь»; но изъ подобныхъ неполныхъ сравненій можно всегда почти заключить о существованіи полныхъ, т. е. въ настоящемъ случаѣ, что любовь есть пожаръ. Въ Млр. пѣснѣ тоже: «Ти не пожаръ, ти не пожаръ, а я не билина; Не зводь мене изъ розума, бо я сиротина» (Макс. Дни и мѣс. Укр. пос. въ Рус. Бес. 1856. III). Обыкновенно въ Млр. пѣсняхъ сближеніе словъ «жарко» и «жалко»: «По тімъ боці огонь горіть, по сімъ боці жарко; Якъ поідешъ зъ Украіны, комусь буде жалко» (Метл. 39). Жаль, печаль, риөмуется съ жаръ, горячіе уголья: «Загрібай, мати, жаръ, жаръ, Чи не буде дочки жаль, жаль (ib. 227); «Не курила, не топила, на припечку жаръ, жаръ, А якъ вийду изъ Ивниці, комусь буде

жаль, жаль (ib. 16). Подъ любимыми рифмами кроется, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ случаяхъ, символъ. («Не курила — не топила» — тавтологическое выраженіе, п. ч. курить — собств. жечь). Въ Влр. пѣсняхъ приводятся въ соотвѣтствіе сл. жарко (объ огнѣ) и горько (о плачѣ): «Ужъ какъ жарко во теремѣ свѣчи горятъ, горятъ свѣчи воску яраго; Ужъ какъ горько плачетъ свѣтъ — Аннушка, унимаетъ ее родный батюшка» (Сказ. Р. Н. I. 3. 143); «Ня гарька гарицъ калинка, Ня пылка пылицъ малинка; Ня жалка плачицъ Кацюша, Ня жаль ёй, ня жаль матушки» (Эти. Сб. II. 186). Изъ этихъ примѣровъ видно, что «свѣча горитъ» значитъ: болитъ страдаетъ; слѣдов. понятно Срб. выраженіе, употребляемое о свѣчѣ, которая горѣла «на крсно име»: «уħеши, обесели свиjеħу» вм. угаси. Влр. выраженіе «закратить свѣчу» (Новг.) «засмирить свѣчу» (Костр. Спб.), вм. потушить свѣчу передъ образомъ, указываютъ только на уваженіе къ святому огню. И пожаръ — печаль: «Kołomyju zapałyły, Kolomyja horyt; Takoj mene za myleńkom bołowońka bołyt. Wyhoriła Kołomyja, łyszyły sia ilmy; Oj lubko ma sołodeńka! tož za tobow žyl (жаль) my» (Žeg. Paul. II. 193).

Дымъ. Подобное-же значеніе имѣютъ дымъ и пыль, сближаемые между собою и представляемые произведеніемъ огня. Пол. kurz, Млр. курява, пыль, отъ курить, т. е. горѣть; Пыль, Млр. пилъ, относятся къ пла-ѫти, пылать; пра-хъ, отъ пра-ти, бить (Mikl. Radices), но не иначе, какъ при посредствѣ понятія огня, тѣмъ болѣе, что самое пра-ти можетъ только

древнѣйшею формою сл. пла-нѫги и прямо отъ битья переходитъ къ горѣнью. Какъ бы ни было, о сродствѣ сл. прахъ съ огнемъ говорятъ: Чеш. prasiwec, огненный змій, prašiwy, Пол. parszywy, Русс. паршивый. Парши (Пол. parchy), какъ и нѣкоторыя другія сыпи, имѣютъ отношеніе къ огню. До сихъ поръ извѣстнаго рода прыщъ на губахъ представляется наказаніемъ за оскорбленіе святости огня, и дитяти говорятъ: «не плюй на огонь, а то огникъ выскочитъ». Замѣчательное соотвѣтствіе съ переходомъ значенія въ сл. порохъ и парши представляетъ Пол. swąd, swędzieć, угаръ, вонять гарью, и зудъ, зудить. * Оба значенія выводятся изъ понятія огня: Пол. wędzić коптить, откуда наше ветчина; Ст.-сл. с-вѧ (д) нѫти, сохнуть, Русс. вянуть. Сл. коп-тить, копоть слѣдуетъ сравнить съ Срб. копњети, таять. Какъ пыль вообще, такъ и туманъ представлялся дымомъ отъ огня, и на этомъ основаніи и то, и другое — символъ печали. «Зеленая дібрівонько! чомъ не горишъ, та все куришься? Молодая дівчинонько! чого плачешь, та все журишся? Колы-бъ же я підпалена, то горіла-бъ не курилася; Ой коли-бъ же дівка посватана, не плакала-бъ, не журилася». Изъ этого мѣста видно также,

* Еще сближеніе чесанья и огня: Зудъ, зудить, чесаться имѣютъ при себѣ зудить, пить (Арх.), бить (Онеж.). Послѣднее не отъ огня и питья, а по аналогіи съ чесать, которое значитъ и бить. (Ср. Ст.-сл. жѧдати, жаждать). Можно бы и свер-бѣть сравнить со свирати, свистѣть. Какъ ни странно сопоставленіе подобныхъ значеній, но слова для звука могутъ имѣть въ основаніи понятіе свѣта и огня.

что поджечь дуброву — посватать дѣвицу, потому, что сватовство предполагается слѣдствіемъ любви. Изъ одной весиянки можно догадываться, что такое сравненіе поведено дальше и что гасить дуброву значитъ отказываеться отъ замужества: «Галечка. . . Цебромъ воду носила, діброvoньку гасила». (Метл. 297). Такая строгость должна восхваляться въ весенней пѣснѣ, потому что весна пора вражды между дѣвицами и мужчинами.

Пыль. Такимъ-же образомъ пыль дороги — печаль. «Не жаль мені доріженьки, що куриться курно, А жаль мені дівчиноньки, що журиться дурно; Не жаль мені доріженьки, що пиломъ припала, А жаль мені дівчиноньки, що з личенька спала» (Метл. 22), т. е. что похудала отъ печали. Выше мы видѣли предполагаемое значеніе понятія гасить, если пожаръ представляется любовью — сватовствомъ; но если огонь — пожаръ — печаль, то тушить его должно значить утѣшать, что и встрѣчаемъ въ примѣненіи къ дорогѣ: «Приливайте доріженьку щобъ пиломъ не пала; Розважайте матусеньку, щобъ зъ лиця не спала. Приливали доріженьку, таки пиломъ пала; Розважали матусеньку, таки зъ лиця спала» (ibid.). Примѣчаніе. Въ Млр. есть обычай, выпроводивши когонибудь изъ близкихъ, пить за его счастье въ дорогѣ, что называется «гладить дорогу». Это выраженіе не имѣетъ связи съ поливаньемъ дороги и можетъ быть объяснено иначе. У всѣхъ Славянъ распространено сближеніе пути со смертью. Такъ въ Сербскомъ причитаньи говорятъ, обращаясь къ мертвому главѣ семейства: «Ге (гдѣ, куда) си, бане, упутио» (Срп. пјес. 93. Ковч. 103

и др.); «Путуј ти, оче игумане, а не брини се за манастир», говорилъ одинъ монахъ игумену, когда тотъ, умирая, высказывалъ заботу о томъ, что будетъ безъ него съ монастыремъ. Въ Русскомъ причитаньи ждутъ покойнаго «съ пути съ дороженьки (Этн. Сбор. I. 164.). Отсюда областное удорожить, побоями довести до тяжкой болѣзни, убить. Но мертвому тяжело на томъ свѣтѣ, если на этомъ долго за нимъ убиваются: каждая слеза, канувшая на мертваго, жжетъ его огнемъ (слеза горюча). По Сербскому повѣрью, кукушка—это сестра, превращенная въ птицу за долгую печаль по братѣ, который отъ печали этой страдалъ. По Сербской пословицѣ: «Жали ме жива, а немој мртва», п. ч. «Тешко оном, кога жале» (Ср. Зап. о Ю. Р. II. 43: Grimm, Märchen изд. 1857. II, 120). Въ Лужицкой пѣснѣ дѣвица, за неутѣшный плачъ по смерти милаго, обращена въ дерево (Haupt. I. 90). Отсюда у Чеховъ и Поляковъ примѣта, что состраданіе присутствующихъ при битьѣ скотины и птицы длитъ ея предсмертныя мученія. Связь между умершими и отправившимися въ путь, съ одной стороны, и живыми, оставшимися дома, съ другой, не прерывается, и чувства послѣднихъ отзываются въ тѣхъ. Отсюда «гладить дорогу» можетъ значить веселить себя, и тѣмъ облегчать разлуку тому, кто уѣхалъ. Шуточное въ настоящее время приглашеніе пить: «пийте, щобъ дома не журились» можетъ быть основано на вѣрованіи въ сродство душъ. Если вышесказанное вѣрно, то оно доказываетъ, что значеніе Словац. truznitisia, веселиться, могло образоваться и отъ значенія надгробнаго пира, потому что онъ не былъ печаленъ.

Огонь. Гнѣвъ есть огонь; и отъ него сердце разгорается «пуще огня» или, что на то-же выходитъ, «безъ огня»: «Какъ чужіе-то отецъ съ матерью Безжалостны уродилися: Безъ огня у нихъ сердце разгорается, Безъ смолы у нихъ гнѣвъ раскипается» (Сказ. Рус. Нар. I, кн. 3, 112.). Срб. огњевит можетъ равняться нашему вспыльчивъ: «у тебе кажу Мајку пресрдиту, браћу огњевиту (Срп. пјес. I. 411. Ср. Срб. чемерикастъ злой). Вообще въ словахъ для гнѣва и сродныхъ съ нимъ понятій господствуетъ представленіе огня. Ѣдкій, бранчивый, Арх. Новг. Тв. ѣдуга = Тв. ядуга, Вят. Перм. изъѣдуга, тотъ кто всѣмъ противорѣчитъ, неуступчивый, сварливый, охотникъ спорить, браниться, задорный человѣкъ, могли получить свое значеніе и безъ посредства огня, какъ зубастый, Древ. Русс. зубоѣжа, ссора, Арх. зазуба, неуступчивый, бранчивый («зубъ за зубъ» и Серб. выраж. онъ има зуб на њега»), Срб. зубатисе = Сибир. зубатить, ссориться, браниться, Срб. гложити = Новг., Олон. глодать — ся, ссориться, браниться. Несомнѣнно слѣдующее: Стар.-Чеш. skravaďa, ссора, вражда, одного образованія съ Чеш. skrawad, сковорода, а это несомнѣнно отъ скврѣти, скваръ, жаръ; Чеш. hašteřitise, ссориться имѣеть при себѣ haštra, съ трескомъ горящая лучина; Чеш. zuřiti, близкое по формѣ къ журить, значитъ свирѣпѣть, и такъ относится къ жрѣти, какъ рудый къ рѫдѣти; ярость относится къ огню, потому что родственныя ему слова имѣютъ значеніе свѣта и яркихъ цвѣтовъ. Сл. гнѣвъ можетъ быть сближено съ Ст.-сл. гнѣ-тити, Пол. niecić, Чеш. nítiti, зажигать, от-

куда загнетка и загнивка, мѣсто въ печи, куда сгребаются уголья, и со словами гнить, гной *. Хорутанское jeza, гнѣвъ, jezitise, сердиться, Яросл. яжжить, вздорить [относительно послѣдняго Ср. *зг* = *зж* = *жж* въ визгѣ, визжать, и одно *ж* въ Тамб. южать] и Ст.-сл. ѩза, болѣзнь, Русс. язва болѣзнь и рана — одного происхожденія. Ихъ корень выражаетъ огонь, потому, что понятія раны и болѣзни то-же съ нимъ связываются, какъ видно между прочимъ изъ Срб. загасить раны, т. е. залѣчить: «Набра вила по Мирочу биља и загаси ране на jунаку (Ср. п. ес. II. 218) и Русс. «потухать» о болѣзняхъ: «Какъ вечерняя и утренняя заря станетъ потухать, такъ и у моего друга милаго всѣмъ бы недугамъ потухать» (Ск. Р. Н. I. ч. 2. 18); «Матушка заря вечерняя Дарья, утренняя Марія, полуночная Макарида! Какъ вы тихо потухаете — поблекаете, денныя и ночныя, такъ бы болѣзни и скорби въ рабѣ Божіемъ NN потухли и поблекли денныя, ночныя и полуночныя» (Осокина Зап. о Малм. у Совр. 1856, XI). Злой, дурной въ нравственномъ отношеніи и гнѣвливый, какъ и Хорут. zal, gorši, красивый, — къ корню горѣть (ср. обл. Влр. злой, старательный, переимчивый (Калуж.), способный, ловкій (Пск.), остроумный (Ворон.). Символы злости: змѣя, оса крапива — жалятъ, т. е.

* Гніеніе тоже представляется огнемъ: тлѣть значитъ гнить и горѣть медленно, безъ пламени; отъ трути, которое роднится съ огнемъ черезъ понятіе жрать — Новг. травиться, портиться: «мясо стравилось» — испортилось; Пол. mierzwa, навозъ, близко къ мразъ, мерзкій, а морозъ — огонь. (См. ниже).

жгутъ. Объ отношеніи змѣи къ огню свидѣтельствуютъ многія повѣрья и выраженія, какъ-то, что змѣя «по травѣ ползетъ — мураву сушитъ». Крапива жигуча, жижка. Въ Бѣлоруссіи, когда новобрачная сядетъ между мужемъ и старшею большанкою, поется: «Цяперъ я сѣла мижъ шипшинничку (шиповникъ), Мижъ крапивки: Жижка крапивка пожигаць будзець, Сухи шипшинникъ сушиць будзя» (Пант. 1853, N 5, Бѣлоруссія и пр. Шпилев.). Въ Влр. пѣснѣ невѣста разсказываетъ свой сонъ: «Подъ горою высокою Лѣса ростутъ темные И шипица колючая, Да и крапива-то жгучая, Да и осока рѣзучая. . . Шипица колючая — Богоданны милы братцы, крапива-то жгучая — Богоданныя сестрицы» и пр. (Терещ. Б. Русс. Нар. II, 246 — 7). «Богоданные» — родственники съ мужней стороны, которые невѣстѣ представляются всегда въ темныхъ краскахъ (по пѣснямъ). Крапива сближается съ шиповникомъ и терновникомъ (какъ въ Срб. «трње боде, а коприве жаре»), потому что сл. колоть и жалить сходятся въ основномъ представленіи огня: Срб. пецнути — печити, колоть, однородно съ печь и примѣняется къ ужаленію змѣи: «пецнула (печила) га гуја». Крапива, Ст.-сл. копривиѥ, Срб. коприва, Чеш. kopřiwa, Пол. pokrzywa, можетъ быть сравнена съ у-кропъ, кипятокъ. Чуть-ли Русская форма этого слова не первоначальная, а остальныя не перестановленныя. Во всякомъ случаѣ, мы должны искать огня въ названіи крапивы, кромѣ сказаннаго выше, еще потому, что кучи крапивы могутъ замѣнять купальскіе костры.

Заговоры, вывѣтрившіяся языческія молитвы, сопро-

вождаются иногда (а прежде, вѣроятно, всегда) обрядами, согласными съ ихъ содержаніемъ, т. е. символически изображающими дѣйствіе призываемой силы. Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что заговоры, коими насылаются или удаляются отъ извѣстнаго лица—любовь, печаль, болѣзнь, должны между прочимъ упоминать объ огнѣ и сопровождаться изображающими его обрядами. Дѣйствительно, въ заговорахъ на любовь, или присушкахъ, коихъ самое названіе указываетъ на отношеніе къ огню, всегда почти призывается палящая сила. Тоже видно изъ дошедшихъ до насъ извѣстій объ обрядахъ. Марина Игнатьевна, приворачивая Добрыню, разжигаетъ взятые изъ подъ ногъ его слѣды въ печи и приговариваетъ: «Сколь жарко дрова разгораются Со тѣмя слѣды молодецкими, Разгорѣлось бы сердце молодецкое Какъ у молода Добрыни Никитича» (Др. Р. ст. 49). Подобныя чары бываютъ на все оставленное человѣкомъ или тайно взятое у него, напр. на рубашку, на волосы. Можно также силою слова назвать извѣстный предметъ именемъ человѣка, такъ, что на послѣдняго будутъ дѣйствовать тѣ чары, которыя непосредственно обращены на предметъ: Стоянъ, приворачивая къ себѣ сестру Иванову, «књигу пише, уватру је баца» «Не гор́, књиго не гори jaзнjo, Веће памет сестре Иванове». (Срп. пjес. I. 469). Въ Млр. пѣснѣ дѣвица, узнавши объ измѣнѣ милаго, накопала кореньевъ и стала чаровать: «Stała koriń waryty, Wziawsia myłyj žuryty (т. е. тосковать за нею); Jszcze koriń ne wkypiw, A wže myłyj pryłetiw» (Žeg. P. II. 37 — 8. Срп. пjес. I. 350). Не знаю, произносятъ ли гдѣ въ Славянскихъ земляхъ

заговоры надъ восковою фигуркой человѣка, но извѣстно, что кукла замѣняется свѣчею. Въ Влр. тотъ, кто хочетъ сохранить любовь женщины, находитъ змѣю, рогулькою придавливаетъ къ землѣ ея голову и продѣваетъ иглу съ ниткою сквозь глаза, говоря при этомъ: «Змѣя, змѣя! какъ тебѣ жалко своихъ глазъ, такъ бы NN любила меня и жалѣла» (Ср. тавтол. миловать — жаловать); потомъ изъ сала этой змѣи дѣлаетъ свѣчку и зажигаетъ ее, какъ скоро замѣтитъ охлажденіе въ любви (Ск. Р. Н. II. ч. 2. 40). То-же средство служитъ и для того, чтобы наслать на врага несчастье и смерть: между Русскимъ населеніемъ Подлясья ведется обычай ставить свѣчу Матери Божьей, чтобы врагъ истаялъ, какъ эта свѣча. (Bibl. Warsz. 1858. I. Klechdy z Podl. p. Miłkowsk). Заимствованія здѣсь нѣтъ, потому что всѣ эти и другіе подобные обычаи могутъ быть объяснены изъ языка.

Морозъ. Морозъ, явленіе противоположное жару, сближается однако въ языкѣ съ огнемъ: на морозѣ «корець до рукъ прикипае», «до морозку ніжки прикипають» (Метл. 237); морозъ палитъ (Ž. P. II. 26), а потому въ Влр. пѣсняхъ онъ палящетой. При Ст.-сл. пражити, frigere, — Пол. prażyć, Млр. прятти, Срб. пржити, жарить, сушить. Оттого морозъ, подобно огню, — символъ любви: Влр. зазноба, любовь, любовница, зазнобчивый, влюбчивый. Впрочемъ въ Млр. зáзнобка — обида, оскорбленіе (м. б. печаль?): (сыновья) «Не велику зазнобку счинили, Матку стареньку зъ двора вигонили» (Зап. о Ю. Р. I. 20), а равно въ Срб. омраза, омразити, омрзнути, не-

нависть, сдѣлать и стать ненавистнымъ (ср. мерзокъ), въ Русс. отстуда и остуда, нелюбовь, ненависть, и въ постылый скорѣе можно предположить противопоставленіе мороза—холода огню и теплотѣ. Въ этомъ убѣждаетъ то, что ненавистный для молодой свекоръ—«морозъ лютый» протуволагается теплому снѣгу—отцу: «Лебедь наша бѣлая, Лебедушка малоденькая! Боишься ли ты мороза? Я мороза боюся, Я за бѣлый снѣгъ схоронюся. Ты Машенька душа... Боишься ли ты свекора? Я свекора-то боюся, Я за батюшку схоронюся», (Ск. Р. Н. I. ч. 3. 150. Ср. Этн. Сб. I. 149. Ск. Р. Н. I ч. 214). Вообще холодный—нелюбящій: «Ziłeńko zwiane, a szcze kraszczeje bude: Matinka umre, druhoi ne bude. Chot' wona bude ta wže studeneńka, Ne prystane wona do moho serdeńka» (Ž. P. II. 144). Ср. выше: снѣгъ не таетъ. Мысль о противоположности холода и тепла, нелюбви и любви выражена въ названіи растенія мать и мачиха. Верхняя, обращенная къ свѣту сторона кругловатаго листка этого растенія — гладка, зелена и холодна: это постылая мачиха; исподняя сторона листка — бѣла (откуда Млр. підбілъ) мягка, будто покрыта густой паутиной, и тепла: это родная и милая мать. Вѣроятно какъ противоположность огня — веселья, морозъ и холодъ — печаль, забота: «Ахъ кабы на цвѣты да не морозы, И зимой бы цвѣты расцвѣтали; Ахъ кабы на меня да не кручина, Ни о чемъ бы я не тужила» (Ск. Р. Н. I. ч. 3, 212). То-же значеніе имѣютъ иней и снѣгъ, какъ признаки зимы. Въ Витеб. губ., когда повязываютъ голову молодой на другой день послѣ свадь-

бы, поютъ: «Въ нядзѣлю марозъ былъ, Въ панядзѣлокъ иній палъ... На Кацюшину головку» и вслѣдъ за тѣмъ символъ печали: «Растапися банка, Разгарися каменка; Растужись Кацюша Па сваей старонки, И па роднай мамки, И по сваёй касы русай». (Этн. Сб. II. 186); «Okolo Buchlova Velika inovat' (иней); Staralse (заботился) syneček, kde bude nocowať?» (Mor. Nar. P. 462); «Снијег паде о Ђурђеву дану (слѣдовательно, когда тепло), Не може га тица прелетјети, Дјевојка га боса прегазила; За њом братац папучице носи: «Је л' ти, сејо, по ногама зима?» Ни је мени по ногама зима, Већ је мени по мом срцу зима; Ал ми није на снијега зима, Већ је мени с моје мајке зима, Која ме је за недрага дала» (Срп. пјес. I. 220). Слѣдовательно зима (холодъ, какъ въ Ст.-Сл.) — горе, а жестокая мать — снѣгъ, какъ выше свекоръ — морозъ. Снѣгъ — холодъ, потому что онъ выпалъ весною. И такъ, повсюду противоположеніе теплу — любви, веселью.

Зная, что слово зима предполагаетъ другую, древнѣйшую форму хима, мы не затруднимся отнести къ одному корню съ зима Сибир. химостить, ворожить, кудесить, собств. портить чарами при помощи враждебныхъ теплу и свѣту силъ (зима — морана). Другое подобное слово находимъ въ Мрл. химородить, химородою химородить, вообще колдовать, химородникъ, знахарь, колдунъ. Вторая половина Мрл. слова объясняется Чешскимъ roditi, Срб. радити, Пол. radzić (temu nieporadzę, — не пособлю), дѣлать. Сообразуясь съ приведенными значеніями холода, можемъ предполо-

жить въ сл. химородить значенія: уничтожать любовь, наводить печаль, можетъ быть болѣзнь, смерть.

Свѣтъ. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе въ народныхъ пѣсняхъ, какъ сравненіе людей и извѣстныхъ душевныхъ состояній съ солнцемъ, мѣсяцемъ, звѣздою; но взглядъ на свѣтила, какъ на антропоморфическія божества, затемнился такъ давно, что ни одно изъ нихъ не служитъ символомъ одного пола. Солнце, по формѣ солонь и по остаткамъ вѣрованія, что оно жена мѣсяца («Koby mi milý muoj Dneska wečer prišol, Jakoby se mesiàc So slniečkom zyšol». Pisně sw. L. Slow. w. Uhř. 1822 г. 55), должно бы служить символомъ женщины; но какъ Владиміръ Влр. въ былинахъ — красно солнышко, такъ царь вообще въ пѣсняхъ Сербскихъ — «огрејано сунце». Зоря (звѣзда) — дѣвица, а между тѣмъ она часто бываетъ символомъ мужчины: «Що зірочка у хмарочці якъ бродить, такъ бродить; Що Василько до Галочки якъ ходить, такъ ходить» (Метл. 303); «Світеться, світеться зірочка въ небі; Дивиться, дивиться козакъ у дверi (ib. 467). Наоборотъ, мѣсяцъ — мужчина, князь: въ Пол. мѣсяцъ — xięzyc, т. е. княжичъ; въ Млр. заговорѣ онъ названъ Володимеромъ, все равно въ буквальномъ ли значеніи слова, или по отношенію къ князю: «Місяцю Володимере! ти въ небі, дубъ у полі, камінь у морі» (Русская Бесѣда, 1856. III. Дни и мѣс. и пр.); между тѣмъ мѣсяцъ нерѣдко бываетъ символомъ женщины. Особенно ярко выступаетъ такое смѣшеніе пола свѣтилъ въ пѣсняхъ, гдѣ одно и то-же лицо сравнивается въ одно время съ солнцемъ и мѣсяцемъ, или съ мѣсяцемъ и звѣздою: «хоро-

ша пані... По двору ходить, якъ місяць сходить, По сіньцяхъ ходить, якъ зоря сходить» (Метл. 333; ср. Срп. пјес. I. В. 56 и др.). Гораздо лучше сохранилось значеніе свѣта вообще и свѣта свѣтилъ: красота, любовь, веселье. Сл. хорошъ не безъ основанія считаютъ притяжательнымъ отъ хръсъ, солнце. Красный, красивый тоже сродны съ солнечнымъ свѣтомъ въ сл. кресъ, солоноворотъ, кресникъ, купало, солнечный праздникъ, въ Ярослав. красить, свѣтить: «Поглядзитко ты въ востошную сторонушкю, Не краситъ ли красноjо солнышкё» (Этн. сборн.), и съ земнымъ огнемъ въ сл. кресать, рубить огонь. «Красное солнце» — прежде всего свѣтлое, потомъ — прекрасное. Сближеніе красоты съ кресаньемъ подтверждается сравненіемъ ся съ искрою: Млр. «гарный якъ искра», Чеш-Мор. mam frajerenku jako jiskra»; «Wodênka studena, voda bystrá, Moja frajerenka jako jiskra»; «Ta vodinka bystrá... Vzala mnê mileho jako jiskra» (Mor. Nar. p. 244). Понятія грѣть — горѣть и свѣтить въ основаніи тождественны: Срб. гриjати, Млр. гріять (Метл. 240—241) соодиняютъ въ себѣ значенія свѣтить и грѣть — горѣть; то-же можемъ предполагать не только въ Млр. гарный, красивый, но и въ Хорут. zal, gorši, красивый. Согласно съ этимъ, свѣтила въ сл. пѣсняхъ служатъ символомъ красоты. Постоянный эпитетъ зори (ясная) соотвѣтствуетъ постоянному эпитету дѣвицы (красная), и дѣйствіе красоты на другихъ изображается свѣтомъ: (Оришечка) «Убіралася то-жъ и наряжалася, До церкви пішла, якъ зоря зійшла, У церковъ війшла, тай засіяла» (Метл. 331). Въ одной Галиц-

кой пѣсенькѣ мысль о происхожденіи красоты отъ звѣзды выражена такъ: оттого сегодня дѣвица хороша, что около нея вчера упала и разсыпалась звѣзда, а она подобрала осколки и, какъ цвѣтами, убрала ими волоса: «A wžež ja sia ne dywuju, czomu Marcia krasna: Koło neji wczora rano wpała zora jasna; Jak łetiła zora z neba, taj rozsypałasia, Marcia zoru pozbyrała i zatykałasia» (Ž. P. II. 171). Какъ изображеніе красоты можно принимать и слѣдующее, необъясненное въ Сербской пѣснѣ выраженіе: «Анђа... Сунцем главу повезала, Месецом се опасала, А звездами накитила» (Срп. пјес. I. 342), хотя подобныя выраженія имѣютъ обыкновенно смыслъ защиты, предохраненія отъ дѣйствія враждебныхъ темныхъ силъ. Въ южн. Сиб. дружка, обходя свадебный поѣздъ съ зажженною свѣчею, для предохраненія его отъ недобрыхъ знахарей и волхитовъ, наговариваетъ про себя между прочимъ слѣдующее: «Оболокусь я облаками, подпояшусь я красною зарею, огорожусь свѣтлымъ мѣсяцемъ, обтычусь я частыми звѣздами, освѣчусь я краснымъ солнышкомъ» (Гул. Этн. Оч. Юж. Сиб. 42. Ср. Ск. Р. Н. I, ч. 2, 20, 27). Въ Малороссіи, когда мать жениха выводитъ его изъ избы съ тѣмъ, чтобы онъ ѣхалъ къ невѣстѣ, поютъ: «Мати Юрася родила, Місяцемъ обгородила, Сонечкомъ підперезала, До милоі выряжала» (Метл. 180) *.

---

* Свѣтъ сближается въ языкѣ со звукомъ: Пол. łuna, зарево, а въ Млр. лунà получаетъ значеніе отзвука, эха; Русс. брезжеть (свѣтъ), Пол. brzask, мерцаніе звѣзды, свѣтъ восходящаго солнца, Чеш. břesk, сумерки, zabřezdenì, zabřezditi se, разсвѣть, свѣтать, имѣютъ при

Лице человѣческое представляется свѣтлымъ, т. е. прекраснымъ, какъ солнце: «Сину лице (изъ-подъ покрывала), као жарко (т. е. яркое) сунце»; «отъ лица ево молодецкова, Какъ бы отъ солнушка отъ краснова, Лучи стоятъ, лучи великіе» (Др. Р. ст. 191). Такой взглядъ выраженъ въ языкѣ словами рода — руда, видъ, образъ, отъ рѣдѣти, краснѣть (становиться свѣтлымъ), откуда и рудой, рыжій; тоже въ словахъ быть можетъ родственныхъ съ рѣд (г — д): рожа, лице и (Олонец.) лишай (Ср. Новг. мар-ежи, лишаи, и вообще связь накожной болѣзни и огня), Олон. ружь, лице и масть въ картахъ (понятія свѣта). Впрочемъ рожа и пр. относится вѣроятно къ румянцу лица и только посредствомъ него — къ свѣту и солнцу.

Вторая ступень въ развитіи понятія свѣта — переходъ отъ красоты къ любви: свѣтлый, ясный, красный, какъ эпитеты свѣтилъ, соотвѣтствуютъ эпитетамъ лицъ: ми-

---

себѣ Чеш. břeskný, břeskot, о громкомъ звукѣ, напр. звукѣ барабана (udeřili zvyky bubnów břeskných); Срб. јасан — эп. голоса, звука литавръ (јасни таламбаси), въ Болг. между прочимъ, — ржанія коня. Въ Словацкой пѣснѣ звукъ свирѣли изображается блескомъ поля: Ja som se nazdala, že se pole blýskà: Ono to muoj milý Na pišťale piska». (P. Sw. L. Slow. w. Uhř. 1823. 37). Звукъ гаснетъ, какъ свѣтъ: «Нек угасе свирке и попјевке». Такъ-какъ цвѣтъ и по народнымъ представленіямъ — отъ свѣта, то звукъ можетъ обозначаться словомъ, присвоеннымъ цвѣту; обыкновенный эпитетъ колокольчика — малина, т. е. громкій и звучный, какъ красна малина. На этомъ основаніи можно находить соотвѣтствіе между названіями красоты отъ свѣта и Чеш. šumný Пол. szumny, красивый, хорошій, напр. szumna dziewczyna, нар. szumno — напряженность дѣйствія вообще: «Owo ja Mazur sumno bogaty» (Wojc. II. 306), т. е. очень.

лый, ласковый, иногда отсутствующимъ, но подразумѣваемымъ: «Ты гори, моя свѣча, Противъ солнечна луча. Ужъ не быть тебѣ, свѣча, Противъ солнечна луча! Ужъ не быть тебѣ, свекру, противъ батюшки роднаго» (Ск. Р. Н. I, ч. 3. 154). Яснѣе мѣсто Млр. пѣсни: «Postawlu ja swiczeńku Naprotiw misiaczeńka: Cy budu ja tak jasnaja, Jak misiaczeńko jasnyj? Postawlu ja swekrońka Naprotyw bateńka: Czy bude tak milyj, Jak batenko ridnyj» (Ž. P. I. 72). Если третій стихъ приемъ за испорченный и прочтемъ: «cy bude (swiczenka) tak jasnaja», то увидимъ, что свѣтъ мѣсяца, какъ выше свѣтъ солнца, — любовь. При переходахъ отъ свѣтила къ человѣку символы выпускаюся, и свѣтлый, какъ эп. человѣка, получаетъ значеніе милый: «И вы, гости наши, поспдите у насъ, И вы, свѣтлы наши, побесѣдуйте у насъ» (Ск. Р. Н. I. 3. 135); «Свѣтъ вы мои сѣни новыя.... Свѣтъ ты моя чара золотая... Свѣтъ ты мой соловей во саду» (ib. 142). Владиміръ слыветъ ласковымъ и краснымъ солнышкомъ: оба названія равносильны, потому что солнце въ заговорѣ Ярославны названо свѣтлымъ и пресвѣтлымъ въ смыслѣ ласковаго, благосклоннаго: «Свѣтлое и пресвѣтлое солнце! всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячюю лучю на ладѣ вои». Слова ласка, ласковый, Чеш. laska, любовь (въ Крал. ркп. laskatise синонимъ milowatise), благосклонность, ст. Пол. łaska любовь, потомъ милость, роднятся тоже со свѣтомъ: при Русс. ласкать стоитъ Пол. głaskać, гладить, а *д* переходитъ въ *с* (walesaćsie, Млр. валасаться, Влр. валандаться, шляться), слѣдо-

вательно ласкать можно сблизить съ гладить, которое, имѣя въ основаніи понятіе свѣта (Mikl. Rad.), имѣетъ и значеніе любви. Слово гладкое — любовное «Ни хлѣба мягкаго, ни слова гладкаго» (Арх. Калач. I. 1850. Доп. къ сборн. Снег. 61); въ причитаньи за мертвымъ: «Распецатай кё свиѣ уста сахарные, Вамолви кё съ нами ты слово гладкёјо» (вар. сладкёјо. Этн. Сб. I, 160). Что до значенія красоты въ этомъ словѣ, то оно образовалось не отъ свѣта, а отъ полноты тѣла: Пол. «gładkà dziewucha» — хорошая, красивая; Ср. посл. «тѣмъ козакъ гладокъ, что поѣлъ, да и на бокъ».

Какъ въ языкѣ слова веселье, радость роднятся съ свѣтомъ и любовью (Ср. красоваться, жить въ довольствѣ (Арх.) и играть, гулять (Влад.), Влад. краситься, играть, гулять); такъ въ поэзіи народной свѣтъ свѣтилъ есть символъ веселья: «Что ясенъ ли свѣтелъ мѣсяцъ? Что веселъ ли мой милый другъ?» (Ск. Р. Н. I. 3. 138); «Свѣтилъ мѣсяцъ изъ-за облаковъ. Какъ же ему не свѣтлу быть? Богъ даровалъ ему красный день! Веселъ сидитъ Иванъ-господинъ... Какъ же ему не веселу быть! Богъ даровалъ ему суженую» (ib. 109. О солнечномъ свѣтѣ ib. 196.); «Слала зоря до місяця: Місяченьку, мій братику! Не зиходь же ти напередъ мене, Та зійдемо обое разомъ, Освітымо небо и землю; Слала Маруся до Юрочка: Мій Юрасеньку, мій друже вірный! Не сідай же ты наперeдъ мене, Та сядемо й-обое разомъ, Та звеселимо отця й неньку» (Метл. 184, 81). Отсюда свѣтъ-смѣхъ, какъ признакъ веселья: обычное выраженіе Срб. пѣсень при описаніи красоты дѣвицы: «Кад се смиjе, као

да сунце грије» или «ка'да бисер сије» (Срп. Пјес. III. 516), а бисеръ (Бусл., о вліян. Христіан.) можетъ относиться къ свѣту. Приведенное выше слово хмылить, родственное съ сл. хмыль, полымя, кромѣ значенія плакать, имѣетъ и другое: улыбаться, усмѣхаться, ухмыляться, потому что отъ огня близокъ переходъ къ свѣту, и наоборотъ.

Бѣлый. Памва Берында объясняетъ слово блескъ черезъ барва, краска, цвѣтъ. Дѣйствительно многія названія цвѣтовъ имѣютъ прямое отношеніе къ свѣту и цвѣта принимаютъ тѣ-же символическія значенія, какъ и свѣтъ: а) Бѣлый не всегда служило исключительно тому понятію, которое мы подъ нимъ разумѣемъ; у Зизанія сл. багряница толкуется словомъ бѣль; кажется, что и извѣстный звѣрокъ названъ бѣлкою не потому, что въ сѣверныхъ сторонахъ цвѣтъ его приближается къ бѣлому, а потому, что цвѣта красный — рыжій и бѣлый тождественны по основному представленію. Въ Срб. пѣсняхъ растенія называются бѣлыми — по зеленому цвѣту листьевъ: «бела лоза» «бел босиљак». День имѣетъ два эпитета: красный и бѣлый, и оба могли быть первоначально равны между собою. Какъ бѣлый, такъ и первообразъ слова яркій, ярый, отъ свѣта и огня (Ярило, солнечный праздникъ) переходитъ къ бѣлому цвѣту (ярый воскъ), желанію и любви (ярость, Млр. яровитый, страстный). Подобнымъ образомъ корень куп въ разныхъ своихъ видоизмѣненіяхъ переходитъ отъ огня (кипѣть и купало) къ бѣлому цвѣту (кипень, купава, бѣлый цвѣтокъ) и красотѣ въ Влр. купавъ («На бесѣдѣ-то (скамейкѣ) сидитъ купавъ мо-

лодецъ». Др. Р. ст. 3) Млр. хупавъ («наша паня хупава», Метл. 323), Срб. Бол. хубав. Хотя значеніе красоты могло образоваться здѣсь и безъ посредства бѣлаго цвѣта, прямо отъ свѣта — огня, но тѣмъ не менѣе бѣлизна — символъ красоты, и на этомъ основаніи лебедь — символъ женщины и преимущественно дѣвицы, «терять дѣвью красоту» — отставать отъ бѣлыхъ лебедей (дѣвицъ) и приставать къ сѣрымъ гусямъ, т. е. замужнимъ женщинамъ. Такое-же значеніе бѣлаго цвѣта выходитъ изъ того, что онъ символъ любви: мыть бѣло значитъ любить: «Oj utonuw Wasyleńko, ino chustka spłyła. Chodyt' płacze, narikaje jeho czornobrywa: Oj nežal my toji chustki, szom ju biło prała, Tilki my žal Wasyłeńka, szom ho wirne kochala» (Ž. P. II. 23). Въ сыскномъ дѣлѣ о ворожеяхъ (XVII вѣк. см. Альм. Комета) сохранился заговоръ, произносившійся при сожиганіи воротовъ рубашечныхъ: «какова бѣла рубашка на тѣлѣ, таковъ бы мужъ до жены былъ», или «столь бы мужъ былъ свѣтелъ». Отсюда видно, что бѣлъ = милъ.

Зеленый. Также хорошо помнитъ свое родство со свѣтомъ и огнемъ сл. зеленъ, въ рѣдкой Млр. формѣ гряный: «на гряній неділі, на гряній неділі Русалки сиділы, сорочокъ просили» (Метл. 309). Какъ лоза, босиљакъ имѣютъ въ Срб. пѣсняхъ эпитетъ бѣлыхъ, такъ, наоборотъ, сѣрый конь — «конь зеленко». Зелены: рѣка, озеро (зелена бојана», «зелено језеро». Срп. пјес. II. 98. 105), мечъ («мач зелен», ib. 138. 449) и соколъ, ясный и сивый въ Русскихъ пѣсняхъ («к њему дође сив — зелен соколе», ib 383). И такъ, по род-

ству со свѣтомъ (золото и горѣть) зеленый цвѣтъ долженъ бы имѣть тѣ-же значенія, что и свѣтъ; но значитъ только молодость, красоту и веселье. Зеленъ, какъ эп. растенія, соотвѣтствуетъ слову молодъ, эпитету человѣка: «Не хилися, явороньку, ще ти зелененькій; Не журися, козаченьку, ще ти молоденькій». Потомъ и безъ отношенія къ растенію молодъ — зеленъ, какъ въ извѣстной поговоркѣ «молодо — зелено» и другихъ выраженіяхъ (Ск. Р. Н. I ч. 3. 130. 177). Зеленъ — хорошъ, красивъ: «Тимъ трава зелена, що близько вода; Тимъ дівка хороша, що ще молода» (Метл. 117); «Паде Мујо» (неожиданно пораженный пулею) у зелену траву, Јунакъ њему из горе говори: «Хоћеш, Мујо, лијепу ђевојку? Ето тебе лиjепе ђевојке, А ђевојке зелене травице» (Срп. пјес. I. 486. 365). Зеленый — веселый: «Усадих лозу сред винограда, Наведохъ воду са три хладенца, Да ми је лоза вазда зелена, Наша невјеста вазда весела» (Срп. пјес. I. 86. Метл. 251). Весна, свѣтлая, блестящая (Mikl. Rad.), называется веселою, потому что и это послѣднее слово, происходя отъ того-же корня, выражаетъ то-же основное представленіе; но она-же зовется и зеленою, и въ слѣдующемъ мѣстѣ: «Ой веселая весна да звеселила усі гірочки, Да не такъ гірочки, як долиночки» (Метл. 303), «звеселила» можетъ быть значитъ: покрыла зеленью.

Красный. По отношенію же къ свѣту весна зовется красною. Эпитетъ такъ сжился со словомъ, что клюква, иначе называемая, по цвѣту ягодъ, журавикой, жаровою (Ср. жаръ, журить), въ Пск. губерніи зо-

венся **веснянками**. Какъ символъ отношенія дѣвства — красоты къ свѣту — красная лента, красная фата («Какъ моя то дѣвья красота Что на кустикѣ на ракитовомъ; Привилась дѣвья красота Ко кусточку алой ленточкой» (Гул. Оч. Ю. С. 627); такъ символъ отношенія весны къ свѣту — упоминаемая въ веснянкѣ красная хоругвь: «Ой вийдите, дівочки, На новее літечко, Та винесіть короговъ Червоную як огонь». Припѣвъ, повторяемый послѣ каждаго стиха этой пѣсеньки: «Ой дівки! весна красна, не йдіть за міжъ», показываютъ, что весна, дѣвичья пора по преимуществу, — не время для замужества. Вообще нѣкоторыя веснянки (Ср. 3, 4, 5 1-го т. Жег. Паули и извѣстную во всѣхъ концахъ Россіи пѣсню о сѣяньи проса) напоминаютъ ту сказочную вражду мужчинъ и женщинъ, о которой говоритъ Козьма Пражскій.

Калина. По указаннымъ выше причинамъ, и калина — символъ дѣвства, красоты и любви: эпитеты сл. **калина** — ясная, красная, жаркая, червоная, такъ рѣшительно относятъ это слово къ понятію огня, что нѣтъ возможности сомнѣваться въ томъ, что оно одного происхожденія съ **калить**, раскалять. Калина красная — дѣвица молодая: Czerwonaja kałynojko, nad wodoju stoisz; Mołodaja diwczynońko, czo-ž ty sia mia boisz? Oj koby ja ne czerwona, jab tu ne stojała; Oj kob' ja ne mołodaja, jab sia tia ne bała» (Ž. P. П. 113, Метл. 94). Калина красная — дѣвица прекрасная: «Ой ясна красна у лузі калина, А красній-ясній Маруся у матки» (Метл. 124, 331); «Коло млина — калина. Тамъ дівчина ходила, цвітъ-калину ламала, До личень-

ка рівняла: «Коли-бъ же я такая, Якъ калина жаркая». Калина спѣетъ отъ солнца и вѣтру, съ которымъ связывается понятіе огня; дѣвица становится на кресу. Дѣвица посылаетъ отца за калиной, но онъ возвращается ни съ чѣмъ и говоритъ ей: «Да стоить, донечко, калина во долині Сильная зелена: И вітеръ не віе, сонце не гріе, Калина не зріе», т. е. отцу кажется, что еще рано выдавать дочь за-мужъ, потому что ходить по калину, и брать, ломать ее значитъ выдавать замужъ и брать за себя. Тогда идетъ женихъ и находитъ, что калина спѣла: «Та Юрасикъ пійшовъ, калину найшовъ Сильную червону: И вітеръ віе, и сонце гріе, И калина зріе» (Метл. 134—5). Незрѣлость калины — вообще какое бы ни было препятствіе въ любви: «Изза гори вітеръ віе, калина не спіе; Козакъ дівку вірно любить, заняти не сміе». Вѣтеръ вѣетъ, слѣдовательно калина должна бы зрѣть; козакъ любитъ дѣвку, но онъ слишкомъ робокъ. Но калина — символъ дѣвственной любви. Это видно изъ упоминаемыхъ въ свадебной пѣснѣ похоронъ калины. Вечеромъ въ тотъ день, какъ вѣнчали молодыхъ, когда порвутъ «вильце», символъ дѣвицы, и надѣнутъ на молодую «намитку», замужнія женщины поютъ: «Передъ порогомъ могила, А въ тій могилі калина, Спустили гілечки до-долу: Часъ вамъ дівочки до дому» (Метл. 211). Послѣдній стихъ обращенъ къ дружкамъ, дѣвицамъ, которыя, прослушавъ эту пѣсню, уходятъ. Не знаю примѣровъ для калины — веселья, но такое значеніе должно быть, потому что когда калина вянетъ, чернѣетъ, то это символъ не только потери дѣвства (Метл. 324), но и печали, смерти: «Чер-

вона калина! чого почорніла? Чи вітру боішься, чи дощу бажаешъ? Я й вітру боюся, и дощу бажаю; Кого вірно люблю, за тимъ и умираю» (Метл. 93). Вѣтеръ здѣсь — печаль, п. ч. и онъ сушитъ, вялитъ. Съ теченіемъ времени символическій смыслъ калины затемнился, и она отъ дѣвицы и дѣвственной любви перешла къ значенію женщины вообще и всякой любви.

То-же, хотя можетъ быть не столь полно развитое значеніе, имѣютъ рожа и червецъ у Малороссіянъ, рябина и малина у Великороссіянъ. Такъ-какъ красный цвѣтъ сближается съ желтымъ, что̀ видно между прочимъ изъ Млр. жаркый, красный, Сиб. жаркой, оранжевый и изъ Чеш.-Мор. červený, какъ эпитета русой косы и желтой птицы («vrkůček červený», «cervena žu nečka» — желна. Mor. Nar. p. 370, 453); то и пшеница, жито — символъ дѣвицы. Эпитеты пшеницы (Русс. ярая, т. е. бѣлая, Срб. белица пшеница, Хорут. rumena pšenica, т. е. свѣтлая, золотистая, румяная) сводятся къ понятію свѣта.

Золото. По собственному значенію и золото относится къ свѣту. Оно одного происхожденія съ зеленый и носитъ постоянный эпитетъ краснаго, а потому есть символъ красоты: «дівка, краща злота», «у мене врода краща одъ золота» (Метл. 74, 37.). Оно можетъ относиться къ красотѣ и любви, судя по слѣдующему мѣсту: «Подъ горою, горой высокою Что кипитъ колодезь съ краснымъ золотомъ, Красны дѣвицы расчерпываютъ, Коя чарой, коя ковшикомъ, Одна Машенька цѣлымъ кубцомъ. Кому кубецъ отдать съ краснымъ золотомъ? Отдать батюшкѣ — назадъ не взять,

Отдать матушкѣ — ничего не видать, Какъ отдамъ кубецъ Ксенофонтушкѣ, Ксенефонту да Кириловичу». (Гул. оч. Ю. С. 20.). Колодезь съ краснымъ золотомъ можетъ означать «дѣвью красоту».

Черный. Черный цвѣтъ сближается съ одной стороны съ огнемъ, съ другой — съ названіями другихъ цвѣтовъ, слѣдовательно со свѣтомъ. Отъ корня словъ маръ, жаръ солнечный, мáрить, о солнцѣ: жарить, марный, жаркій, происходятъ и маряный, розовый, багровый («вечеръ маряный», когда небо покрыто розовыми облаками, «заря маряна» — ясная, красная» Ю. Сиб.), и марать, собственно чернить, Млр. марніть — чернѣть, какъ въ тавтологическомъ выраженіи: зчорніть — змарніть. Тотъ-же корень съ суфф. *к* образуетъ Срб. мрк, черный, а переходя къ понятію краснаго, желтаго цвѣта — сл. морковь. Другое усиленіе корня (*у* изъ *ъ*, какъ муравей изъ мъравій) производитъ: Пол. Чеш. murzyn, muřin, арапъ, * и Новг. муравый, зеленый, мурава, трава, Псков. муръ, по преимуществу зеленый, весенній мѣсяцъ Май. Какъ при маряный — Срб. мура, грязь (блато с водом угожено), такъ при ръдѣти, Обл. Русс. рыдать, пылать, не только рудый, рыжій, руда, кровь, по красному цвѣту, но и рудà, сажа (Тв.), все замаранное и грязное (Арх.), рýда, грязь на тѣлѣ или бѣльѣ (Смол.). Самое прилаг. рудъ можетъ принимать значеніе чернаго цвѣта, какъ

---

* Чеш. Muriena, смерть, зима, по отношенію чернато цвѣта къ смерти, морить, Пол. z — mora, Млр. мара, Чеш. můra, Срб. мора, привидѣніе, мучащее людей во снѣ — одного корня.

въ выраженіи Сербской пѣсни: «Руд му перчин біо врат прекрио, као да је црн вране папуо» (Ср. пјес. I. 459). Вообще, что черно, то грязно: одного происхожденія съ пекло, собств. смола (Ср. смола и смурый)—Псков. опе́кать (п—ся), Общ. Русс. запачкать, замарать; при Пол. kalać, Чеш. kaleti, мамарь—калъ, грязь, по эпитету черный—родственное съ калить, калина. До сихъ поръ совершенно ясно чувствуется связь съ огнемъ въ словахъ, означающихъ загаръ на лицѣ: за-горѣть, Пол. opalićsię; при Пол. smahły (изъ МР.?), Русс. смуглый,—смажить, жарить и Вологъ. смага, сажа; при Срб. смеђ, Чеш. smědy, смуглый, черноволосый, — Чеш. smed — smad (муж), жажда. Какъ галка, по постоянному эп. «черная», откуда Влад. галки, пиковая масть въ картахъ, и по Срб. гало — вранъ, черная ворона, можетъ быть сравнено съ горѣть; такъ черный воронъ — съ врѣти, варъ. Пол. ślepowron, грайворонъ, грачъ, званъ по связи тьмы, чернаго цвѣта и слѣпоты: темный—слѣпой.

Подобно тому, какъ морозъ, сближаясь съ огнемъ, противополагается ему по нѣкоторымъ символическимъ значеніямъ, черный цвѣтъ, происходя отъ огня, имѣетъ значенія безобразія, ненависти, печали, смерти, противоположныя переноснымъ значеніямъ свѣта. Какъ мерзкій относится къ мразъ, такъ скверный къ скврѣти, Срб. ружан, скверный, Русс. рожа, лице въ презрительномъ смыслѣ, къ ружа, рожа, роза, Тобол. мар-ода, безобразное лице, къ марить. Слову стыдъ и Серб. выраженію: «паде му мраз на образ», присты-

дился, смутился, соотвѣтствуютъ Срб: «црн ти образ», пусть будетъ тебѣ стыдно; «у циганке црн образ (нѣтъ стыда) али пуна торба» (Срп. Посл. 215, 345).

Черная туча. Туча, туманъ называются по черному цвѣту: Чеш. mrak, туча, Арх. Спб. мóрокъ, облако, туманъ; Млр. хмара (пост. эп. «чорна»), туча, Влр. хмара, густой туманъ, Смол. хмóра, хморь, туманное время, когда идетъ мелкій дождь, Пол. chmura Влр., хмуриться имѣютъ при себѣ смурый, темный, пасмурный и хмылать, пылать. О символическомъ значеніи тучи — тумана можно судить по Вят. хмурно, худо, и по Млр. сумный, печальный, которое значитъ собственно: темный, п. ч. имѣетъ при себѣ Новг. хумячиться, становиться пасмурнымъ, и есть вѣроятно лишенное суфф. *р* — усиленіе того-же корня, отъ котораго хмура — хмара (Ср. бъдѣти, будити). Вражда и врагъ представляются тучею, заслоняющею свѣтъ: «За тучами громовими сонечко не сходить; За вражими ворогами мій милий не ходить» (Метл. 51); «Любилися — кохалися, як голубки в парі, А тепера розійшлися, як чорнії хмари», т. е. какъ враги (Метл. 63). Отсюда туча — клевета, какъ послѣдствіе вражды: «Надъ моею хатиною чорненькая хмара, а на мене молодую поговоръ та слава (ib). Слава въ Млр. нарѣчіи чаще принимается въ дурномъ, чѣмъ въ хорошемъ смыслѣ: «Не бійсь славы, не бійсь поговору» (Ср. Метл. 15. 32. 34. 53). Чувство имѣетъ много оттѣнковъ, а символъ остается одинъ: такъ въ слѣдующемъ мѣстѣ тучею названа мать только за то, что не пускаетъ дочери на свиданіе: «Рада-бъ зірка зійти, чорна хмара наступае.

Рада-б дівка вийти, такъ матуся не пускае» (М. 82). Лице — солнце, а потому мрачный видъ человѣка представляется покрытымъ тучею, какъ въ Русс. пасмурный, нахмуриться и Срб. «намргодио се, као да ће му киша из чела ударити». Первая половина Срб. слова родственна съ мра-къ, а вторая встрѣчается въ сл. по-года. Печальный человѣкъ — свѣтило, закрытое туманомъ: «Туманно красное солнышко, туманно, Что краснаго солнышка не видно; Кручинна красная дѣвица, печальна, Никто ея кручинушки не знаетъ» (Ск. Р. Н. I, ч. 3, 208, 147, 148). Море — синее, т. е. свѣтлое (си-нь одного корня съ сіять) покрывается туманомъ; сердце (вообще человѣкъ), коего нормальное состояніе есть веселье, помрачается печалью: «Поверхъ моря, поверхъ синяго. . . Налеглись туманы со морянами, Не видно ни лодочки, ни молодчика; Надъ душею красной дѣвицею. . . Поселилась не мала бѣда, Помрачило ретиво сердце, Облегло тоской со кручиною» (ibid. 139, 148). «Туманы со морянами» или маренами — тавтологич. выраженіе, коего послѣднее слово соотвѣтствуетъ слову морокъ (туманъ) по значенію и по происхожденію. Въ Млр. пѣсняхъ туманъ ложится на поле, коего значеніе довольно неопредѣленно: «Туманъ поле покрывае, Мати сына проганяе»; «Ой імла, імла (мьгла) по полю лягла; Молодая Маруся къ столу прилягла» т. е. склонила голову отъ печали, потому что въ эту минуту вошелъ въ хату женихъ, чтобы ѣхать къ вѣнцу. Туманъ съ темнотою соединяетъ понятіе покрыванья; потому значеніе обмана въ слѣдующемъ мѣстѣ: «Туманъ яромъ, туманъ яромъ, туманъ

ще-й горою; Та не по правдi, молодий козаче, говоришъ зо мною» (Метл. 88), основано и на Рус. морочить, обманывать, и на Пол. łudźić, обманывать, ob-łuda, ob-łudny, двуличный (Ср. Чеш. pokrytny съ тѣмъ-же значенiемъ) и Волог. окутать, обмануть, окута = окула, обманщикъ, хвастунъ, которыя въ основанiи имѣютъ представленiе покрыванья: Стар. луда, извѣстное платье, лудить посуду, Млр. по-луда, покровенiе (ограбленный говоритъ грабителю: «возьми всю землю на подзвинъ, на полуду своихъ очей, якъ лопнешъ», т. е чтобъ было чѣмъ заплатить за звонъ, чтобъ была у тебя пара монетъ, которыя кладутъ на полураскрытыя глаза мертваго). Къ значенiю покрыванья относится также Срб. луд, глупъ, Чеш. lud, прикидывающiйся дуракомъ, хитрецъ обманщикъ.

Темная ночь. Ночь значитъ горе потому-же, что темна. Въ Рус. пѣсняхъ не нахожу примѣровъ, но они должны быть, п. ч. ночь встрѣчается, какъ символъ гнѣва: «Тугаринъ почорнѣлъ какъ осенняя ночь» (Др. Рус. Ст. 85). Вотъ примѣры изъ Сербскихъ: «Тавна ноћи, тавна ти си! Невjестице, блeдa ти си! — Како не ћу бледа бити? Војно ми је пијаница» (Срп. Пјес. I. 490); «Тавна ноћи, пуна ти си мрака! Срце моје још пуније јада. Јад јадујем, ником не казујем: Мајке не мам, да јој јаде кажем, Ни сестрице да јој се потужим» (ib. 225). Здѣсь съ темнотою ночи соединена мысль объ уединенiи, какъ въ пословицѣ: «Тавној ноћи нема свједока». Вообще Срб. таван, црн, въ примѣненiи къ человѣку, — печаленъ: «Да ми се је помамити сестри црној», т. е. печальной по смерти брата

(Ковчеж. 115, 102, 104); въ причитаньи за мертвымъ: «Аох Іокица, жалостна, ти мајка! И љубовца у јад останула! Која ће ти тамњет у тамнину Пријед, брате, реда и б(в)ремена» (ibid. 105). Темнѣть — здѣсь значитъ старѣться, п. ч. старость и забота — печаль сближаются между собою и противополагаются свѣту и молодости.

Слабый свѣтъ и мракъ. Жизнь представлялась огнемъ, что видно изъ повѣрья о блуждающихъ огонькахъ; но обл. (Арх.) жить — бодрствовать, живой, не спящій: оттого не только жизнь, но и бдѣніе — огонь, который тушится сномъ и смертью. Въ двустишіи: «Свічечка горить, батенько не спить, Не вийду, не вийду; Свічечка згасне, батенько засне, той вийду» (Зап. о Ю. Р. II. 245), слова: горить — не спить, згасне — засне выражаютъ дѣйствія не только современныя, но и находящіяся во внутренней связи между собою. Отсюда болѣзнь и полусонное состояніе равно выражаются слабымъ мерцаніемъ свѣта. Русс. насупиться, Pol. (na,-za,) sępićsię, posępny, нахмуриться, мрачный (о лицѣ) имѣютъ въ основаніи представленіе темноты, какъ видно изъ Чеш. supàti — iti и пр. жмурить глаза, и сродны съ съпати. (По всей вѣроятности Пол. sęp, Чеш. sup, родъ хищной птицы, коршунъ, отъ зн. sępić и проч. а не наоборотъ) Срб. куњати, по знач. дремать (въ презрительномъ смыслѣ) равное Млр. кунять и сродное въ Влр. (Костр.) междометіемъ хны, означающимъ сонъ, имѣетъ и другое значеніе: болѣть (kränkeln). Срб. дрмити, родственное съ дремать, переходитъ отъ знач. сна и мрака къ печали и болѣзни; соб-

ственное его значеніе — «Као на мргођен куњати; «дрми вријеме - биће кише»; дрми зуб (щемитъ) — хоће да ночне бољети», дрмљење — печальное расположеніе духа. Тв. замжать — вздремать; когда въ изнурительной болѣзни человѣкъ находится въ перемежающемся состояніи то сна, то бодрствованія, то о немъ говорятъ: «Онъ только мжитъ». Мжить близко къ мигать, которое отъ быстраго движенія переходитъ къ свѣту; этому соотвѣтствуютъ Бѣлорусскія пословицы: «не гарыць, а цьмѣецъ», т. е. живетъ въ крайней бѣдности; «одна махнытка не гарыць, а цьмѣецъ», одна головня горитъ темно (Пам. и обр. 57, 61). Первое выраженіе относится къ бѣдности, а второе и къ печали; пот. что жизнь, яркій огонь, есть богатство (Ср. Чеш. sizn (žizň), ubertas, habundantia (Вацер.), Пол. Żyzny, плодотворный, Обл. животы, имѣніе, и веселье, почему забава — отъ усиленной формы гл. быть, равнозначащаго съ жить въ выраженіи «жить — быть». Огонь гаснетъ — жизнь кончается (Олон. затухнуть, о боровѣ: околѣть, но первоначально, должно быть, умереть вообще); мракъ есть смерть, и оттого черный воронъ — символъ не только печали, но и смерти. На этомъ основана Млр. дѣвичья игра «въ ворона». Играющія дѣвки становятся «ключем» (какъ журавли въ полетѣ), т. е. становятся одна за другую и одна держится за спину другой. Передняя называется «Матка». «Воронъ» сидитъ и роетъ палочкою землю. Матка. «Вброне, вброне, що ти копаешь? — Нічку. На що? Окропи гріть. На що? Твоімъ дітямъ очи заливать. За що? Щоб не...на мою капусточку». При этомъ воронъ пря-

четъ палочку, которою копалъ землю, за себя. М. «Вороне, вороне, що за тобою?—Помело та лопата.—А за мною красна пані, та не вловишъ. Обернуся, окрутнуся, чи всі мої диты». При этомъ матка кружится, за нею кружатся дѣти, а воронъ отрываетъ ихъ по одному и кричитъ: «Кра! Кра! йісти хочу?—А поки наівся?». Воронъ показываетъ, что по косточки. Воронъ продолжаетъ отрывать дѣтей и сажаетъ ихъ въ кучку, пока не останется за маткою одна «Красна пани». Тогда матка спрашиваетъ: «а поки найівсь?» Воронъ показываетъ по горло. «Вороне, вороне, що за тобою?—Чортъ з бородою!—А за мною красна пані, та не візьмешъ»! Тогда воронъ отрываетъ и послѣднюю, сажаетъ ее къ другимъ и велитъ всѣмъ сжать руки. Матка приходитъ узнавать своихъ дѣтей: «Помагай-бі тобі, вороне! Чи не бачивъ ти моихъ дітей?» «Не бачивъ». Но дѣти отзываются, мать идетъ на голосъ и, обращаясь къ каждому, спрашиваетъ: «Що то? (указываетъ на небо) — Небо.—А то? (указ. на землю)—Земля.—А въ земли?—Бубонець.—А въ бубонці?—Кабанець. — А въ кабанці? — Панъ та пані. — Що роблять?—Пьють та гуляють, та хороше похожають (вар. та хороші мислі мають). — Йшовъ чоловікъ?—Йшовъ.—Нісъ мішокъ?—Нісъ.—Засмійся»! Дѣти стараются не смѣяться, а кто засмѣялся, тотъ материнъ. Если матка не отнимаетъ дѣтей или если эти не признаютъ ее своею матерью, то она становится ворономъ. Вся игра дышетъ отжившею стариною. Воронъ, какъ сказано, напоминаетъ смерть и, можетъ быть, выступаетъ какъ враждебное свѣту начало: «Красна пани» или веселка-радуга. Воронъ — смерть заставляетъ

дѣтей сжать руки такъ именно, какъ складывали встарину мертвымъ въ Малороссіи. Матка, говоря приведенныя странныя рѣчи для того, чтобъ разсмѣшить дѣтей, вмѣстѣ съ тѣмъ разжимаетъ имъ руки и тѣмъ старается возвратить ихъ къ жизни. Смѣхъ несовмѣстимъ съ мрачною смертью, п. ч смѣхъ — свѣтъ. Кто засмѣется, тотъ не останется у ворона. Но имѣетъ ли миѳическое значеніе Матка и каково отношеніе «краснои панеи» (если она точно радуга) къ остальнымъ дѣтямъ?

Быстрота. Выше показано, что отъ огня и свѣта исходитъ красота и любовь; отъ того-же огня и свѣта идутъ сила, ловкость, умъ, но только черезъ представленіе быстроты. Огонь, свѣтъ и быстрота — сродныя въ языкѣ представленія. Отъ паръ, жаръ (паръ костей не ломитъ), парить — Пол. sz-parki, Млр. шпаркый, быстрый, (пари́ть, высоко летать, по Микл. отъ прати); отъ ярый (объ огнѣ) — Арх. яро, шибко, быстро; отъ яровать — кипѣть, Тамб. яроватый, скорый, поспѣшный на дѣло; одного происхожденія съ грѣть, горѣть — Срб. журитисе торопиться; отъ кыпѣти, по совершенно вѣрной догадкѣ Миклошича, Пол. kwapić sie̜, торопиться, спѣшить; одного происхожденія съ пылать — Ряз. пылять, бѣгать, Костр. пылко, быстро; одного корня съ врѣти, варъ — Ст.-сл. варити, præcedere, соотвѣтствующее обл. варовый, быстрый и общ. Влр. про-вор-ный, сложенному съ предлогомъ про, предъ (Ср. Срб. про-лећe, Млр. пробесна). Эпитеты слуги въ Срб. пѣсняхъ сводятся къ одному значенію — быстрый: «Он бербере хитре добавио» (Срп. пjес. II. 337); Он намаче жестоке (быстрыхъ) бербере..

Па намаче жестоке терзије» (ib. 571); «И он шиље огње-на чауша (ib. 190. 191). Послѣднему выраженію вполнѣ соотвѣтствуетъ Млр.: «послали по его пошту таку ôгненну, що й птиця не злетить» (З. о Ю. Р. I. 175). И у насъ, встарпну, эпитетъ слуги — проворный, судя по тому, что служить — проворничать: «Три годы Добрынюшка стольничалъ, А три года Никитичъ проворничалъ; Онъ стольничалъ, чашничалъ девять лѣтъ» (Др. Р. ст. 46). Варіантъ «приворотничалъ» не идетъ сюда, п. ч. служба Добрыни была не у воротъ. Сл. варъ предполагаетъ форму ур, которую дѣйствительно встрѣчаемъ въ производныхъ словахъ и со значеніемъ быстроты: «Ai prud pražan urno (быстро) pses zdi tecie» (Kr. Rkp. Čest. a Wl); Хорут. urn, быстрый («še perpeliejò mi mlad'ga konja, ki je urn», «mati urno perspešili)» выводятъ изъ Италіянскаго, но если было заимствованіе, то не для значенія быстроты.

Сродство быстроты и свѣта видно тоже въ нѣсколькихъ словахъ: Луж. jesno, тождественное съ ясный, значитъ быстро: Wienašk tón doloj jej popažo, Wona tak jesno jen spopadnu», т. е. схватила быстро (Haupt. II. 134); лучше, Ст.-Сл. лоуче, однородное съ лучь, въ значеніи свѣта, если не съ лукать, бросать, осталось теперь при одномъ отвлеченномъ значеніи, но имѣло прежде и значеніе быстроты. Въ старинной былинѣ оно сопоставляется съ прыжея, т. е. прытче: когда Дунай вспоролъ убитой женѣ груди, то «Выскочилъ изъ утробы удалъ молодецъ, Онъ самъ говоритъ таково слово: «Гой ты еси государь мой батюшка! Какъ бы далъ ты мнѣ сроку на три часа, А и я бы на свѣтѣ былъ

попрыжея И получшея въ семь семерицъ тебя» (Др. Р. ст. 45); Ср.: Ужъ одинъ ли соколъ лучше всѣхъ, Лучше всѣхъ, быстрѣе всѣхъ» (Ск. Р. Н. II. 3. 138). Зрѣніе — свѣтъ, почему слова, присвоенныя зрѣнію замѣняются присвоенными свѣту и наоборотъ: «Ясенъ соколонько...На чорнее море сяе, далеко поглядае» (Зап. о Ю. Р. I. 28); «Zira (свѣтитъ) iasne slunecko» (Kr. Rkp. Čest. a Wl.). Зрѣніе раздѣляетъ со свѣтомъ свойство послѣдняго, быстроту, такъ что дурной взглядъ глазъ сравнивается со стрѣлою. Можно думать, что слово око сродно съ очень, а это получило значеніе напряженности черезъ понятіе быстроты. Дымъ тоже быстръ, какъ видно изъ загадки: «мать толста, дочь красна, — сынъ хитеръ, подъ небеса ушолъ», гдѣ мать — печь, дочь — огонь, сынъ — дымъ, а его опредѣлительное сохранило старинное, живущее еще у Задунайскихъ Славянъ значеніе быстроты. На этомъ основаніи сближается дымъ со зрѣніемъ, а такъ-какъ зрѣніе родственно съ удивленіемъ («По тім боці огонь горить, по сімъ боці видно; Як пойидешъ з Украіны, комусь буде дивно» Метл. 39), то и дымъ съ удивленіемъ: «Не курила — не топила, по сінечкахъ димно, А якъ вийду изъ Ивниці, комусь буде дивно» (ib. 16). Можно бы думать, что это позднѣйшая игра словъ, не имѣющая отношенія ко взгляду на природу; но то-же встрѣчаемъ у Влр. и Сербовъ. Влр. (Псков.) дымничать, разсматривать состояніе жениха или невѣсты, относится къ зрѣнію; выраженіе: «выстроилъ такой (большой, славный) домъ, что дымно смотрѣть» (Соврем. 1856. Кн. 12. Зап. о Малмыж. уѣздѣ) — къ удивленію — ды-

му. Караджичъ приводитъ и объясняетъ слѣдующую пословицу: «Ако је димњак (труба) накриво, управо дим излази» казала некаква разрока (косая) ђевојка, кад су просци, гледајући је, рекли из међу себе: «лијепа кућа, али димњак стои накриво» (Ср. посл. 3). «Кућа, какъ и Млр. світлиця — символъ дѣвицы: «Чого світлонька та новесенька, Чого стоишъ темнесенька? Чого, Маруся молодесенька, Чого сидишъ смутнесенька»? (Метл. 220). Сваты кривую трубу приравниваютъ къ косымъ глазамъ. Дѣвица отвѣчаетъ, что хотя труба и крива, но дымъ прямо выходитъ; слѣдовательно дымъ — прямые лучи зрѣнія.

Какъ въ значеніи печали, такъ и по отношенію къ быстротѣ прахъ, пыль принимаются за дымъ, продуктъ горѣнія. Эпитеты пороха ружейнаго въ Сербскихъ пѣсняхъ: брз и равное ему въ этомъ случаѣ пуст, быстрый (Намаза је воском и катраном И сумпором и брзијем прахомъ» Срп. пјес. III. 43. 60; «Ни-т' се види небо, ни земљица од пустога праха пушчанога», ib. 200; Ср. пуще) могли первоначально относиться къ пыли. Если бы и не такъ, то все-же отъ прахъ происходитъ Ст.-сл. напрасьно, statim, Срб. напрасан — præceps; отъ предполагаемыхъ формъ того-же корня: пръх = пръск — Рус. прыснуть — брызнуть, Пол. pierzchnać, Чеш. prchnanti, побѣжать быстро, Чеш. prch, бѣгство. Отсюда прыскучій, какъ эпитетъ звѣря, — быстро бѣгущій: «Не видали птицы перелетныя, Не видали они звѣря прыскучева» (Др. Р. Ст. 74). Какъ Пол. pierzchliwy (эпит. звѣря и человѣка) отъ быстроты бѣга перешло

къ трусости, такъ отъ быстроты же перешла къ теперешнему значенію другая форма корня пръх}— Ст.-Сл. плашити, пугать, Срб. плашити, Пол. płoszyć, Русс. полохать, полохнуть, между тѣмъ какъ Срб. плах, плаховит остались при быстротѣ, Чеш. plachý (ср. Срб. пршљив, Пол. o-pryskliwy) отъ быстроты образовало значеніе вспыльчивости, гнѣва, а Пол. płochy — легкомыслія. Русс. плохъ могло получить дурное значеніе отъ понятія трусости.

Такое представленіе быстроты огнемъ и свѣтомъ выразилось въ повѣрьяхъ объ огнедышащихъ коняхъ. Срб. пѣсни называютъ коня огневитымъ и безъ отношенія къ миѳическимъ конямъ: «бедевију, што ждријеби ждрале, што ждријеби коње огњевите» (Срп. пјес. II. 647), а Кашебская поговорка прямо приравниваетъ быстроту ногъ къ огню: «mo nogi jak żor». Сюда-же относятся эпитеты сокола: Млр. сивый и ясный и Влр. ясный, Срб. сив и сив—зелен. Зелен выражаетъ понятіе свѣта и огня черезъ сродство съ золото и горѣть; Си-въ тождественно, по корню, съ си-нь, такъ что вмѣсто постояннаго въ Млр. пѣсняхъ эпитета кукушки сива въ Срб. встрѣчается «кукавица сиња», слѣдовательно и сивъ, и зеленъ могутъ быть сведены къ ясный, которое въ Луж. jesno имѣетъ значеніе быстроты. Эпитеты (а можетъ быть и самое слово) выражаютъ то, что самыя названія орла и оленя (Mikl. Rad.). Предположеніе что хортъ, борзая собака, имѣетъ отношеніе къ солнечному божеству кръть, слѣдовательно къ свѣту, кажется

столь же вѣроятнымъ, какъ сближеніе слова хорошъ съ хорсомъ *.

Быстрота переходитъ къ силѣ, хотя иногда трудно сказать навѣрное, образовалось ли послѣднее значеніе черезъ посредство быстроты, или прямо отъ огня. Какъ Русс. сильно отъ силы перешло къ напряженности дѣйствія вообще, такъ на-оборотъ — нѣкоторыя нарѣчія получаютъ это значеніе отъ быстроты. Такъ упомянутыя выше Луж. jesno, Русс. очень, Волог. пылко, очень, Арх. парко, сильно; такъ и неимѣющія отношенія къ огню: Луж. khietro (хытро), напр. khietro hłodny, Пол. bardzo очень. Борзо значило прежде — быстро, какъ и теперь въ названіи коня и собаки борзыми: «а мыло сколь борзо (скоро) смоется»... (XVII в.). Пуще могло образоваться отъ быстроты брошеннаго. Другія подобныя нарѣчія и прилагательныя отъ быстроты: Срб. врло, очень одного корня съ врѣти, варити, варовый, имѣющее при себѣ прилагательное връо = добар, а добар, какъ эп. коня — ретивый, быстрый, что видно изъ Пензен. доброта, ретивость; Болг. хубавъ, родственное съ кыпѣти и Пол. kwapićsię, не только прекрасный, но и многій, большой, а величина родственна съ силою (Ср. Пол. duży и Млр. подужать кого, быть сильнѣе, побороть); отъ силы: Ст.-Сл. зѣло (Ср. зеленъ, золъ,

---

* Русс. огаръ, Срб. огар, Пол. ogar, Пол. wyżel, Рус. выжлокъ названы не отъ быстроты — огня, но, какъ показываютъ предлоги, отъ цвѣта шерсти, мѣстами какъ-бы выпаленной, выжженной.

зрѣть, горѣть), Тамб., Перм. зѣльно, очень, много, Ст.-Сл. зѣльнъ, сильный; отъ быстроты и силы: ярый, сильный, Арх. яро, сильно, Луж. jara, очень, напр. jara hlodny; жесток въ Срб. между прочимъ быстрый, въ Рус. сильный, напр. «как жестоко лукъ натянешь, так и струна порвется» (Бусл. посл 104). Тѣло и харалугъ названы въ Сл. о Плку Иг. жестокими очевидно въ смыслѣ крѣпкихъ, твердыхъ, и это наводитъ на мысль, что значеніе силы въ жестокій образовалось не изъ быстроты, а изъ твердости. Твердость отъ огня — въ сл. жесткій, твердый, шероховатый, которое можно сравнить съ скорблый (Ю. Сиб) и черствый. Скорблый роднится съ огнемъ черезъ скорбнуть, сохнуть, (которое, впрочемъ, можетъ не имѣть въ основаніи понятія огня), а съ шероховатостью — черезъ скребу, скрести; отношеніе сл. черствый, сухой, къ огню — вѣроятно, но къ шероховатости — несомнѣнно: Тул. корóста кочковатое, неровное мѣсто, и короста — сыпь (Ср. чесать и чесотка) суть Русскія усиленія формъ кръст = чръст. На-оборотъ, отъ силы удара къ быстротѣ: шибко, скоро, хлёстко — хлёско, быстро.

Быстрота — умъ. Сила ума въ хорошемъ и дурномъ смыслѣ сближается съ быстротою. Памва Берында приводитъ для сл. реть между прочимъ значеніе: вытѣчка конская, имѣющее связь съ Рус. ретивый (т. е. быстрый) конь. Изъ рьт — рът черезъ перестановку и замѣну глухаго звука чистымъ, какъ въ аржаной, артачиться, образовалось областное артъ, толкъ, смѣт-

ливость, разсудительность *. Влр. досужій, смѣтливый, разсудительный, относится къ корню сѧг, откуда Ст.-Сл. сѧгнѫти, достигнуть, и значитъ собственно: достигающій. Стремиться, направляться быстро, обл. стрёмный и стрёмый, скорый, проворный, заставляютъ думать, что областное (Влад.) достремиться догадаться, достремливый, догадливый, смышленный, значитъ собственно добѣгающій, Перм. угонка, смѣтливость, догадка, — умѣнье добѣгать, точно такъ, какъ дошлой, смышленный, догадливый (Арх., Волог., Перм., Симб.), хитрый, лукавый (Ирк., Камч.), — доходящій. Относительно Чеш. dowtipiti, угадать, důwtip, Пол. dowcip, остроуміе, Млр. дотепный, смышленый, толковый, могу сказать только, что они выражаютъ быстрое движеніе, не опредѣляя, будетъ ли это бѣгъ, или бросанье: рядомъ съ Ст.-Сл. и Влр. тепсти, Млр. типать (и пр. конопли), Чеш. tepati, бить, стоитъ обл. (Влад.) тепсти, тянуть съ усиліемъ, идти вяло, Чеш. těpiti, нести, тащить, которыя могли значить просто идти, даже быстро, какъ старинное лѣзти, приуроченное теперь къ одному медленному движенію. Подобнымъ образомъ: Срб. турити, бросать, толкать и нѣкоторые другія, Пск. турять, быстро бѣжать, Влр., Млр. турить, вытурить, гнать, вы — Тамб., Ряз. туразить, гоняться съ гамомъ, напр. за волкомъ, Вол., Пск., Вят. туровить, торопить, пону-

---

* Говорять, что Млр. ручый, соб. быстрый, какъ Пол. rączy, значить также: сильный, мудрый, храбрый. (Ужин. ридн. поля). Это — может быть.

ждать, Костр. туриться, спѣшить, Новг. туровый, скорый, откуда Вят. потуровѣть, допечься (о хлѣбѣ) т. е. поспѣть; но во многихъ Сѣв. губ. ту́рать, заботиться, думать. Знач. и связь съ быстротою Млрскаго потурать не совсѣмъ ясны; сравн. выраженіе: «лучче-бъ мати тобі не потурала (не оказывала снисхожденія), та віддала за кого сама знае». Съ понятіемъ бросать вяжутся не только понятія быстроты, какъ въ упомянутомъ выше пуст (Ср. пускать стрѣлу — бросать), но и попаданья въ цѣль: слово мѣткое — попадающее, какъ камень или стрѣла; Бр. даметъ, догадка (не вь даме́тъ = Влр. не въ домёкъ). Отсюда лукавый, хитрый, отъ лукать, бросать, можетъ значить добрасывающій до цѣли, а Млр. недолуга («перша мени туга — сама недолуга», Метл. 26), Пол. niedołęga, отъ лѫг, лѫк (Ср. крътань — гортань) — недобрасывающій, слабый вь физическомъ (Чеш. nedoluha, болѣзнь) и нравственномъ, умственномъ отношеніи. Дурное значеніе сл. лукавый, какъ и сл. дошлой, а можетъ быть и слова воръ — неисконно. Воръ, Ст.-Рус. измѣнникъ, може́тъ быть только случайно сходно съ Лат. и Греч. и можетъ относиться къ одному корню съ врѣти, варити, варовый, Срб. (пре) варити, обмануть. Связь сл. хитрый съ быстротою видна ясно: Срб. хитар, быстрый, Хорут. hiteti, спѣшить; но значеніе спѣшить сводится къ другому: схватить, поймать (Ст.-Сл. хытити), такъ что хитрый можетъ значить собственно то-же, что Рус. ловкій: тоть, который ловитъ (удачно, скоро), а затѣмъ — умный. Хорошее значеніе сл. хитрый затеряно въ современномъ

Рус. яз., но сохранилось въ производномъ Млр. хыстъ, умѣнье, ловкость, охота, т. е. первоначально ловля. Въ Срб. пѣсняхъ хитар, какъ слово соединяющее значеніе ума и ловкости, — эпитетъ молодца, женихa: Jедан да je хитар ђувеглиjа, А двоjица да су два ђевера (Срп. пjес. II. 227); «..водимо мила сина мога, Сина мога хитра ђувеглиjу» (ib. 545). Луж. chytry, какъ Чеш. ručі, значитъ даже красивый, такъ что въ «хитар ђувеглиjа» можно подразумѣвать и это значеніе. Такимъ-же образомъ отъ упомянутаго Рус. хыст съ суф. р — област. Влр. шустрый, бойкій, расторопный, острый, шустеръ, молодецъ. Въ усиленной формѣ корня хыт, хват — то-же соединеніе понятій: Чеш. chwatati = Нов. Тв. хвататься, торопиться, Срб. дофатити = дохитити, достигнуть, и Рус. Пол. хватъ, молодецъ. Такимъ же образомъ отъ Вологъ. хапать, хватать (и собирать) Олон. хапистый, молодцоватый. Млр. хыжий, Пол. chyžy, быстрый, въ Блр. разумный, по крайней мѣрѣ въ пословицѣ: «А у Несвижи людъ хижи: салому таукуць, блины пекуць; сѣна смажуць, блины мажуць» (Пам. и Обр. 174). Вообще понятіе ума до того сжилось въ представленіи народа съ быстротою, что въ одной Сербской пѣснѣ кошута, лань, носящая обыкновенно эпитетъ быстрой (брза), названа мудрою: «Тако му се срећа удесила, Те од лова ништа не улови: Ни jелена, ни кошуте мудре, Ни од кака ситнога зверињa» (Срб. пjес. II. 155. Ср. ib. 481). Весь рядъ приведенныхъ выше словъ переноситъ насъ въ тѣ отдаленныя времена, когда мѣткость стрѣлы, быстрота въ преслѣдованіи дичи, ловкость въ собственномъ значеніи

этого слова (Новг. Арх. ловкой, искусный въ ловленіи) были главными достоинствами мужчины, ручательствомъ за умъ, потому что дѣятельность ума была преимущественно направлена на охоту. Къ тѣмъ-то временамъ относятся символы молодца: соколъ ясный, конь борзый, ретивый, олень быстрый. Основаніе такихъ сближеній нами указано: какъ соколъ, конь, олень быстры, такъ и молодецъ быстръ, т. е. ловокъ и разуменъ. Въ пословицѣ: «Олень быстръ бываетъ, да отъ смерти не убѣгаетъ» (Этн. Сб. II. 69), быстръ приравнивается къ подразумѣваемому мудръ, такъ что объясненіемъ пословицы этой можетъ служить припѣвка Баяна: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божіа не минути». «Птицю» показываетъ, что и быстрота птицы сравнивалась съ умомъ. Въ двустишіи Галицкой пѣсни: «Oleń lisny bihun bystry, ludy ne bojitsia; Na czużyni chotia mudry zawsze win chronytsia» (Ž. P. II. 141) мы допускаемъ поправку: «a ludy bojitsia», такъ что выйдетъ: Олень, хоть и быстръ, а боится людей; на чужой сторонѣ и разумный человѣкъ — робокъ.

Найтди. По связи символическаго выраженія понятій узнать, развѣдать, съ охотничьею жизнью скажемъ о нихъ здѣсь. Символъ семейства, гнѣздо, имѣетъ еще другое общерусское названіе: кубло, родственное съ понятіемъ круглаго сосуда (Блр. кубло, Пол. kubeł, ушатъ, бадья). Воспитать значитъ выростить въ гнѣздѣ, что выражается Луж. skublać, воспитать. Блр. кубло значитъ родъ круглаго шкафа для бѣлья и посуды; въ кубло складываютъ приданное невѣсты. Такъ-какъ

постель составляетъ важную часть приданнаго, то Мкр. кубло принимается въ смыслѣ постели. Если постель невѣсты бѣдна, то свахи поютъ: «Да чого-ж ты Марусе без кубла? Да чьгти куделъки не скубла?» (Метл. 213). Въ Тверской губерніи кубло имѣетъ болѣе общее значеніе хозяйства, а въ Луж. нарѣчіи — имѣнія, богатства. При такихъ переходахъ сохраняется связь съ болѣе близкимъ къ первоначальному представленіемъ гнѣзда, такъ что найдти гнѣздо птицы значитъ не только вообще разузнать, развѣдать, но и узнать, богатъ ли человѣкъ, или бѣденъ. Общее значеніе видно въ слѣдующемъ мѣстѣ: «Знайшла-ж бо я кубелечко, де вутка несеться; Ой чую я черезъ людей, вражий синъ сміеться» (Метл. 107); частное — въ слѣдующемъ: «Навідала кубелечко, де вутка несеться; Провідала що я бідний, тепера сміеться» (Метл. 88).

Примѣч. Сравненіе мужчины съ уткою — очевидно позднее, какъ и всякое несоотвѣтствіе между родами сравниваемыхъ словъ. Утка — женщина: она моетъ свои сорочки — перья, а мытье — дѣло женское. Она загадывается такъ: «Тарасова дочка тарасомъ трясла, сімсотъ сорочокъ до води несла» (Загадки, Семент.).

Какъ найдти гнѣздо, такъ и вытропить звѣря, значитъ узнать, развѣдать; а оставитъ слѣдъ (въ собств. см.) — показать себя, какъ въ Срб. пословицѣ: «Не пада сниjег, да помори свиjет, него да свака звиjерка свой траг покаже» (Срб. послов.), т. е. не на то бѣда, чтобъ погубить свѣтъ, а на то, чтобъ всякій человѣкъ показалъ себя въ несчастьи. Куница — дѣвица, откуда старинная

подать съ невѣсты звалась куничнымъ *. Отсюда обыкновенная формула, въ которой сваты описываютъ свое сватовство, состоитъ въ томъ, что они, охотники, напали на слѣдъ куницы, а слѣдъ привелъ ихъ къ этому дому: «Вчора з вечора та порошенька впала, А о півночи куночка походила, А къ білому світу старости на слідъ нагодилися» (Метл. 123, 232). То-же въ Влр. свадебныхъ пѣсняхъ. Поѣзжане, войдя въ дворъ отца невѣсты, поютъ: «Ужъ какъ выпалъ снѣжокъ, Чуть виденъ слѣдокъ, А мы по слѣдочку». Потомъ, ѣдучи въ церковь: «Пала припала молодая пороша, На той на порошѣ слѣдинька лежала, По той по слѣдинькѣ кунья пробѣжала, За тою куньею охотнички ѣздятъ... Коней утомили, куныо изловили» (Терещ. Б. Р. Н. II. 201, 203). Отсюда видно, что поймать и при томъ не только звѣря, но и рыбу (Ск. Р. Н. I. 3. 109) — сосватать. Связь охоты и сватанья выразилась и въ языкѣ: — Блр. сачиць, искать, слѣдить, напр. звѣря; Срб. сок, человѣкъ, отыскивающій и, въ случаѣ нужды, выдающій вора или другаго преступника, откуда Чеш.

---

* Память объ этой подати сохранилась въ Западной Малороссіи. Тамъ, послѣ свадьбы, дружка несетъ къ помѣщику коровай, накрытый платкомъ или ручникомъ съ завязаннымъ въ него злотымъ или 15-ю грошами, а братъ молодой несетъ пѣтуха. При этомъ поютъ: «My idemo z kunicu I z jaroju pszenicu (то и другое сравнивается между собою) Od swoho hospodara Do Pana didita...Podjakujmo Bohu i panu I xiędzowi swojemu, že nas zwinezał; A pan nemnožko wzial; Licerskuju kopu za Hanusyny kosu...A pan nemnožko wzial Za mene moloduju: Czerwońca czerwonoho Od Lukaszka molodoho (Wójc. II. 145 — 146). «Licerskaja kopa» — та, которая принадлежитъ рыцарю, пану.

sok, доносчикъ, клеветникъ, врагъ; но въ Срб. сочити есть еще одно значенie, согласное съ сравненiемъ сватовъ съ ловцами: сватать; соченье — сватанье.

Вода холодная. Вода. Одинъ изъ эпитетовъ воды — здоровая. Поздравляя молодую, говорятъ между прочимъ: «будь здорова якъ вода» (Метл. 208). Тоже, когда бьютъ другъ друга свяченою вербою: «будь высокъ, як верба, а здоровъ як вода». Вспрыскиванье и обмыванье играетъ важную роль въ народной медицинѣ. Купанье, умыванье сообщаетъ красоту: «Hdě's, děvečko, hděs byla, Hdě si krasy nabyla? V studni jsem se umyla, Tam sem krasy nabyla» (Mor. når. pisně. 421). Такое значенie можетъ имѣть между прочимъ купанье на-канунѣ Ивана Крестителя. Отсюда купаться — охорашиваться, одѣваться («На морѣ галка купалася, На бережку отряхалася, Во сыромъ бору обсушалася; Марьюшка въ теремѣ убиралася». Этн. Сб. I. 223. Ск. Р. Н. I 3. 161), ухаживать, любить: «Чы се тая криниченька, що голубъ купався? Чи се тая дiвчинонька, що я женихався?» (Метл. 69). На Юрьевъ день, когда въ Сербiи купаются съ такою-же цѣлью, какъ въ другихъ мѣстахъ на купала, въ Бокѣ Которской три взрослыя дѣвицы идутъ на воду. Одна изъ нихъ несетъ въ рукѣ проса, другая за пазухою вѣтку грабины (грабову гранчицу). Одна изъ этихъ спрашиваетъ третью: «Куда идеш?», а та отвѣчаетъ: «Идем на воду, да воде и мене, и тебе, и ту, што гледа про тебе». Тогда отвѣчавшая спрашиваетъ дѣвицу съ просомъ, что она несетъ, и получаетъ отвѣтъ: «просо, да просе» и пр , такъ отвѣчаетъ и дѣвица съ вѣткой: «граб,

да грабе и проч. Эта, вѣроятно позднѣйшая, игра словъ сохранила смыслъ хожденія къ водѣ, которое могло быть нѣкогда религіознымъ обрядомъ и очевидно имѣло цѣлью выпросить жениховъ. Умыванье студеной ключевой водой, упоминаемое въ началѣ многихъ Вјр. заговоровъ, есть, по видимому, такое-же предохранительное для произносящаго заговоръ средство, какъ и упоминаемое въ нихъ-же огораживанье себя свѣтилами. Вообще вода обмываетъ все: хытки и прытки, уроки и призоры, скорби и болѣзни (Ср. Гул. Оч. Ю. С. 26), кромѣ чернаго лица, злаго языка, стыда и грѣха, какъ говорятъ Сербскія пословицы: «Вода свашта опере до погана језика» или «...до црна образа»; Вода све пере освем гријеха» (Срп. посл. 37). По этому женщина, выданная за-мужъ за немилаго, противопоставляетъ свое неутѣшное горе всеисцѣляющей силѣ холодной воды: «Тече вода холодная з-підъ кореня дуба; Нема мені одрадоньки отъ мого нелюба. Нема мені одрадоньки ні 'д отця ни 'д неньки; Сушять мене, вьялять мене мої вороженьки» (Метл. 253). Доказательствомъ, что если не исключительно, то между прочимъ холодъ воды имѣетъ связь съ ея цѣлебною и сообщающею красоту силой, можетъ служить сближеніе холода съ молодостью: «На крају је вода и девојка, Вода ладна, а девојка млада. (Ср. пјес. I. 169); «Не кажи, коню, що я утопывсь, А скажи, коню, що я оженивсь...холодна вода — да то молода», т. е. невѣста, что впрочемъ не мѣшаетъ видѣть здѣсь сближеніе именно молодости и холода. Въ языкѣ связь холода и воды выразилась словами кладязь, колодязь, Срб. кладенац — хла-

денац и равносильнымъ ему Пол. studnia, Чеш. studńe, Ст.-Сл. студеньць, Срб. студенац. Въ Срб. студенац, хладенац находимъ только одно значеніе источника, откуда воду берутъ, что совершенно согласно съ словопроизводствомъ. Изъ этого прямое заключеніе, что понятіе, соединяемое нами съ словами колодязь, studnia — позднѣйшаго образованія и что первоначально слова эти означали некопанный и необдѣланный ключъ, или, по крайней мѣрѣ, ключъ безъ отношенія къ его происхожденію. Того-же нельзя сказать о словѣ криница. Правда, что это слово наравнѣ съ Чеш. studńe, служитъ символомъ дѣвицы (по связи холода и молодости) и что съ нимъ соединяется въ Млр. пѣсняхъ понятіе некопаннаго и необрубленнаго источника; но это должно быть отнесено къ сравнительно позднему времени, потому что Млр. криниця, кирниця имѣетъ отношеніе къ словамъ, означающимъ сосудъ: Ст.-Сл. окринъ, Чеш. okřin, лохань, Влр. криника—крынка, горшокъ, обвитый берестою (Вят.), подойникъ или сосудъ для молока, а вмѣстѣ съ этими — къ корню кръ, имѣющему значеніе бить, рубить, рѣзать въ словахъ кур-носъ, кар-нать, Чеш. kraiti *. Копать криницу — любить, сватать дѣвушку: «Въ огороді криниченька некопаная; а ще-жъ моя дівчинонька несватаная. Въ огороди криниченька выкопаная; А вже-жъ моя дівчинонька висватаная». Что копать не исключительно сватать, а вообще любить, видно изъ слѣдующихъ сти-

* Ср. сказочный пріемъ: копытомъ богатырскаго коня выбиваетъ ключъ изъ-подъ земли. Ср. Grimm, März. II T. (1857 г.).

ховъ, гдѣ, по связи любви съ воспитаньемъ въ Млр. кохать, выкохать, коханье — почти родительская любовь: «Викопавъ я криниченьку, викопавъ я дві; Викохавъ я дівчиноньку людямъ не собі» (Метл. 457). Тоже значеніе имѣетъ «рубить криницу» (Ср. «муровать криницю». Ž. P.), а потому невѣстѣ (слѣдовательно сосватанной) поютъ «на посадѣ» въ субботу: «Ой за сіньми, сіньми, Въ зеленому зіллі, Рублена криниченька и проч. (Народныя Южно-русскія пѣсни, изд. Метл. 142). Не смотря на то, что криница можетъ быть и не рубленная, кажется болѣе согласнымъ со словомъ крыница и съ символическимъ значеніемъ понятія рубить сближеніе криницы съ замужнею женщиною: «Лучче було колодяземъ (въ смыслѣ Срб. студенацъ, ключъ), а ніжъ теперъ криницею; Лучше було дівчиною, а ніжъ теперъ молодицею» (Зап. о Ю. Р. II. 328). Вода въ крыницѣ сравнивается съ дѣвствомъ; убыль воды — потеря дѣвства: «Oj naj u tyj krynyczeńci woda probuwaje; Naj szcze moja odynycia szcze z rik pohulaje (Ž. P.); Užež taja kernyczeńka murawou zarosła» (слѣдовательно высохла) Uže-ž taja diwczynońka dawno zamuž poszła» (Ž. P. II. 181). За мужъ пошла, слѣдовательно разлюбила того, кого любила прежде, и въ этомъ отношеніи можетъ быть сближена убыль воды и отсутствіе любви въ слѣдующихъ стихахъ: «Co je po studýnce, Dyž w ni wody néni? Jako po panence Dyž w ní lásky néní» (Mor. Nar. P. 214). Какъ выше: калина чернѣетъ — дѣвица выходитъ за мужъ, — или горюетъ и умираетъ; такъ и здѣсь убыль

воды не только бракъ, но и смерть: «Pod horú studenka, Vody z ní ubývá; Ponáhlej, šohajku, Frajerka umierá» (ib. 306). Замѣчательно, что и противоположное явленіе, разливъ колодезя, служитъ символомъ смерти: «U Piščeku, v sini (на дворѣ) studénka vylévá; Neclod' tam, synečku, Jozefka umírá» (ib. 306). Одна изъ обязанностей дочери и вообще молодой женщины въ семействѣ — ходить за водою. Колодязь или ключъ — мѣсто свиданія, чѣмъ объясняется слѣдующее двустишіе: «У городі криниченька, ключикъ и відро; А вже-жъ моїй дівчиноньки давно не видно», т. е. есть ключъ, которымъ достаютъ воду, есть ведро: только прійти и набрать, а между тѣмъ не приходитъ. Если съ Несторовыхъ умычекъ и до нашихъ временъ (въ Сербіи) похищенія дѣвицъ совершались преимущественно у воды, гдѣ можно было застать дѣвицу одну, или съ подругами, которыя не могутъ или не хотятъ помѣшать умычкѣ, то тѣмъ безопаснѣе было тамъ свиданье. Отсюда, быть можетъ, наносить воды — полюбить: «Ой пий, мати, тую воду, що я наносила; Люби, мати, того зятя, що я полюбила» (Метл. 136). Оттого такъ опасно дѣвицѣ ходить до броду по воду: «Якъ ходила до броду по воду, Та згубила віночокъ у воду» или: «Не йди, не йди до броду по воду, Та не слухай голубоньківъ, де рано гудуть: Вони твое дівованьня въ поле занесуть! Вони тебе молодую та израдять, Одъ батенька до свекорка перемапять, Изъ дівчини въ молодицю та нарядять» (Метл. 136).

Быстрая вода. Теченье воды соединяется въ языкѣ съ понятіемъ быстроты, какъ видно и изъ самаго

ся, течь, имѣющаго при себѣ въ Чеш. Пол, слова со значеніемъ быстраго бѣга: «uciekać, utíkati; при рѣять, быстро летать и ри-нуть (ся), бросить, встрѣчаемъ Млр. ринуть, течь, пуринать, пурнуть, т. е. поринать, нырять, выринать, выплывать на верхъ. Слово рѣка сюда не относится, если, какъ думаетъ Миклошичъ, к въ немъ принадлежитъ къ корню. Струя, Пол. stru-mień, ручей, Чеш. strumen, источникъ, близки къ стре-миться, стре-мглавъ, Срб. стр-мо и къ Млр. стромить о вонзенномъ: торчать. Стромить находитъ себѣ соотвѣтствіе въ торчать, которое прямо относится къ Срб. трк, бѣгъ, трчати, бѣжать. Ручей относится къ Пол. rączy, Чеш. ručí, быстрый, употребляемому какъ эпитетъ коня, какъ Срб. брзица, быстро текущая по камнямъ вода — къ борзъ. Пол. prąd, быстрина въ рѣкѣ, объясняется Ст.-Слав. пряждьнь, Пол. prędki, Млр. прудкий. Примѣч. Что же до Русс. прудъ, прудить, то они могли первоначально относиться не къ водѣ. Какъ Ст.-Сл. бръзѣя, наносная коса, — отъ бръзъ, и Пол. wyspa — отъ сыпать въ значеніи лить, такъ Ст.-Сл. пряждъ, валъ, Срб. пруд, песчаная коса въ рѣкѣ, могутъ значить: нанесенное, намытое водою. Слѣдовательно и Русс. прудъ — прежде валъ (собствен. намывной), потомъ застановленная насыпью вода. Но отъ рыть образуется слово ровъ, имѣющее значеніе не только канавы, но и вала (Zčiń mi tak wysoký rov, S nehož by uzřel ves Chynov); Русс. гать насыпь, переходящее въ Луж. hat къ значенію пруда, въ Срб. гат имѣетъ значеніе водоотводнаго канала у мельничной

плотины *; Мар. гребля, Пол. grobla, плотина, одного происхожденія съ гробъ (здѣсь беремъ одно только значеніе ямы): слѣдовательно, если предположимъ въ корнѣ прж д знач. рыть, рвать, то прудъ можетъ значить первоначально и вырытое, яму, ровъ. Оба значенія могутъ легко ужиться вмѣстѣ, какъ видно изъ приведенныхъ сл. ровъ и гробъ, яма и насыпь. Въ символическомъ отношеніи, судя по одному извѣстному мнѣ примѣру, запрудить воду, т. е. лишить ее свободнаго теченія, значитъ насильно выдать за-мужъ: «Охъ не спиняйте у ставу води, нехай вода рине; Охъ не дайте мене за пьяниченьку, да нехай вінъ изгине!» (Метл. 67). Оттого дѣвица, выдаваемая за постылаго, противополагаетъ свою неволю свободному теченію воды: «Ой вийду я за ворітечка: да рине вода, рине; Не силуйте мене за нелюба, да нехай вінъ згине» (ib. 243).

Вода и вѣтеръ. Какъ вода быстра, такъ — и вѣтеръ (эпитетъ вѣтра: буйный значитъ тоже быстрый); поэтому вѣтеръ, по свойствамъ, вытекающимъ изъ быстроты, сближается съ водою. Понятіе быстроты лежитъ въ основѣ нѣкоторыхъ названій вѣтра: Олон. торопъ, порывистый вѣтеръ, и торопливость (Новг.

---

* Относительно гать, ровъ, плотина, прудъ, замѣтимъ, что оно одного корня съ Серб. гаће, Пол. gacie, штаны, подштанники, Ст.-Сл. гащи, tibialia, а у Памвы Бер. сапоги, Оренб. гачки, тонкія волокна, сдираемыя изъ-подъ коры сосенъ, Тоб. гачи подвязки. Такъ-какъ гать роднится съ пон. драть, то это несомнѣнное доказ., что въ гать — основное значеніе рыть, копать, а можетъ быть вымывать (о водѣ).

Пенз.), сл., въ которомъ быстрота возводится къ другимъ предшествующимъ понятіямъ: рвать, бить; Арх. тóрокъ, вихорь, внезапно набѣжавшій шквалъ, съ коимъ сродны понятія быстроты (Срб. трчати), рванья (см. ниже) и торчанья. Связь понятій бѣжать и торчать, кромѣ глаголовъ: торчать и Срб. трчати, Млр. стромить и стремиться, воткнуть и течь, въ знач. идти, Млр. утікать, видна въ обрядѣ, сопровождающемъ заклинаніе вихря. У Галицкихъ Русиновъ разсказываютъ, что знахарь, желающій сдѣлать кому-либо зло, произнося заговоръ, втыкаетъ ножъ по рукоятку въ порогъ первыхъ дверей хаты (изъ избы въ сѣни или изъ сѣней на дворъ?), или подъ порогъ этихъ дверей, и зачарованное лице, схваченное вихремъ, до тѣхъ поръ носится по воздуху, пока заклинатель вздумаетъ медленно вытянуть воткнутый имъ ножъ (Wójc. Klechdy I, 81; II, 149). Всякое оружіе — быстро: о стрѣлѣ это извѣстно, по ср. bistra kopie (Kr. Rkp. Jarosl), что выражается однимъ словомъ сулица; zbraň bistra (ib. Zaboj etc.); поэтому содержаніе упомянутаго заговора можетъ состоять въ сравненіи быстроты втыкаемаго ножа и вѣтру.

Вѣтеръ приноситъ человѣка: «Ой повій, вітроньку, зъ гори на долину; Ой принесы, Боже, здалека родину! И вітеръ не віе, гилля не колише, Тилько братъ до сестри да листоньки пише» (Метл. 245); [«Боже» относится къ вѣтру, чему еще одинъ примѣръ приведемъ ниже. Солнце тоже называется Богомъ: «И къ сонечку промовляе: поможъ, Боже, чоловику» (Метл. 57)]; «Повій витре холодненькій въ глибокого яру;

Прибудь милий чорнобривий зъ далекого краю» (ib. 84); «Вѣтерокъ куда повѣетъ, Туда миленькій поѣдетъ» (Гул. Оч. Ю. С. III); «Съ Оки вѣтры понавѣяли, Незванные гости на дворъ въѣхали» (Ск. Р. Н. I. ч. 3. 142); «Не было вѣтру, да повянуло, Не было гостей да наѣхало» (ib. 163); то-же съ отрицательнымъ сравненіемъ: «Безъ вѣтра, безъ вихоря Вереюшка пошатнулася, Воротички отворилися, И бояре на дворъ въѣхали (ib. 152); «Profukaj, vetřičku, Dolů dólinečkú, Přifukaj mileho z dobrú novinečkú! Vetříček nefuká, Novinky nenese» (Mor. nar. P. 324. Ср. также Grimm's Märch. II. 207). Примѣты, предвѣщающія нежданнаго гостя (погаснетъ огонь, потухнетъ нечаянно свѣча, дрова въ печи развалятся, головня упадетъ на шестокъ, уголь вылетитъ изъ топящейся печки) быть можетъ относятся собственно къ вѣтру, приносящему гостей. Для подобнаго же значенія воды приведемъ только одинъ примѣръ. Обыкновенный вопросъ вѣдьмъ, обращенный къ призваннымъ ими силою чародѣйскихъ травъ и заклинаній, таковъ: «Oj szczoź tia. . . prynesło? Oj czy czoven, cy wesło»? (Ž. P. II. 37—38). Въ другихъ мнѣ извѣстныхъ случаяхъ вода можетъ имѣть и другое символическое значеніе (Ср. Ск. Р. Н. I. 3. 163, 169).

Вѣтеръ и уноситъ человѣка, откуда Млр. выраженіе: «кудись повіявсь», вѣтеръ куда-то понесъ, т. е. пошелъ человѣкъ и пропалъ безъ слѣда, какъ вѣтеръ въ полѣ. Вода то-же: «Як батька покинешъ, самъ марне загинешъ, Рiченькою быстренькою за Дунай (то-есть Богъ знаетъ, куда) заплинещь», т. е. погибнешь.

Сербское проклятіе: «вода га однијела» значитъ: пропади онъ безъ слѣда. О томъ, чего ужъ нѣтъ, говорится, что оно унесено водою: «Не давъ мені Господь пари, Та давъ мені таку (несчастную) долю, Та-ї та пішла за водою. Иди доле, за водою, А я піду за тобою» (Метл. 57).

Вѣтеръ переноситъ вѣсть: «Ахъ вы вѣтры, вѣтры буйные, Вы буйные вѣтры осенніе! Потяните вы во ту сторону, Во ту сторону во восточную, Отнесите вы къ другу вѣсточку, Что не радостную вѣсть, печальную» (Ск. Р. Н I. 3. 204. Терещ. Б. Р. Н. II. 259). Онъ несетъ и всякое слово, спасительное или вредное человѣку: «Повій, вітроньку, по зеленій траві, Избери, Боже, всі любощи мої, Понеси, Боже, до милого мого» (Метл. 31). Въ другой подобной пѣснѣ (ibid.) говорится, что милый точно вспомнилъ прежнюю любовь, приказалъ сѣдлать коня и пріѣхалъ. Отсюда Арх. продухъ, слухъ, молва, напр. «Отысканъ ли воръ?» — «Есть продухъ». Впрочемъ это слово можетъ быть объяснено и нѣсколько иначе, именно — какъ запахъ (а не слово) наносимый вѣтромъ: какъ воня, вонь, нюхать имѣетъ въ основаніи понятіе дуть, такъ за-пахъ — напахиваемое, наносимое вѣтромъ, Пол. wie-trzyć, Чеш. wětřiti — чутьемъ находить (о собакахъ напр.) *. Къ указанному выше свойству вѣтра могутъ быть отнесены слова: Костр. Перм. вспахну́ться, вздумать,

* Срб. вјетрити переносится уже и къ зрѣнію: «Очима вјетрити — као упламен гледати».

непомнить, Костр. Тамб. встрѣнуться, спохватиться, при коемъ Олон. встрѣта, противный вѣтеръ. Въ заговорѣ отъ уроковъ упоминается: «вѣтроносное язво» (Этн. Оч. Ю. С. Гул. 51), и всякая болѣзнь отъ неизвѣстной причины приписывается «съ вѣтру». Мы знаемъ, что необходимо слѣдуетъ ожидать нагляднаго представленія этого несомаго вѣтромъ слова и болѣзни. То и другое находимъ въ слѣдующемъ: 1) Какъ сглазъ представляется стрѣлою, по связи зрѣнія, свѣта и стрѣлы («Што ћу, јунак? устре ли мострела, Душо Јецо, из твот белог лица. Очи твоје, то су стреле моје». Срп. пјес. I. 351); такъ и сильное слово, урокъ, конечно, по связи стрѣлы съ вѣтромъ. Въ Сербской пѣснѣ на похвалы дочери мать отвѣчаетъ: «Девет сам ихъ такијех имала, Осам их је удомила мајка, Ни једне их није походила, Јер су, јадне, рода урокљива: На путу ихъ устријели стрјела» (ibid. III. 516). Здѣсь можетъ говориться именно о порчѣ словомъ, а не вообще. Далѣе въ этой пѣснѣ нигдѣ не встрѣчаемъ намека, чтобы умирающая невѣста была сглажена кѣмъ-нибудь изъ присутствующихъ, а болѣзнь постигаетъ мгновенно, слѣдовательно наслана издалека.

2) Моръ есть вѣтеръ, что видно въ словахъ повѣтріе, Пол. powietrze. Изъ разсказа, извѣстнаго въ Польшѣ, Литвѣ и Западной Руси, объ томъ, какъ моровая женщина (Ср. олицетвор. холеры) всовываетъ руку въ двери или окно избы и, махая краснымъ платкомъ, посылаетъ смерть на людей, можно заключить, что маханье есть одно изъ средствъ вызывать вѣтеръ. Предполагая существованіе этого обряда, мы

объясняемъ имъ слѣдующія выраженія: «Да Ильли просяць збъ дождж, а на Ильли и баба хвартукомъ нагоняць» (Пам. и Обр. 178); «Иде дівка дорогою, чохлами махае (т. е. машетъ рукавами и этимъ насылаетъ любовь), А за нею козаченько важенько здихае» (Метл. 42); «Ой перестань, дівчинонько, чохлами махать, Ой хай же я перестану важенько здихать. — Ой поти я махатиму, поки подеру. Ой поти я здихатиму, поки тебе в'зьму»; какъ туча отводится возбужденіемъ противнаго вѣтру, такъ и сравниваемая съ тучей дурная слава: «Надъ моіми воротами чорненькая хмара, А на мене молодую поговіръ та слава. А я тую чорну хмару перомъ розмахаю, А къ славі не прислухáюсь, та-й гадки не маю» (Метл. 87).

На приведенныхъ выше значеніяхъ вѣтра, уносящаго человѣка, основывается упоминаемое въ одной нѣмецкой сказкѣ гаданье: Царь обѣщаетъ сдѣлать своимъ наслѣдникомъ того изъ своихъ сыновей, который лучше другихъ исполнитъ его порученіе; для этого каждый изъ царевичей отправляется въ ту сторону, куда летитъ пущенное царемъ на вѣтеръ перо (Gr. Märch. № 68). Подобнымъ образомъ въ общей чуть-ли не всему Индо-европейскому племени сказкѣ о царевнѣ-лягушкѣ, каждый изъ братьевъ-царевичей пускаетъ стрѣлу и женится на той, которая принесетъ эту стрѣлу, или ищетъ жены тамъ, гдѣ упала стрѣла.

Слюна. Если вода уноситъ хитки и притки, уроки и проч., то и наноситъ ихъ. Встрѣчается въ пѣсняхъ списыванье своего горя или заговора на бумагу или древесный листъ и пусканье этого на воду, съ тѣмъ, чтобъ

она нанесла крѣпкое слово на кого нужно: «Ой я тую та тугу — журбу на листи спишу, А списавши, та на листоньки въ тихий Дунай пущу. Та пливи, туго, та пливи, журбо, по крутимъ берегамъ; Роздай, Боже, та тугу — журбу по моімъ ворогамъ». Вмѣсто христіанскаго Бога могло упоминаться въ подобныхъ обращеніяхъ имя языческаго. Сходныя съ этимъ чары надъ бумагою (записью), бросаемою на вѣтеръ и на воду, встрѣчаются и въ Сербскихъ пѣсняхъ (I. 469, 474); но замѣна живаго чародѣйскаго слова письмомъ конечно поздняя*, а прежде такое слово, посылаемое по водѣ, представлялось, быть можетъ, въ другомъ образѣ, такъ-же сродномъ съ водою, какъ стрѣла съ вѣтромъ. Слово вообще сближается со слюною: «слюны не подымешь, а слова не вернешь» (Пам. и Обр. 68); Сербская пословица: «не вальа пльувати па лизати» значитъ: не слѣдуетъ брать назадъ своего слова. Заклинатель вмѣсто записи даетъ чорту свою слюну, т. е. слово: «и вмѣсто рукописи кровной отдаю тебѣ я слюну» (Ск. Рус. Н. I. 2. 34. Ср. Бусл. Эп. Поэз. 18). Такъ-какъ слово и слухъ сродны и въ языкѣ, а слово есть мысль (ср. думать съ Болг. говорить, гадать, въ Пол. то-же) и слышать (Камч.) — разумѣть; то ясно, почему въ прекрасной, отзывающейся глубокою стариною, Срб.

* Чуть-ли не позднѣйшее изъ названій колдуна — Млр. характерникъ, Пол. charakternik (см. Pamiętn. Paska), человѣкъ, котораго никакое оружіе, кромѣ посвященной серебряной пули и потертой святою ладонкой сабли, не беретъ, значитъ вѣроятно: имѣющій письменный амулетъ. Ср. Рјечник: амајлија — запис...напр., од пушке и проч.

сказкѣ «Немушти језик» посредствомъ слюны, символа слова, передается человѣку даръ понимать таинственный языкъ природы. Змѣенышъ, говорится въ этой сказкѣ, сынъ змѣинаго царя, спасенный пастухомъ отъ огня, проситъ, чтобы пастухъ этотъ отнесъ его къ отцу. Когда вошли они во владѣнія змѣя-царя, змѣенышъ говоритъ пастуху: «какъ будемъ въ дворѣ у моего отца, онъ станетъ давать тебѣ, чего только захочешь: золота, серебра, камней дорогихъ, но ты не бери ничего и проси только «немушти језик». Пастухъ послушалъ совѣта, и царь долго отнѣкивался, но наконецъ сказалъ—«раскрой ротъ». Пастухъ раскрылъ ротъ, а змѣиный царь плюнулъ ему туда и сказалъ: «теперь ты мнѣ плюнь въ уста»; пастухъ плюнулъ, а царь опять ему. И такъ трижды плюнули одинъ другому въ уста, послѣ чего царь сказалъ: «теперь ты знаешь немушти језик, но если дорога̀ тебѣ жизнь, не сказывай про это никому, а если скажешь,—мигомъ умрешь». Возвращаясь къ стаду, пастухъ слышалъ и разумѣлъ все, что говорятъ птицы и травы, и все, что есть на свѣтѣ (Срп. Прип. 14—15). Слово есть человѣкъ: «Да нема цвіту найсінішого надъ ту ожиноньку; Да нема слова найвірнішого над ту дружиноньку» (Метл. 246), т. е. нѣтъ человѣка вѣрнѣе, милѣе мужа. Оттого сказочный герой, убѣгая, оставляетъ вмѣсто себя на окнѣ свою слюну, чтобы она отвѣчала, когда будутъ спрашивать изъ-за запертыхъ дверей. Какъ плевать относится къ корню плю—плу, откуда плу-ти, плыть и Млр. плютка, ненастье, слякоть; такъ слюна—къ слу, предполагающему форму сру, отъ коихъ Срб. сло

та, Влр. (Кал., Кур.) слота, снѣгъ съ дождемъ, мокрый, снѣгъ, Пол. słota, ненастье, струя и островъ. Съ теченьемъ соединяется быстрота, и слово, само по себѣ быстрое, сближаясь съ слюною, можетъ сравниваться съ текучею водою вообще. Отсюда, такъ-какъ слово переходитъ къ значенію колдовства (ср. Срб. бajaти, врачати), а хитки (Оренб.) — слюны, текущія у младенцевъ; то хитки въ выраженіи «хитки и притки» можетъ значить порчу, нанесенную водою въ видѣ слюны, если только не значитъ просто схваченное (хыт = хват). Хитки, слюны, было бы объяснено, если бы можно предположить родство корней хыт и су = ху (сути — лить). Такъ какъ слово переходитъ и ко лжи (и брани), напр. въ словахъ врать, брехать, можетъ быть въ лъгати, то Вологодск. слотить, врать, близкое къ слота, слякоть, могло прежде значить: говорить. Слово — рѣка: «Во той во церкви пробилъ быстрый ключъ, Растворились двери, рѣка потекла... Этотъ быстрый ключъ — благодать съ неба, Растворились двери — дана намъ вѣра, Рѣка, протекла — рѣчи Божіи, Рѣчи Божіи, суды грозные (Сухомл. о Соч. Кирилла Тур. 56 — 57). Значеніе, придаваемое въ этихъ стихахъ ключу и дверямъ, — не народное, но игра словъ народна. Рѣчь представлялась плавно (отъ плыть), подобно водѣ, текущею изъ устъ; отчего-бы этому слову не быть одного корня съ рѣка? Быть можетъ слу-хъ и слово одного происхожденія со слу — слю, откуда слюна, слю-тіе (Вост. Сдб.), дождливое, благопріятное для урожая лѣто. Постоянное выраженіе Срб. и Млр. пѣсенъ: «тихо говорити» (ср.

Срп. пјесм. I. 12. 63 и многіе другіе); «стиха промовляти» (Метл. см. Думы) можетъ относиться не къ слабости звука, а къ плавному теченію рѣчи. Ср. ниже предположеніе о значеніи сл. тихій, какъ эпитета Дуная и Дона.

Гаданью вѣтромъ соотвѣтствуетъ гаданье водою. У Русск. и Поляковъ водится на святкахъ дѣлать изъ орѣшечной скорлупы кораблики, вставлять въ нихъ зажженныя свѣчки и пускать въ миску съ водою: куда поплыветъ чей корабликъ, тамъ гадающему и «судьбу найти». Это напоминаетъ гаданье Норманновъ, которые опускали съ корабля въ море чурбаны съ изображеніемъ головы Тора или другаго бога и плыли туда, куда поплыветъ чурбанъ (Gr. Märch. III. 113—114). Извѣстно также кажется общеславянское пусканье вѣнковъ на воду. Пустившая вѣнокъ заключаетъ, по извѣстнымъ его движеніямъ, о своей будущей судьбѣ. Вѣнокъ — сама дѣвица, и, слѣдовательно, въ основаніи этого гаданья лежитъ мысль, что вода уноситъ человѣка.

Утопить. Утопить, утонуть значитъ вообще запропастить, погубить, погибнуть: переходъ мыслей очень естественный и очень обыкновенный въ Млр. пѣсняхъ: чумакъ говоритъ воламъ: «Бодай-же ви, сірі воли, у Кримъ по сіль не сходили, Що ви мою головоньку та на віки утопили, Утопили головоньку у чужую сторононьку»; «Ні на кого жалкувати, якъ на тебе, рідна мати, Що молодимъ не женила, въ вічню службу затопила»; «Ждала, ждала козака дівчина, Сама за міжъ пішла. Дівчинонько — голубонько, що ти наробила, Що ти мене молодого та на віки втопила». «Чи

я въ тебе, моя мати, усе плаття поносила, Що ти мене, моя мати, та на віки затопила», т. е. выдавши за мужъ (Метл. 263, 274, 276). Въ тѣсной связи съ этимъ находится совершенно народное выраженіе Сл. о Пъл. Иг. «кають Князя Игоря, иже погрузи жиръ (счастье, веселье) на днѣ Каялы рѣки Половецкія».

Разливъ затопляетъ землю, откуда половодье — горе: «Уже лужечки — бережечки вода поняла, Молодую Марусю журба обняла» (Метл. 135); «Розливайтеся береги; Не втішайтеся вороги» (ibid. 233), т. е не радуйтесь, не смотря на мою печаль. Въ Словѣ о П. Иг. «тоска разліяся по Русской земли; печаль жирно тече средь земли Русской», т. е. разлилась, какъ полая вода. Сюда-же относится сравненіе человѣка, погруженнаго въ печаль, съ островомъ: «островъ въ морѣ, а сердце въ горѣ». Разливъ — недруги, какъ приносящіе печаль: «Не полая вода на широкій дворъ Къ моему батюшкѣ взлелѣяла *, Взлелѣяли мои недруги: Хотятъ они разлучить меня Съ отцомъ съ матерью, Съ родомъ съ племенемъ» (Ск. Р. Н. I. 3. 163). Изъ вышесказаннаго объясняется выраженіе кобзаря Архипа Никоненка: «про все мени байдуже, а кобзи якъ-би на неділю не було, такъ я и гори топлю (Зап. о Ю. Р. I. 13). Берегъ значитъ собственно гора, что видно между прочимъ изъ эпитета «крутой» и изъ Срб. бриjег, вмѣстѣ и холмъ, и берегъ; слѣдовательно «гори топлю» — затопляю берега. Онъ сравниваетъ свою печаль съ состояніемъ разлившейся рѣки. Дѣйствительно

---

* *Лелѣять — течь.*

горе рѣки, сочувствующей страданіямъ и смерти человѣка, выражается разливомъ: «Сама-жъ я не знаю, де мій милий дівся: А чи його звірі зъіли, а чи вінъ утопився? Як-би звірі зъіли, то-й луги-бъ шуміли, А як-би утопився, то-бъ Дунай розлився» (Метл. 103). Когда весною рѣки возвращаются въ берега, то убываетъ и печали на свѣтѣ, потому что весна есть свѣтъ и радость. Потому мы видимъ символическое выраженіе веселья въ слѣдующемъ двустишіи, которое поется въ началѣ весны (на провесни): «Зринулася водиця зъ Дунаю, Зъ Дунаю тихого, бережку крутого» (Метл. 294). Народная поэзія не знаетъ картинъ природы ради ихъ самихъ. Напротивъ, время разлива такъ печально, что, согласно съ вѣрованіемъ во вліяніе дня, часа и состояніе погоды на участь родившагося, рожденный въ разливъ будетъ несчастенъ: «Калину съ малиною вода поняла; На ту пору Матушка меня родила, Не собравшись съ разумомъ за мужъ отдала, На чужедальнюю на сторонушку» (Ск. Рус. Нар. I. 3. 206). Очень понятно слѣдующее изображеніе печали: «Не радъ явіръ хилитися, вода корні мие; Не радъ козакъ журитися; такъ серденько ние». Такое-же значеніе имѣютъ опустившіяся въ воду вѣтви дерева въ Влр. пѣснѣ: «Не стой, рябина, по-край берегу, Не мочи вѣтвей во быстру рѣку; Не летай, соловей, одинъ во саду... Не сиди, Андріянъ, одинъ за столомъ» (Этн. О. Ю. С. 28). Печаль здѣсь уравнивается съ одиночествомъ. Что такое значеніе зависитъ не только отъ наклоненнаго положенія дерева, но и отъ воды, — видно изъ сближенія словъ окваспти (замочить) и омразпти въ слѣдующихъ

стихахъ Сербской пѣсни: «Бијела свило, не окваси ее! Лијепа Маре, не омрази се» (Срп. пјес. I. 37.), а равно изъ сравненія горя женщины съ моченьемъ конопли. Не по любви вышедшая за-мужъ говоритъ: «Оддала мене моя матінка, оддала заручила, Якъ зеленую коноплиночку въ озері намочила» (Ластивка).

Разливъ, затопляя берега, препятствуетъ свиданію: «Радъ-же бъ я, милая моя, та до тебе прилинути: Заливае Дунай бережечки, та нікуди обминути. Ой прелину, прелину я Дунайську річку (т. е. ріку); Люблю тебе, серденько, не покину до віку» (Метл. 61). Изъ приведеннаго видно также, что разливъ переходитъ къ значенію препятствія вообще, какъ въ извѣстной пѣснѣ — рѣка: «Тече річка невеличка: зхочу—перескочу; Віддай мене, моя мати, за кого я зхочу». Перескочить рѣчку, слѣдовательно, значитъ преодолѣть препятствіе. Тоже и брести: «А у броду нема льоду, нема переходу; Ой коли-ж ти мене любишь, бреди черезъ воду» (Метл. 83). Мѣста какъ: «засвічу я свічку, перебреду річку» (Метл. 26, 39, 40, 113, 294), изъ коихъ видно, что зажженная свѣча — необходимая принадлежность перехода чрезъ рѣку, можно прямо отнести къ языческому обряду ставить свѣчи водѣ, извѣстному и Германцамъ. Въ упомянутыхъ случаяхъ это—смиряющая стихію жертва, подобная куску хлѣба съ солью или монетѣ, опускаемымъ пловцами въ рѣку. Наоборотъ, потокъ, котораго не перебрести, есть непобѣдимое препятствіе: «Szeroki jareczek (весенній ручей), niemožna przetynać; Przyjdzie mi, chłopczyno, dla ciebie zaginać»

(Zejszn. 75). Можетъ быть и такое значенiе разлива есть одна изъ причинъ сближенiя его съ печалью.

Слеза, Ст.-Сл. сль-за, тождественно съ хорутанск. sra-ga, капля; одного корня: плакать и полоскать, мыть, Костр. мы-ни, слезы, мынить, плакать и мыть: слѣдовательно слеза — капля и вообще вода. Послѣднее находимъ въ частомъ въ Влр. пѣсняхъ: «плачетъ какъ рѣка льется»; первое — въ сближенiи слезъ, росы и дождя. а) Роса раздѣляетъ со слезами свойство послѣднихъ: горечь и ѣдкость. Въ извѣстныхъ случаяхъ она выжигаетъ пятна на растенiяхъ. Отсюда пословица: «поки сонце зiйде, роса очи виість». Не находя примѣровъ сближенiя росы со слезами, мы выводимъ такое значенiе росы изъ того, что она символъ несчастья: «Що якъ моя пригодонька, якъ лiтняя роса: Якъ сонечко зiйде, а вiтеръ повiе, — роса опаде; Оттакъ моя пригодонька на-вiкъ пропаде» (Метл. 43). Солнце, осушающее росу, — утѣшенiе; подобное же значенiе можетъ имѣть то, что соловей, весенняя, утренняя и веселая птица *, отряхиваетъ росу. Замужняя женщина, удален-

* Связь соловья съ весною — въ выраженiи: «мале соловья сади розвивае» (Метл. 361); связь съ разсвѣтомъ — въ слѣдующемъ: «безъ милого соловейка и свiтъ не свiтае» (ib. 5 — 6. Тамъ-же связь разсвѣта съ весельемъ «гулянямъ»); щебетанье соловья и веселье: «Нема въ саду соловейка, нема й щебетання; Нема мого миленького, не буде й гуляння. Ой якъ въ саду соловейко, — щебече раненько; Як мiй милий биля мене, гулять веселенько»; «Нехай тобi зозуленька, мснi соловейко, Нехай тобi тамъ легенько, менi веселенько» (Метл. 38 — 39). Соловей является утѣшителемъ перепелки, слишкомъ рано оставившей «вырiй» (Метл. 211 — 212).

ная отъ родныхъ, окруженная домашними заботами и печалями, говоритъ соловью: «Не щебечи рано на зорі, Да не обтруси раннеї роси: Нехай обтрусить моя матюнка, До мене йдучи, одвідуючи, Ой якъ я живу, якъ я горюю» (Метл. 246). Она не хочетъ утѣшенья отъ соловья, и ждетъ его только отъ матери. b) Дождь служитъ символомъ слезъ—печали, какъ одна изъ причинъ разлитія рѣкъ: «Говорила куна из куною, сидячи надъ водою: «А чи—жъ добре тоби, моя куночко, сидячи надъ водою».—Поти добре, поки дожчівъ немае: Дожчі пійдуть, бережечки заллють и мене зженуть. Говорила сестра изъ сестрою, сидячи за скамною: «Да чи добре тоби, моя сестро, сидячи за скамною? Поти мині добре, поки бояръ немае, А бояре прийдуть, медъ-вино попьють И мене зъ собою возьмуть» (Метл. 221). Какъ отъ дождей—разливъ, такъ отъ бояръ разлука съ родительскимъ домомъ,—печаль. Извѣстная примѣта, что если отъ дождя вздымаются на водѣ пузыри, то нужно ждать продолжительнаго ненастья, объясняетъ слѣдующее мѣсто: «Ой на горі дощикъ, а бульбашки скачуть, А за мною молодою вси родичі плачуть. Ой на горі дощикъ, а бульбашки дмуться, А за мною молодою всі родичі бьються. Ой бийся-же ти, мій родоньку, бийся побивайся, Та ти-жъ мене з сёго краю та-й не сподівайся». Разлука, значитъ, безъ надежды на свиданіе.

Свѣтлая вода. Быстрота воды родится, съ одной стороны, съ быстрымъ движеніемъ вообще, съ другой—со свѣтомъ. Чеш. pramen значитъ ручей и лучъ, Пол. promień, струя (krew się leje promieniami; promień

włosów) и лучь. Какъ съ понятіемъ ручья, такъ и струи соединяется мысль о быстротѣ, а по связи послѣдней съ свѣтомъ, и струя названа золотой: «понеси ты, матушка быстра рѣка, своей быстриной, золотой струей» и пр. (Сиб. нагов. въ Арх. Калач. II. ч. 2.). Быстрый не только въ Срб., но и въ Рус. и Луж. Н. значитъ свѣтлый:» Gledajucy łych bytšych gwiezdow... kótoraž gwiezda nejbytšej swieci» (Haupt. II. 39.). Та-же связь воды со свѣтомъ въ словѣ лелѣять. Оно значитъ: a) лить, потому что лелѣяти — удвоенная форма лѣяти, лити: «Разлилась, разлелѣялась по лугамъ вода вешняя: Унесло — улелѣило чадо милое отъ матери» (Сказ. Рус. Нар. I. 3, 142); b) блестѣть: «Онъ по лугу ѣдетъ—лугъ зеленѣетъ, вода-то лелѣетъ» (ibid. 117); «вода лилѣе, да въ ротъ не лѣзе»; c) можетъ быть по связи свѣта и гладкости — ласкать, нѣжить. Можно думать, что названіе Лабы (См. Бусл. о Вліян. Хр. на Сл. яз.) и эпитеты рѣкъ, взятые отъ свѣта, именно: «Ot Lubice běle» (Судъ Люб.), Чеш. bílý (и bystrý) Dunaj, Болг. бѣлъ Дунавъ означаютъ вмѣстѣ и быстроту *. Сродство воды со свѣтомъ видно и въ символическихъ значеніяхъ ея. Красота и дѣвство—свѣтъ, и оттого вода символъ дѣвицы. Веселье—

---

* Очень странно, зная, что очень многія вовсе не быстрыя, по крайней мѣрѣ теперь, рѣчки носятъ эпитетъ быстрыхъ, при названіяхъ большихъ рѣкъ, какъ Донъ и Дунай, встрѣчать эп. по видимому противоположные быстротѣ. Особенно ярко выступаетъ такая несообразность въ одной Болгар. пѣснѣ, въ которой о тихомъ, бѣломъ Дунаѣ говорится, что онъ несъ деревья и камни: «Дунавъ мътенъ протекалъ,

свѣтъ, откуда блескъ воды—симв. смѣха: «Idzie woda, idzie, zdaleka sie, sieje; Idzie mój Janiczek, zdaleka sie, smieje» (Zejszn. Pieśni L. Podh.). Какъ темнота вообще, такъ и мутность воды—печаль. Самыя слова: Чеш. mutny, Рус. мутный (Святъславъ мутенъ сонъ видѣ), обл. (Сиб.) мутно, Пол. smutny — smętny, Млр. смутный—невеселый получили значеніе печали на основаніи упомянутаго сближенія довольно обыкновеннаго въ Славянскихъ пѣсняхъ: «Чому въ ставу вода руда? мабуть хвиля сбила; Чомъ дівчина невесела? мабуть мати била» (Метл. 113); «Чого ти, мила, такая, якъ водиченька мутная» (ib. 264); «Tečie woda, tečie mutna, Přecože sy, moja mila, taka smutná» (Pisně sw. L. Slow. w Uhř. 94); «Ticha voda, ticha, zakalilasi sa; Moje potešení, oddalilo si sa» (Mor. nar. p. 263), т. е. опечалила и меня и себя? Потому прозрачность и спокойствіе водъ рѣки противополагается печали: «Ты рѣка-ль моя, рѣчинька, Ты рѣка-ль моя быстрая! Течетъ рѣчка не колыхнется, Со желтымъ пескомъ не взмутится. Ты дитя-ль мое, дитятко! Что̀ сидишь ты, не улыбнешься, Говоришь, не усмѣхнешься» (Ск. Р. Н. I. 3, 178. Гул. Оч. Ю. С. 21). Рѣка, мутясь, выражаетъ свое сочувствіе человѣку: «Одна была родима

Дръвие и ка́мни влѣчѣ́ше», и нѣсколько ниже: «че сѧ фрълилъ Иванчё Въ тиха — бѣ́ла Дунава» (Безс. Болг. пѣсни въ 21 кн. Времен. 60.). Не имѣло ли тихъ другаго значенія? Оно могло первоначально равняться по значенію и по происхожденію сл. тух-тушить; это-же последнее может быть сведено къ понятію лить, такъ что «тихій» Дунай можетъ значить: льющійся, текущій.

сестрица, И та пошла на Дунай рѣку за водицу. Во Дунай-ли рѣкѣ она потонула?...—Кабы она въ Дунай рѣкѣ потонула, Дунай рѣка со пескомъ возмутилась» (Ск. Р. Н. I. 3, 205); «Какъ бывало ты (Донъ) все быстеръ бѣжишь, Ты быстеръ бѣжишь, все чистехонекъ: А теперь ты, кормилецъ, все мутенъ течешь, Посмутился ты Донъ съ верху до низу. Рѣчь возговоритъ славный тихій Донъ: «Ужъ какъ-то мнѣ все мутну не быть? Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ, Ясныхъ соколовъ, Донскихъ козаковъ...» (ib. 240). Подобнымъ образомъ Влетава мутится не отъ бури, а отъ ссоры двухъ родныхъ братьевъ: «Aj Wletawo, če mútiši wodu?... Како bych jáz wody ne mútila, Kegdy se wadita rodna bratry..». Слово мутить выражаетъ собственно извѣстнаго рода движеніе, судя по тому, что оно можетъ значить: помавать головой: «položil jsi ny w podobienstwie wlastem: zamucenie hlawy w ludech». Потому въ слѣдующемъ мѣстѣ, гдѣ мутить воду, соотвѣтственно связи тьмы—тучи и вражды, клеветы, значитъ ссорить, вмѣсто мутить поставлено колотить, болтать: «Два голуби воду пили (любили другъ друга), а два колотили (ссорили); Бодай же тимъ тяжко — важко, що насъ розлучили» (Метл. 63). Польское kłócić, соотвѣтствующее Рус. мутить въ выраженіи «zakłócić pokój», переходитъ къ понятію ссоры въ kłócić,-się, kłótnia. Мутить, въ смыслѣ безпокойства, волненія, тоже приравнивается къ водѣ: «муциць у вадзѣ, якъ маскаль у сялѣ» (Пам. и Обр. Н. яз. и Сл. 184.).

Лить. Нерѣдко слова съ основнымъ значеніемъ

литья, теченья, не измѣняя формы, переходятъ отъ вливанья къ изливанью, или наоборотъ. При старинномъ доити, кормить грудью, которое есть причинная форма корня, означающаго пить (Шлейхеръ), находимъ новое доить, извлекать молоко. Не оспаривая, что первое дѣйствительно получило свое значеніе отъ питья, можемъ предположить, что за питьемъ есть другое, болѣе древнее значеніе — лить. Это видно изъ того, что груди, испускающія молоко, представляются плюющими, а плевать сродно съ плыть, литься. Титьки коровы и подойникъ загадываются такъ: «чотири панночки въ одну дучку (ямку) плюють» (Заг. Семент.). Сюда же относится Сербская загадка, гдѣ въ произвольно составленномъ словѣ можно распознать корень ли: «ли-тере, ли-тере (дојке) низ камење (прси) висјеле, нит се пекле, ни вариле, сав свијет одранпле». При сосать, вливать жидкость, встрѣчаемъ названіе грудей, изливающихъ ее: Млр. цыцька, Влр. титька, сосокъ, Пол. сусек, Кашеб. сес. Относительно сродства *с* и *ц* можно сравнить однородное съ сосать Млр. Влр. сцять, сцать, Пол. szczać, испускать мочу. Отъ пить и нѣсколько измѣненнаго корня глагола соу-ти образуются нѣкоторыя названія половыхъ органовъ, которые представляются изливающими. Какъ ни близки и естественны подобные переходы, но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи они производятъ довольно странное на первый взглядъ явленіе, именно то, что отъ одного корня образуются названія для понятій другъ другу противоположныхъ: тучности и изобилія съ одной стороны — и сухости, пустоты, съ

другой. Отъ су-ти, лить, идутъ: Влад. сытая вода въ рѣкѣ—полная, стоящая въ-уровень съ берегами, но не переходящая ихъ; сытѣть, о водѣ: прибывать, пополняться; сытый, напр. человѣкъ, налитой, а такъ-какъ питье сродно съ ѣдою, то напитанный, неголодный; Арх. сытой, напр. конь, тучный, толстый, противоположный тонкому; Пол. suty, напр. suto-złoty, suta omasta, и въ усиленной формѣ sowity, изобильный. Но тотъ-же корень образуетъ Ст.-Сл. соу-и, напрасный, т. е. порожній (ср. Пол. naprózno), тотъ, изъ котораго вытекла влага. При Пол. sączyć, испускать жидкость, находимъ не только Млр. сякать, высякаться, высморкаться (ср. сыпать, лить, и сопли), но и Ст.-Сл. сѧчити, сушить, сѩкнѫти, сохнуть, изсякать. Отъ лити—лой, сало, собств. налитое, результатъ питья—кормленья, а отъ подобнаго и тождественнаго по значенію (предполагаемаго) корня лу—лы, откуда областн. (Арх., Вят., Орен., Перм., Олон.) лыва, лужа и весенній разливъ воды,—Каз. лутошки, ноги, лытки, мягкая и толстая часть ноги, лытка, окорокъ ветчины (Костр., Яр.), бедро (Ирк.), нога (Каз.). Быть можетъ одного корня съ плю-ти, плу-ти, плыти (откуда Млр. плютка, ненастье, Чеш. pluta, потоки дождя, plušt, дождь),—и прилаг. полонъ, Ст.-Сл. плъ-нъ, налитой, плоть, мужеское сѣмя, плоть, Ст.-Сл. плъть, жирное мясо и тѣло вообще, полоть напр. сала; оттуда-же, можетъ быть Пол. płytki, Чеш. plytký, Срб. плитак, мелкій (о водѣ), Чеш. plytwati, не только плыть и течь, но и расточать (ср. самое рас-точ-ать). Ст.-Сл. ты-ти, Пол. tyć, o-tyły

Чеш. tyti, Срб. тити, толстѣть, становиться жирнымъ, (Срб. причинное товити, распасать, дѣлать жирнымъ), съ суфф. к образуютъ тукъ, жиръ, а съ суф. х — Пол. tusza, плотность, и Русс. туша, мясо убитой скотины, взятое цѣликомъ. Если предположимъ здѣсь основное понятіе литья, то тушить, гасить, будетъ значить заливать огонь, Пол. tuszyć, надѣяться, otucha, надежда, бодрость - заливанье огня, представляемаго горемъ, а тъщь, тощъ (суф. ск) — вылившій изъ себя, и потому пустой (ср. о желудкѣ: на-тощакъ, Пол. natszczo, Срб. наташте, наште, стар. Срб. на чте срьдце, Млр. нащéсерце), Ст.-Сл. тѣщити пѣны (см. Radic. Mikl.) — соб. изливать пѣны. Предположеніе, какъ кажется, вѣроятное, тѣмъ болѣе, что отъ тоути, ты-ти — и Ст.-Сл. тоу-ніє, даромъ, т. е. напрасно.

Такъ-какъ величина сродна съ тучностью, что можно видѣть въ сл. плотный и въ Срб. дебео, дебелый и жирный; то Пол. duży, большой, Русс. дюжій, прежде этого, и прежде другихъ значеній (напр. здоровый, какъ въ Млр. тавтолог. выраженіи «дужъ — здоровъ» и словѣ не-дугъ) могло относиться къ жиру. Въ этомъ удостовѣряетъ его близость къ Срб. дуга, Чеш. duha, Русс. радуга, въ которыхъ можно предполагать значеніе литья на слѣдующемъ основаніи. Пол. tęcza — радуга, тождественно со ст. тѫча, туча, изъ чего слѣдуетъ, что основное значеніе въ нихъ одно, именно, по повѣрьямъ Славянскимъ — литье, вбираніе воды. У Словаковъ есть поговорка: «pije, ako duha (Пам. и Обр. 156); у Млр.: «Веселка, красна пані (радуга, по связи ея со свѣтомъ) воду з криниці бере»; у Бѣло-

руссовъ, Поляковъ — тоже. Въ Новгородск. словарѣ XV в. (Ск. Рус. Нар.) слово смерчъ объяснено такъ: «піявица, облакъ, дождевенъ, иже воду отъ морѣ възимаетъ, яко въ губу, и паки проливаетъ на земля»; у Зизанія: «сморщъ, оболокъ, который съ неба спустившися, воду съ мора смокчетъ». Слово смерчъ, заключающее въ самомъ себѣ понятія и изливанья, судя по сл. сморкаться, могло имѣть болѣе общее значеніе облака дождеваго (Ср. «идутъ сморци мьглами» въ Сл. о Пълку Иг.), и слѣдовательно вполнѣ равняться слову туча (см. связь этого послѣдняго съ литьемъ въ Rad. Mikl.). Изъ сказаннаго о связи литья и жиру слѣдуетъ, что дождь можетъ приравниваться къ пищѣ, сообщающей полноту тѣлу, и къ оплодотворяющему человѣка и животныхъ сѣмени. Не даромъ плодородіе земли постоянно приводится въ соотношеніе съ плородіемъ человѣка и животныхъ: «Од руке му ништа не родило, Руйно вино, ни шеница бела; Не имао польског бериѣета, Ни у дому од срца порода» (Срп. пјесм. II, 301); въ Млр. колядкахъ и щедровкахъ, коихъ различіе относится къ позднимъ, христіанскимъ временамъ *, вмѣстѣ съ плородіемъ жены хозяина (Метл. 322), красотою, доброю славою и скорымъ замужствомъ дочери, удалью сына, славится и плодородіе скога хозяйскаго (Метл. 341), сада (340), полей

* Первоначальное ихъ тождество видно и въ томъ, что «Шедрий вечіръ», припѣвъ Млр. щедровокъ, у Карпатскихъ горцевъ и вообще у Галицкихъ Русиновъ относится и къ колядкамъ, а у Поляковъ и тѣ, и другія пѣсни — Kolędy.

(при посыпаньи говорятъ: «Роди, Боже, жито и пр.). Чтò славятъ, того и желаютъ. Упомянутое сродство подтверждается еще слѣдующимъ:

Обливанье. Въ Курской губерніи, а вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ Россіи, независимо отъ обливанья на Свѣтлое Воскресенье, есть обычай во время засухи обливать другъ друга у колодца и тѣмъ вызывать дождь. Очевидно, что обливанье въ этомъ случаѣ есть обрядъ символически выражающій дѣйствіе дождя. У Сербовъ, въ засуху, одна дѣвушка, раздѣвшись до-нага, обвивается травами и цвѣтами, такъ что тѣла нигдѣ не видно. Эта «Додола», въ сопровожденіи другихъ дѣвицъ, которыя поютъ вызывающія дождь пѣсни, идетъ по селу и останавливается передъ каждою избою. Каждая хозяйка выноситъ полное ведро воды и выливаетъ его на Додолу. Между прочимъ ея спутницы поютъ: «Ми идемо преко села, А облаци преко неба, А ми брже, облак брже, Облаци нас претекоше, Жито, вино поросише» (Срп. пјесм. I. 113). Онѣ перегоняются съ облакомъ: оно-ль скорѣе оросятъ землю, или Додола будетъ облита у извѣстной избы. Тогда-же поютъ: «Ми идемо преко села, Ој Додо-ле, мој Божо-ле! А облаци преко неба, Из облака прстен паде, Ујагми га колобоћа» (ib.). Облак въ Срб. пѣсняхъ—женихъ: «Надви се облак из-над дјевојак; То не би облак из-над дјевојак, Већ добар јунак тражи дієвојак'» (Срп. пјесм. I. 2). Это поютъ, когда просятъ дѣвушку («на просидби»), а когда женихъ собирается ѣхать за нею: «Облак се вије по ведром небу И лепи Ранко по белом двору» (ibid. 16). Впрочемъ облак и вообще юнакъ: «У

госпође мајке лепу ћерку кажу; Неда је видити сунцу на месецу, Ни мутном облаку, ни младом јунаку» (ib. 356). Перстень — символъ брака, и Додола, молящая дождя и обрученная съ облакомъ, есть земля. Оплодотвореніе стыдливо обозначено перстнемъ. Земля представляется напоенною, что̀ видно изъ Срб. и Мар. «пјан, као земља», «опише се као земља црна» (Срп. пјес. III. 40), «пьяный, якъ земля». Ея обыкновенный эпит. «сыра» можетъ быть связанъ съ жиромъ и богатствомъ (невѣстѣ желаютъ: «будь богата, як земля» Метл. 127, 208, 228), на слѣдующемъ основаніи. Сырой и Ст.-Сл. соуровъ имѣютъ одно значеніе: не сухой; Симб. сӱровица — первый погонъ смолы и водянистый отстой въ смолѣ (ср. област. сырецъ, суровика, деготь); *р* въ сырой есть суфф., приставленный къ корню су, лить. Жиръ переходитъ: a) къ значенію довольства, счастья, какъ въ Арх. Волог. жи́ра, Волог. Олон. жи́рова, хорошее житье, довольство, Оренб. жириться, проводить время въ праздности (болѣзнь и трудъ сродны въ языкѣ, слѣдовательно съ отсутствіемъ труда связано понятіе благоденствія), Камч. жировать, ѣсть вдоволь и жить въ довольствѣ; b) къ значенію веселья, откуда встрѣчаемое во многихъ губерніяхъ жировать, играть, возиться, щекотаться, Пенз. жировня, игра съ хохотомъ, щекотня, толкотня; c) къ значенію бѣшенства, что̀ видно изъ пословицы: «съ жиру собаки бѣсятся». Значеніе веселья и бѣшенства, гнѣва встрѣчаемъ въ суровый, суровóй, рѣзвый, шаловливый (разн. Сиб. губ.), и о лошади: бѣшеный, съ норовомъ (Том.), сурови́ться, шалить, рѣзвиться, дѣлать что-

либо безразсудно (разн. Сѣв. и Сиб. губ.) и сердиться, гнѣваться, хмуриться (Арх.), суровиться, рѣзвиться (Волог.), горячиться (Влад.). Относительно связи шалости и бѣшенства ср. Срб. бијес въ выраженіи «отишао у хајдуке од бијеса (отъ нечего дѣлать, изъ шалости) или од невоље?» и Рус. шальной, Пол. szalony, бѣшеный. Если припомнимъ связь Славянскаго корня сур съ жидкостью, то можемъ заключить, что суровъ, заключаетъ въ себѣ не понятіе свѣта (Mikl. Rad.), а влаги, и, такъ-какъ Волог. волога — масло, то и понятіе жира. Слѣдовательно «сыра земля» значитъ тучная, жирная, обильная; но земля — мать (мать сыра земля), а потому сыра можетъ значить: оплодотворенная дождемъ, какъ женщина сѣменемъ. Возвращаясь къ Додолѣ, нельзя не замѣтить, что предположенное нами ея тождество съ землею можетъ не безъ основаній быть заподозрѣно; но сходство съ землею безъ сомнѣнія есть.

Обсыпанье. Въ Далмаціи мѣсто Додолы, дѣвицы, занимаетъ молодой и неженатый парень, котораго зовутъ прпац; товарищей его называютъ прпоруше (мн. ч.). Трудно сказать навѣрное, какъ древня эта замѣна женщинъ мужчинами, и связана ли она съ перемѣною представленій о посылающемъ дождь божествѣ. Самый обрядъ не отличается ничѣмъ существеннымъ отъ приведеннаго выше: также одѣваютъ «коловођу» зеленью, обливаютъ его и поютъ о плодородіи женъ и полей: «Прпоруше ходиле, Терем бога молиле, Да нам даде кишицу, Да нам роди година, И шеница бјелица, И винова лозица, И невјеста ђетића До

првога божиħа». Женскій родъ слова прпоруша говоритъ въ пользу большей древности Додолы. Дѣвицы могли быть устранены вліяніемъ христіанства. Самое слово прпоруша, не смотря на свою близость къ Ново-греческому πυρπηρούνα, можетъ быть объяснено средствами Славянскаго языка. Какъ лптье переходитъ къ сыпанью и самое сыпать употребляется въ значеніи лить (въ Млр. Срб.), такъ прахъ въ Чеш. prch, prš — дождь, pršeti — дождить, Рус. прыскать и брызгать, относится къ литью же. Общее между пылью и дождемъ — ихъ мелкость, что видно изъ Млр. дрибен дощ, Чеш. drobný dešt', sitno pršeti, Срб. ситна киша. Но въ словахъ прах и prch *х* есть суффиксъ; слѣдовательно Срб. прпор = прпа, зола смѣшанная съ водою и просто песокъ, могутъ намъ представляться такими-же удвоеніями корня пра — пръ, какъ Чеш. plapolati и Ст.-Сл. гла-гол-ати — корней пла, гла (ср. пла-мя, гла-съ). Соотвѣтствующее, по формѣ, слову прпор — прпоруша, можетъ значить обливаемая, обсыпаемая.

Дѣйствительно, сыпанье, по символич. значенію, вполнѣ соотвѣтствуетъ обливанью. Когда наканунѣ свадьбы мать невѣсты обсыпаетъ будущаго своего зятя зерномъ, передъ тѣмъ, какъ онъ войдетъ въ избу, то дружки поютъ: «Ой сипъ, матінко, овесець, Щобъ нашъ овесець рясенъ бувъ, Щобъ наш Юрасько красенъ бувъ; Ой сипъ, матінко, пшеничку, Шобъ наша пшеничка рясна була, Шобъ наша Маруся красна була» (Метл. 192). Оставляя въ сторонѣ соотвѣтствіе между рясенъ и красенъ и между овсомъ и женихомъ, пшеницею и

невѣстою, мы обратимъ вниманіе только на то, что обсыпанье имѣетъ здѣсь двойное назначеніе: чтобы хлѣбъ родился колосистый и чтобъ сохранялась красота (и здоровье) молодыхъ. Та-же двойственность значенія соединена съ посыпаньемъ на Новый годъ, какъ это видно изъ Рождественскихъ и Новогоднихъ пѣсень. Каша, по основному понятію, которое сохранилось въ названіи мелкихъ дѣтей кашею и въ выраженіяхъ, какъ Чеш. «na kaši rozbiti», значитъ растертое на мелко зерно (см. ниже: касать — драть, рвать, а дѣлать крупу — драть, рвать, какъ видно изъ словъ: круподерня, крупорушня). Черезъ понятіе мелкости, она роднится съ сыпаньемъ, а чрезъ это — съ изобиліемъ и плодородіемъ. Въ Сербіи варятъ кашу (варица) изъ разнаго зерна наканунѣ Варвары Великомученицы (подъ 4 декабря), и смотря потому, какою корой она покроется, предполагаютъ, что она сулитъ на слѣдующій годъ урожай, богатство или смерть. Въ Бокѣ этою варицей посыпаютъ воду, говоря: «Добро јутро, ладна водо! ми тебе варице, а ти нама водице и јарице, јањице и мушке главице и сваке срећице». Воротившись отъ воды, посыпаютъ варицею по избѣ, говоря: «оволико људи, волова, бродова, коња, улишта, пила, коша, де се плоди плод и род». Потомъ посыпаютъ ею ульи, отгоняя отъ пчелъ урокъ (Срп. Рјечн., подъ «варица»). Кутья наканунѣ Рождества, обычай не только общеславянскій, но и Германскій (Grim. März. III, 183 — 4), есть остатокъ жертвы, имѣвшей отношеніе къ плодородію женъ и полей; Курское названіе втораго дня Рождества — бабьи кáши очень подходитъ къ

извѣстіямъ о томъ, что «бабы каши варятъ Рожаницамъ» и вообще о «трапезахъ котѣйныхъ» Роду и Роженицамъ (Срезн. Роженицы у Слав. и пр. Арх. Калач. кн. II, пол. I). Прибавимъ, что такія трапезы, вѣроятно, ставились не только Роду, но и отцу. Теперь въ Малороссіи, замужняя дочь, когда родится у нея дитя, посылаетъ своему отцу «узваръ» (З. о Ю. Р. II, 24); на богатый вечеръ дѣти носятъ крестному отцу вечерю, въ которую непремѣнно входитъ кутя и узваръ. Замѣтимъ также, что есть Слав. сказки, очень близкія къ Нѣмецк., о чудесномъ горшкѣ, который варитъ каши столько, сколько нужно, и который, если не остановить его, зальетъ кашею домъ, улицу, село; — къ подобной же Индійской о горшкѣ, куда положить зерно рису, и будетъ ѣды въ волю (Grim. März. II, 90). Сродство пон. множества съ сыпаньемъ — литьемъ выразилось между прочимъ въ двухъ сл.: бурунъ (Арх. и др.), множество чего-нибудь, отъ бурить, лить, откуда буря, собств. дождь проливной, и Срб. буре, ведро; кишѣть, напр. о муравьяхъ, которые, какъ увидимъ, сродны съ богатствомъ, тождественное по происхожденію киснуть, мокнуть, и Срб. киша, дождь.

Туча можетъ имѣть не только благотворное, но и пагубное дѣйствіе на землю, хотя непохожее на то, какое оказываютъ облака — корабли Германцевъ, забирающіе въ себя жатву съ полей. Мнѣ неизвѣстны никакіе слѣды сближенія облаковъ съ кораблями, а что до вреднаго значенія облаковъ, то есть Лужицкое повѣрье, что если дождь идетъ, когда молодые ѣдутъ къ вѣнцу, то невѣстѣ прійдется много плакать замужемъ,

а если тогда, когда ѣдутъ изъ церкви, то молодая будетъ жить въ счастьи и довольствѣ (Haupt. II, 258). Въ этомъ повѣрьи, дождь, какъ начало оплодотворяющее, противополагается дождю же, принимаемому въ смыслѣ слезъ, горя.

Разливанье, разсыпанье. Сюда-же относится, по видимому, разливанье воды и разсыпанье въ собственномъ смыслѣ, какъ символы потери, разлуки, печали: «Ой пий, мати, тую воду, що я наносила; Люби, мати, того зятя, що я полюбила. — Ой не буду води пити, буду розливати; Нелюбого зятя маю, буду розлучати». (Метл. 72); «Не розливай, мати, води, бо важко носити; Не розлучай мене зъ милимъ: не тобі з нимъ жити» (ibid. 73). Такое-же значеніе имѣетъ разсыпанье: «Було въ мене три орішки, та всі роскотились; Було в мене три женихи, та всі поженились», слѣдовательно оставили ее; «Стрішки (?) — орішки котяться (= разсыпаются); Чого-сь наші бояре смутяться» (ibid. 191); «Oj bryznuły zstriszkie — woriszke po stoli, Oj zajrżały woroni konyke na podwiru; Oj ne daj mene, mij bateńku, wid sebe; Szczem ne schodyła rutiancho winoczka w tebe» (Ž. P. I, 119). «Брызнули», разсыпались, соотвѣтствуетъ предстоящей для новобрачной разлукѣ съ отеческимъ домомъ. Жемчугъ — символъ слезъ; потому «сыпахуть ми. . . великый жемчюгъ на лоно» (Сл. о Пьл. Иг.) слѣдуетъ, кажется, понимать въ смыслѣ разсыпанья, какъ въ слѣдующемъ: «Ты разсыпся, крупенъ жемчугъ, По атласу, по бархату, Что по той парчѣ на золотѣ! Какъ расплачется свѣтъ Прасковья душа» и пр. (Ск. Рус. Нар. I,

3, 198). Въ Сербскомъ причитаньи за мертвымъ тотъ-же мотивъ, только выраженный весьма темно, соединяется съ другимъ, именно — собиранье́мъ разсыпаннаго: «Просуо се бисер по грохоту, Ма се саже Јокичина мајка (мать умершаго), Јадна мајка и тамна љубовца, Да покупе бисер по грохоту; Из грохота удари ихъ змија, која им је очи извадила» (Ковч. 105). Вообще собиранье разсыпаннаго — трудное дѣло и символъ горя. Такое значеніе горя имѣютъ и овцы, когда онѣ не «роятся» и не собираются въ стадо (совокупность согнанныхъ въ кучу животныхъ; ср. о-тара и Срб. ћерати), а равно и собиранье ихъ: «Роспустивъ вівчарь вивці та по крутій гірці; Мені-ж буде тяжко-важко, якъ ти пійдешъ відсиль. Ой розпустивъ вівці, тай не позбираю; Мені-ж буде тяжко-важко, Якъ тебе згадаю» (Метл. 108). Сказочный пріемъ, по которому собиранье разсыпаннаго маку, бисеру, какъ дѣло трудное для человѣка, поручается птицѣ, встрѣчается въ слѣдующей пѣснѣ: «Ой ходила дівчинонька по городу, Та сіяла дрібній макъ изъ приполу. «Ой якъ мині сей дрібній макъ позбірати? Ой якъ мéни та свекорка називати? Позбіраю дрібенъ мачокъ сивимъ голубцемъ; Назову я та свекорка ріднимъ панотцемъ» (Метл. 160). Какъ трудно собирать посѣянный макъ, такъ трудно назвать свекра роднымъ отцемъ.

Наконецъ, разливанье и разсыпанье (ср. на-прас-но) символы всего тратимаго попусту, нестоющаго, что̀ видно въ значеніи слюны. Слюна расточается, разсыпается, какъ деньги, которыя такъ-же ничтожны, какъ она, и такъ-же катятся, потому что круглы: «Твої гро-

ші, як та слива, А я дівка, як калина; Твої гроші розкотятся, ти не діждешъ посміяться». Брату невѣсты, когда онъ продаетъ сестру, поютъ: «Uczysia tarhowaty, Jak sestru spredawaty! Hrosz-słyna, sestra — myła Bratykowi swojomu» (Wójc. II, 124). Ср. Соу-и, тоу-нѥ и на-прас-но.

Облако. Возвращаемся къ облаку, о которомъ мы упоминали прежде, какъ о замѣнившемъ другое, неизвѣстное намъ слово мужескаго рода, имѣющее связь съ литьемъ и дождемъ. Облако (Срб. облак и Пол. obłok — муж. рода), по собственному значенію, сближается съ тканью, что видно между прочимъ изъ выраженій, какъ: «Бојна копља, као чарна гора, Све барјаци, као и облаци» (Срп. пјес. II, 313). Но облако — пары, дымъ, а потому тонкая ткань сравнивается съ дымомъ: «рубочокъ, якъ димъ тонесенькій». Ткань — символъ покрыванья; оттого въ Польшѣ, когда покрываютъ молодую («podczas oczepin»; Пол. oczepiny, cepiny, Крак. Маз., одного корня съ чепецъ и Млр. очипок), поютъ: «Przykryło się niebo obłokami, Przykryła się Marysia rąbkami» (Wójc. II, 77). Значеніе самого покрыванья можно видѣть изъ слѣдующей пѣсни, которую поютъ въ то время, какъ двѣ свахи надѣваютъ на новобрачную «намитку»: «Яжъ тебе, сестрице, напинаю, Щастьемъ здоровьемъ наділяю: Будь здорова, якъ вода, А богата, якъ земля, А пригожа, якъ рожа» (Метл. 208). Покровенье, слѣдовательно, символически изображаетъ здоровье, богатство и красоту. Та-же связь покровенія, изобилія и красоты выражается, если не ошибаюсь, въ слѣдую-

щемъ. Сравнивая слова: ряса (вѣроятно одежда вообще, какъ порты), Пол. rzęsa, ресница, Млр. ряска и Пол. rząsa, мелкое растеніе, покрывающее стоячую воду, мы находимъ въ нихъ, если не основное, то производное значеніе покровенія. Кашебская поговорка: «gęsti, jak rząsa» съ ряскою соединяетъ понятіе густоты, отъ коего могло произойти значеніе изобилія въ Млр. рясный, напр. «вишень рясно», т. е. дерево покрыто вишнями, и въ Пол. rzęsisty, напр. «Mój warkoczyku złocisty! Urósł żeś mi rzęsisty». Въ Чеш. řasa, складка платья, и въ řasno, бахрома, предполагающемъ Ст.-Сл. рѧсьно, откуда рѧсьнъ, обшитый бахрамою, въ Чеш. řasitý, řasný, řasnaty, богатый складками, видна мысль о связи платья и украшенія. Въ Чеш. řasna, украшеніе изъ драгоцѣнныхъ камней, въ Млр. выраженіяхъ «зрясыть (украсить) коровай, ельце», у Памвы Бер. въ переводѣ Слав. въ лѣпоту черезъ въ рясноту, — видно болѣе далекое отъ первоначальнаго значенія понятіе красоты. Особенно ясно соединеніе въ Млр. рясный значеній: покровенья, богатства и красоты въ словахъ, влагаемыхъ думою въ уста Хмельницкаго: «Якъ дасть Богъ, що прійде весна красна́, Буде вся наша голота рясна́» (Зап. о Ю. Р. I, 54). Здѣсь именно голь противополагается богатству вообще и покровенію въ особенности. Связью красоты и любви объясняется, почему Млр. ряска (водяное растеніе)—символъ любви, а отбиванье ряски отъ берега — утрата любви, расположенія: «Ой одбивае од берега щука-рыба ряску; Утеряла дівчинонька у козака ласку. А я ж тую дрібну ряску зберу у

запаску, А в-вечері козакові підійду підъ ласку» (Метл. 8).

Листья. Дерево покрывается листьями, какъ человѣкъ платьемъ: «Oj dubrowo, ta dubrowońko! ty dobroho pana mejesz, Szczo sia w odnym roku Troma barwy pryodiwajesz: Odna barwa zeleneńka — wsemu switu myleńka; Druha barwa żouteńka — wsemu switu sumneńka, Tretia barwa biłeńka — wsemu switu studeneńka» (Ž. P. I. 44). Пол. barwa, не только цвѣтъ, но и ливрея (такого цвѣта, какъ поле герба) и платье вообще, такъ что Памва Бер. Ст.-Сл. риза объясняетъ словомъ барва. Всему свѣту мила зеленая одежда дубровы, по связи съ весною, свѣтомъ и весельемъ. Зеленое платье дѣвицы имѣетъ отношеніе къ близкому ея выходу замужъ: «O mój Jasieńku kleinocie! Chodziłam przy tobie w złocie» — Oj teraz będziesz w zieleni: Pojdziesz-ci zamąż w jesieni» (Wójc. II. 316. Ср. Метл. 333). По этому покровеніе, какъ символъ брака, изображается и облакомъ, и зеленью листьевъ: «Przykryło się niebo obłokami, Przykryła się Marysia łąbkami. Okrył się jawor zielonym listeńkiem, Młoda Marysia bieluchnym czepeńkiem» (Wójc. II. 77). Сближеніе дѣвицы съ яворомъ — позднее, и въ Млр. пѣсняхъ символическое значеніе явора всегда соотвѣтствуетъ грамматическому роду этого слова, какъ и въ слѣдующихъ стихахъ Моравской пѣсни: «Široky list na javoře, Hezky synek pole oře, Oře, oře, a i seje, Hezke devča sobě vede» (Mor. Nar. P. 430.). Дерево развивается — NN женится, хотя странно, что покровеніе, если только оно лежитъ здѣсь въ основаніи, относится къ самому

молодому: «Не розвивайсь, сухій дубе; Завтра морозъ буде; Не женися, молодый козаче: завтра походъ буде! — Я морозу не боюся: таки розівьюся; Я походу не боюся: таки й оженюся» *. За тѣмъ, по обычному переходу отъ любви и брака къ битвѣ и смерти, развиваться — биться: «Ой на горі явіронько зелéно розвився; Козаченько з товаришемъ за дівчину бився».

На-оборотъ, опаданье листьевъ сравнивается съ разлукою: отношеніе къ развиванью то-же, что разливанья къ литью: «Ой піду я у садочокъ, ажъ листъ опадае; Порадь мене, подруженько: женихъ покидае! — Ой ти руто, ой ти мьято, ой ти зелененька! Не журися, дівчинонько, ще ти молоденька. Ой хочъ же вінъ опадае, та ще зелененький; Сей покине, — другій буде, козакъ молоденький». То-же въ Болг. пѣснѣ: «Янка прѣзъ горѫ минува, Прѣзъ горѫ прѣзъ крушёвенѫ, Съсъ крýшевъ листецъ свирѣше. Листецъ свири — говори: «Горо-ле, горо зелена, И ти, водо-ле студена! Чернѣй, горо, чернѣй, джянамъ, Двама да чернѣй ми: Ти за зеленъ листецъ, черно горо, И азъ за първо либе» (Безс. Болг. пѣсни. Врем. кн. 22. 82), т. е. чернѣй, печалься вдвойнѣ (двама), и за себя, потому что ронишь зеленый листъ, и за меня, потому что я потеряла перваго милаго.

---

* Морозъ сближается съ войною, потому что война наводить печаль, коей символъ морозъ. Такъ и въ Лужиц. пѣснѣ: «Runym tym polu je wulka zyma, Wo rjane hol.y je wulka wójna. Nech je ta zyma tak wulka, haćʼce, Pśecy so weselje kholičcy dźe. Nech je ta wójna tak wulka, haćʼce, Swojej so lubki nidʼ newostaju» (Haup. I, N 157).

Рой. Въ значеніи роя пчелъ находимъ то-же соединеніе понятій густоты, изобилія, красоты, покрыванья, какъ и въ р я с к а, р я с и т ь. Съ роемъ сравнивается многолюдство и вообще многочисленность чего бы ни было. Такъ, въ заговорѣ XVII в. на счастье въ торговлѣ, говорилось: «Какъ пчелы ярыя р о я т с я да слетаются, такъ бы къ тѣмъ торговымъ людямъ к у п ц ы с х о д и л и с ь». Это наговаривали на медъ и тѣмъ медомъ велѣли умываться (Альм. Комета. Забѣл. Сыскн. дѣла и пр.), подобно тому, какъ въ Польшѣ въ XVI ст. кропили кабакъ или лавку отваромъ муравейника, который — тоже символъ многолюдства, чтобы завлекались въ нихъ и р о и л и с ь покупщики. Лужицкая пословица относитъ сл. роиться къ имѣнію, богатству: «komuž žony mrěja, a konje steja, temu so kubło roji» (Пам. и обр. 287).

Рой — символъ молодого и поѣзжанъ. Въ Бѣлоруссіи, когда женихъ собирается съ боярами въ домъ отца невѣсты, поютъ: «Собрався р а ё ч а к ъ, Да уцёмны куточакъ, Хочець палецѣць на щирые бары, На жовтые цвѣты, На салодкіе мяды; Сабрався NN (женихъ) зъ с в а е й д р у ж и н о й, Хочець йонъ паѣхаць, Тесценьку звоевацъ, NN (невѣсту) къ сабѣ взяць» (Пант. 1853. № 5. Бѣлоруссія и пр Шпилев.). Въ Млр., когда заводятъ жениха за столъ и сажаютъ рядомъ съ невѣстою, поютъ: «Ой вився рій, вився, Та хотівъ полетіти На Юрасеву (имя жениха) сосну, А Юрасева сосна тонкая та високая, Тонка та кудрявая, На пчоли придалая» (Метл. 195). Можно думать, что рой здѣсь — символъ самого жениха, или по крайней мѣрѣ покрыванья невѣсты, что видно изъ слѣдующаго обычая. Когда на-

дѣнутъ «очипок» на молодую и прежнія ея подруги начнутъ пѣть: «Ой погано, Марусю, погано! Скинь чепець підъ столець» и пр.; то княгиня быстро срываетъ съ себя чепецъ и бросаетъ его подъ столъ, что повторяется до трехъ разъ. Но покрыванье молодой сравнивается съ роемъ, садящимся на дерево, а потому княгиня, показывая презрѣнье къ головному убору замужнихъ женщинъ, тѣмъ самимъ не хочетъ, чтобы садился рой: потому то, если отецъ или мать ея имѣютъ пчелъ, то просятъ, чтобъ не скидала чепца, не то — не будутъ садиться рои (Метл. 209). Что̀ до значенія красоты; то оно нѣсколько сомнительно. Оно основывается на соотвѣтствіи съ рясить и на сближеніи словъ роить и строить, при чемъ послѣднее принимается въ смыслѣ: готовиться. Готовиться и украшаться — понятія родственныя, какъ видно изъ Рус. рядиться, одѣваться, и нарядить отправить, снарядить — приготовить, напр. въ дорогу; — изъ обл. скрутиться, окрутить, покрутить, убрать невѣсту, Волог. скрута, головной уборъ невѣсты послѣ вѣнчанья и приданое ея, покрута (уборъ) — синонимъ покрасы, и Тамб. скручаться и др. — снаряжаться готовиться; Пол. stroić się, наряжаться, Млр. Зап. строиться — готовиться, какъ и въ слѣдующемъ: «Jak sia pczołońki rojat', Tak sia bojare strojat'; Jak pczoły na leszczynońku, Tak bojare na czużynońku (Żeg. P. I. 70. 86. 129).

Вить и вязать. Приступая къ замѣчаніямъ о символическомъ значеніи нити и ткани, предварительно разсмотримъ въ нѣсколькихъ словахъ тѣ представленія, которыя соединяются съ нитью и тканью. Нѣкоторыя

слова, означающія нить, заключаютъ въ себѣ понятіе витья, свиванья и переходятъ къ значенію ткани. Отъ одного корня съ сучить, сукать, крутить, — Хор. sukanc, нить, общеславянское сукно, Пол. suknia, Чеш. sukňe, платье, Пол. suka, треугольная, обыкновенно красная пелеринка Краковской свитки, Русс. Пол., Бол. сук-мана, въ которомъ вторая половина означаетъ шерсть. Отъ вить — свита, въ Мир. — только верхняя одежда, въ Хорут. (switice, гаће) — только нижняя, въ Срб. — извѣстное украшеніе одежды (clavus cæruleus aut ruber), а въ Хорват. и старинномъ Сербскомъ — одежда вообще; послѣднее значеніе безъ сомнѣнія древнѣе, чѣмъ всѣ частныя, подобно тому, какъ старинное порты, платье, древнѣе теперешняго портки, Пол. portki. Ни въ сл. сукно, ни въ свита нѣтъ ничего, что-бы приурочивало ихъ къ одной только ткани; они могли бы означать и нить и, вѣроятно, означали. При с-ви-та находимъ с-ви-ла, которое въ Срб. — шелкъ, въ Хорут. — проволока, слѣдовательно въ старину — нить. Свила можетъ относиться къ ткани, какъ обл. Вър. скрута, головный уборъ невѣсты, могло бы — къ нити. Самое нить, имѣющее теперь одно значеніе, переходило и къ ткани, судя по Арх. разнититься, раздѣться, если только слово это не значитъ собственно раздѣться до нитки. Такое тождество нити съ тканью объясняется очень естественнымъ сближеніемъ витья съ плетеньемъ и тканьемъ, которое, принимаемое въ собственномъ смыслѣ, позже плетенья. Плетенье предполагаетъ гибкость матеріала, почему однимъ корнемъ, переходящимъ къ плетенью, означались разнородные гибкіе предметы: при

вить стоять: Вят. витвина, стебли корнеплодныхъ растеній, вица, вичка, прутъ, розга (во мн. губ.) вѣтвь, потомъ чрезъ понятіе плетенья — вѣнъ (ср. Арх. Костр. витень, плеть) и Орл. повѣть, лѣтнее жилье, построенное изъ плетня; одного корня съ нить — Арх. нетина, то-же что витвина, а можетъ быть и Пол. nać, то-же. Отъ корня си — сило, конскій волосъ, изъ котораго скручиваютъ поводокъ удочки (Перм.), Ст.-Сл. ситнѥ, Пол. sitowie, ситникъ, болотное растеніе, а черезъ вязанье и плетенье — силосилокъ, си-то, рѣшето, и сѣть, которое Паива Бер. объясняетъ черезъ сило. Какъ Срб. влас — извѣстная порода льна, что не чуждо и Русс. языку и предполагается областнымъ (Влад. Костр.) волоха, рубаха, такъ, наоборотъ, ленъ можетъ значить шерсть, какъ видно изъ Хорут. linitise, Срб. лињатисе, терять шерсть, волоса *. Какъ жила переходитъ къ значенію веревки, откуда Срб. жилити, вязать извѣстнымъ образомъ, такъ наоборотъ отъ свила, нить, — Яросл. свилёватый, жилистый, а отъ значенія нити, веревки, предполагаемаго въ словѣ ленъ, въ Камч. это слово переходитъ къ значенію жилъ, идущихъ по обѣ стороны шейныхъ позвонковъ. Усиленный корень сл. ленъ, Ст.-Сл. льнъ, образуетъ съ суф. с (ср. часъ, гласъ) слова: лѣса́, плетенный шнурокъ уды, Серб. љеса, Кур. лѣска, плетенка изъ прутьевъ, Млр. лиса, плетень. Вязанье переходитъ къ значенію не только свя-

---

* Русс. линять, кромѣ этого, значить и терять цвѣтъ, по связи линянья животныхъ и перемѣны цвѣта ихъ шерсти.

занной, скрученной или вяжущей веревки, но и узла. Одного корня съ вязать — Влр. вясло, Млр. перевьясло, скрученная изъ соломы веревка, которою вяжутъ снопы, Твр. вязло, сумка съ извѣстнымъ снадобьемъ, навязываемая ца шею передовой коровы, для предохраненія стада отъ звѣрей (слѣдовательно науза), и узелъ, собств. вяжущее, г-ужъ (ср. г-усеница), петля у хомута, которою прикрѣпляется дуга къ оглоблѣ, а въ областныхъ говорахъ (Арх., Новг.) — петля, замѣняющая уключину. Узда — слово несложное изъ възъ и дѣти, какъ полагалъ Миклошичъ, а простое, со звуками *зд*, ставшими на мѣсто кореннаго *д*, какъ въ гнѣздо; оно близко къ Пол. wędzidło, Чеш. udidlo, удило, и къ слову węda, уда, которое можетъ относиться собственно не ко крючку, а къ лѣсѣ. Близость корня ѫд къ вѧз показываетъ, что узда — веревка или узелъ, петля. Пол. powróz, Млр. поворозокъ, Серб. повразити и другія того-же корня, съ основнымъ понятіемъ вязанья переходятъ къ плетенью въ Русс. верзти, откуда Арх. верзни, лапти, и къ узлу въ Серб. врж, узелъ на деревѣ, сукъ. Перм. ничей, ничейка, петля у мережи, по всей вѣроятности одного корня съ нить. Такимъ-же образомъ путо значило прежде веревку, какъ видно изъ Яросл. опутина, нити, привязываемыя къ верхнимъ угламъ и серединѣ бумажнаго змѣя. Нити эти зовутся еще путлями, а путля, по формѣ, соотвѣтствуетъ слову петля, гдѣ *е* изъ ѧ. Языкъ распространяетъ завязыванье и на замыканье, сохраняя тѣмъ память о старинной простотѣ быта. Одного корня со Ст.-Сл. врѣти, заключать,

замыкать, — слова, означающія веревку, плетенье, ткань; вервь, Камч. пóворъ, родъ веревки, обора, веревка вообще (Костр.) и шнурокъ, которымъ привязывается лапоть къ ногѣ, свора, равное по основному значенію своему уменьшительному шворка; Пол. wór, Русс. ворохъ могли произойти отъ понятія заключать, но Ст.-Сл. врѣтище, власяница, ст.-Чеш. vrece, cilicium, vestimentum ex pilis caprarum (Вацер.) — скорѣе отъ плетенья. Замокъ, замыкать предполагаетъ значеніе завязывать, сохраненное въ смычь (свора), Серб. замицати, закинуть веревку, напр. на шею волу, Срб. замка, живая петля, въ Чеш. smečka, лента, петля, узелъ, по первому значенію, соотвѣтствующемъ Польскому ws-tęga, Чеш. s-tužka и пр. при Чеш. s-tužiti стягивать. Изъ всего сказаннаго можно заключать, что гибкость, витье, плетенье, вязанье и замыканье должны имѣть сходныя символическія значенія.

Тонкое дерево. Малое представлялось народу молодымъ и красивымъ *; тонкость, извѣстный видъ малости, а потому и она переходитъ къ значенію красоты, что выразилось въ обычныхъ выраженіяхъ Болгарскихъ

---

* Какъ мелкій отъ одного корня съ молоть, а названія крошки, малости имѣютъ при себѣ глаголы со значеніемъ измельчать, напр. Срб. трина — тереть, Олон. сýрушка — рушать, напр. крупу, кроха - крушить, крошить, нарѣч. трóха, трóхе, трóхы — трощить, ломать на мелкіе части и расточать; такъ и слова малъ, милъ, будучи видоизмѣненіями того корня, что въ млѣти, имѣли вѣроятно одно общее значеніе разбитаго, размолотаго, мягкаго, потомъ малаго. Отъ этихъ значеній сл. милъ перешло къ красотѣ, любви и состраданію, горю. Молить, собств. растирать, потомъ умягчать, умилостивлять, относится

пѣсень, гдѣ тонкій значитъ прямо прекрасный: «тънка пушка, сабя»; красота женщины обозначается ея стройностью: «тънка снага» (совокупность всѣхъ членовъ, Пол. postać): «либе . . , на снагѫ тенко - високо». (Безс. Болг. п. Врем. кн. 22, стр. 51, 71 и др.); по этому причина, по коей стебель, вѣтка, дерево служатъ символами дѣвицы — ихъ тонкость и гибкость, принимаемыя въ смыслѣ красоты. Въ Млр. пѣснѣ тополь, въ которую обращена невѣстка злою свекровью — «Тонка та висока, та листёмъ широка; Безъ вітроньку мае (качается), безъ сонечка сяе» (Метл. 286.). Сербская красавица — «танка је како и шибљика, а висока, како оморика» т. е. сосна (Срп. пјес. III. 267.). Ель, любимый въ Серб. пѣсняхъ образъ красоты, обыкновенно — «танковрха», «танка - поносита» или «вита јела». Согласно съ послѣднимъ эпитетомъ, принимаемомъ въ смыслѣ гибкости, самое сл. ель сближается съ витьемъ, такъ что Млр. свадебное деревцо, символъ невѣсты, вільце, имѣетъ и другую форму: ельце. При хвоя, Пол. choina, есть глаголъ chwiać się, шататься (въ Азбуковникѣ хвѣюся, волнуюся,

---

къ тому-же корню (Безс. Врем. 22. 111 — 112). На этомъ основаніи риѳмуются въ Млр. пѣснѣ слова млинъ, мельница, мелющая, милъ, и сближаются понятія — молоть и вызывать умоляя: «Закотилось сонечко за новенькій млинъ; Цілуються, милуються а хто кому милъ» (Метл. 317); «Ой млинъ меле, Ой млинъ меле не колесомъ, листомъ (?); Викликае козакъ дівку не голосомъ, свистомъ: Вийди, вийди, дівчинонько, моя не чужая! Війди, війди, дівчинонько, потіхо ти моя» (ibid. 116.). По связи просить и спрашивать, сближаются молоть и пытать (ср. Ž. P. 11. 199.).

влаюся). Въ Тамб. губ. хвоя, вершины или вѣтви срубленныхъ деревъ всякаго рода; слово «срубленныхъ» не имѣетъ основанія въ собствен. значеніи хвои, но значеніе вершины объясняется тѣмъ, что верхъ — самая гибкая часть дерева, почему и сравнивается съ дѣвицей — дочерью: «Стой, яблонка, вѣкъ безъ верха; Живи, моя матушка, вѣкъ безъ меня» (Ск. Рус. Нар. I. 3, 149); «Стой, рябина, безъ верху; Живи, батюшка, безъ дочери» (Гул. Оч. Ю. С. 6, 43). Серб. лоза имѣетъ такой-же эпитетъ, какъ и ель: вита лоза, что выражается однимъ словомъ павит, павитина, дикая виноградная лоза: по этому и лоза, виноградная ли, какъ въ Серб. пѣсняхъ, или верболозъ, какъ въ Малорусскихъ, есть символъ женщины.

Нить. Вѣтвь роднится съ нитью общимъ той и другой свойствомъ гибкости: Срб. жица, област. жичка, нитка, и Рязан. жичика, хлыстъ, прутъ, розга, жичить, бить, сѣчь, Тамб. жикать, стегать кнутомъ или прутомъ; Новг. с-трощать, ссучивать, Пенз. выстрастить, ссучить, сродно съ трость (ср. Серб. «танак као трст») и Чеш. trestati, наказывать, т. е., вѣроятно, первоначально — бить. Потому гибкость слѣдуетъ считать причиною сближенія нити, ткани и женщины, дѣвицы: «Што се оно у планини сјаше? Је ли свила међу свиларима? Али злато међу златарима? Али свита међу терзијама? Али маре Међу ђеверима?» и дальше (Срп. пјес. I. 37); «Бијела свила по мору плила. Бијела свило, не поквасисе! Лијепа маре, не омрази се» (ibid.). Можно думать, что въ слѣдующей Петровочной пѣснѣ бѣлая пряжа — символъ самой дѣ-

вицы, которая ее бѣлитъ. Пряжа раздѣляетъ участь самой дѣвицы: она тонка и бѣла, если та выйдетъ за милаго и будетъ любима; толста и не бѣла въ противномъ случаѣ: «Ой горе, горе, сухий дубе! Паше полобня черезъ води, Ой черезъ води на слободп, Де Катерина біль білила, Зъ тонкою більлю говорила: «Ой беле-жъ моя тонка біла! Якъ я тебе убілила! Ой якъ я піду за милого, Тоя тебе, беле, въ шовку потчу, То я тебе, беле, въ будень зношу». Затѣмъ повторяются первые четыре стиха и слѣдуетъ: «Зъ Товстою більлю ґоворила: «Беле-жъ моя товста не біла! Ой якъ я піду за нелюба, То я тебе, беле, въ чернітъ потчу, То я тебе, беле, въ свято зношу». Чернитъ — черная шерстяная пряжа и плахта изъ нея. Подобный же мотивъ составляетъ содержаніе Сербской пѣсни, но тамъ неудобно сближеніе, потому что дѣвица не бѣлитъ пряжу, не прядетъ нити, а плететъ гайтанъ (сущ. муж. р.), шнурокъ, и думаетъ, кому онъ достанется (Срп. пjесм. I. 291). Отсюда понятно, отчего вѣдьмы подкатываются подъ ноги прохожихъ именно клубкомъ нитокъ, а изъ разсказа, приводимаго Караджичемъ, какъ бѣлый конь, бывшій марою (Срб. мора, Чеш. mŭra, Млр. мара́, привидѣніе вообще, Пол. zmora), въ видѣ клока бѣлой шерсти, давилъ спящаго человѣка, можно догадываться, что и женщины-моры превращались въ клокъ шерсти или льна.

Какъ вообще мысль переходитъ отъ красоты къ любви, такъ и свиванье, символъ этой послѣдней. Какъ пара любовниковъ представляется свившеюся виноградною лозою (Срп. пjесм. I. 401,402), такъ и растенія,

выросшіи на гробѣ любовниковъ, вьются одно около другаго: «Више драгог зелен бор израсте, А виш' драге румена ружица, Па се вије ружа око бора, Као свила око ките смиља» (Срп. пјес. I. 240). Въ другомъ мѣстѣ прибавлено, что ихъ обвиваетъ чемерица — горе: «Из Омера зелен бор никао, Из Мериме зелена борика; Борика се око бора вила, Кано свила око ките смиља, Чемерика око обадвога» (ibid. 259). Такъ и невѣста, по отношенію къ жениху, сравнивается съ нитью, которая навивается на валекъ (die Spule): «Одви се Маре од рода, Каконо чела од роја; Приви се Петру делији, Каконо свила к јумаку» (ibid. 34). Паутина — тоже нить*, и потому имѣетъ въ Млр. пѣснѣ то-же значеніе, какъ свила въ Сербскихъ: «Ой бі-

* Въ Пермской губерніи тенето, паутина. Паукъ прядетъ, снуетъ, и на этомъ послѣднемъ основаніи самое названіе его можно сблизить съ областнымъ па́утъ и пау́тъ, оводъ, слѣпень (ср. *т* въ паутина); летанье насѣкомыхъ и птицъ сравнивается съ витьемъ иснованьемъ, что доказывается сл. мотыль, отъ мотать, сновать, и тѣмъ что ласточка названа въ Влр. и Млр. загадкѣ: «шило-мотовило». Въ Сербской загадкѣ ласточка: «спријед шило, страга вило (хвостъ, ср. хвостъ — хвостать и хлестать, что предполагаетъ гибкость), оздол хартија, озгор мантија»; но пчела: «мотовило-вило по гори се вило, кући долазило, соли не лизало». Нельзя ли па въ сл. паукъ считать предлогомъ, а — ѫк, на основаніи *т* въ паутина, считать родственнымъ съ ѫда и понятіемъ вязанья, или на основаніи сродства *с* съ *к* (десять и δέκα) — съ ѫс — wąs, которое отъ шерсти и волосъ (Енисейск. усъ, шерсть, Чеш. wausy, борода, усеница — гусеница, волосатый червь) переходитъ къ кожѣ (усниѥ, Чеш. usní, usnař. Ср. Камч. укенчина, плохая оленья кожа безъ шерсти) и ткани (Костр. усло, часть тканья, Млр. у́сы, извѣстн. украшенія верхняго платья, какъ Срб. свита)?

лая паутина по тину повилась; Марусечка зъ Ивашечкомъ понялась, понялась. Яки руки, таки ноги, така й голова: Изійшлися, обнялися, люба й розмова» (Петровочная). Въ слѣдующихъ стихахъ къ свиванью — любви прибавляется новое значеніе привычки, которая впрочемъ, по поговоркѣ «стерпится — слюбится», представляется любовью (Арх. свыка — привязанность къ чему): «Не свивайся, не свивайся трава со былинкой; Не лестися, не лестися голубь со голубкой, Не свыкайся, не свыкайся молодецъ съ дѣвицей» (Ск. Рус. Нар. I. 3. 137); «Какъ не бѣлая березанька со липой свивалась, Какъ въ пятнадцать лѣтъ дѣвица съ молодцемъ свыкалась» (Гул. Оч. Ю. С. 107). Такъ какъ ленъ — волосъ, кудри сближаются въ языкѣ съ куделью, и выраженіе «прядь кудрей» вполнѣ народно, потому что Твр. прядка — волокно льна, Арх. прядено — конопля для пряжи, и такъ-какъ витье соединяется съ понятіемъ кудрей, откуда Серб. витица, локонъ; то и волоса имѣютъ то-же значеніе, какъ нить и былинка: «Прилегайте кудри черныя Къ моему лицу бѣлому, Къ моему лицу румяному; Привыкай, душа Машенька, Привыкай, свѣтъ — Ефимовна, Къ моему уму — разуму, Ко нраву молодецкому, Ко обычаю княженецкому» (Ск. Рус. Нар. I. 3. 108).

Отъ любви и брака мысль переходитъ къ другому «суду Божію», битвѣ и смерти: «Ой у городі у Отобурі Да дві квітки вьеться: Що підъ городомъ Отобуромъ Тамъ Овраменко бьеться. Ой у городі у Отобурі да дві квітки звито; А підъ городомъ, підъ Отобуромъ Тамъ Овраменка убито» (Млр. и Черв. Думы

52). Хмѣль, какъ вьющееся растеніе, — очень обыкновенный символъ любви и, какъ показываетъ грамматическій родъ слова и крѣпость хмѣлю, — симв. жениха, а не невѣсты. Въ Мазовецкой свадебной пѣснѣ поется: «Żebyś ty, chmielu, na tycki nie loz, Nierobił byś ty z panienek niewiost». Тоже въ Моравской: «O chmelu, chmelu, chmelu zeleny, Bez tebe žadneho vesele něni. Dyby's ty, chmelu, po plotach ně lez, Nenadělal bysi z panenek něvest; A že ty, chmelu, po plotach lezeš, Ně jednej paněnce věneček vezmeš» (Mor. nar. p. 300). Виться по тыну или «по тичині» — любить, какъ видно изъ приведеннаго выше мѣста о паутинѣ; за тѣмъ — биться: «Ой чи це той хміль, що по тину вьеться, Чи це той Нечай козакъ, що зъ Ляшками бьется? Годі тобі, хмелю, та по тину виться! Годі тобі, Нечай козакъ, изъ Ляшками биться» (Метл. 405).

Отъ витья — любви ведетъ свое начало завиванье кудрей, какъ символъ домашняго счастья и счастья вообще. Въ сговорной Влр. пѣснѣ женихъ чешетъ кудри и приговариваетъ: «Завивайтесь кудри! Ужъ какъ завтра васъ, кудри...Не самъ буду завивати; Завивати станетъ красна дѣвица». Мать его, услышавши это, говоритъ: «Какова еще рука у дѣвицы?...Либо завьются кудри, Либо не завьются черныя. Коли будетъ совѣтъ да любовь, Кудри сами станутъ завиваться; Коли будетъ кось да перекось, Не развивши станутъ развиваться...Завиваются...кудри Отъ веселья, отъ радости;...Развиваются ли черные Отъ печали отъ горести, Отъ тоски отъ кручинушки (Ск. Рус. Нар. I. 3. 107. 8). Въ пословицѣ: «вейся усокъ, завивайся усокъ:

будетъ мяса кусокъ» вейся можно сблизить съ радуйся. Въ Серб. пѣсняхъ золотая нить принимается за символъ счастья: «Одвила се златна жица од ведра неба, Савила се првиjенцу око клобука; То не била златна жица од ведра неба, Веħ то била добра среħа од мила Бога». Послѣдній стихъ замѣняется другимъ «Веħ то била снаха наша од добра рода», или «Веħ то била лепа Ружа од добра рода» (Срп. пjес. I. 38, 54, 57, 58), изъ коихъ можно заключить, что подъ золотою нитью понимается невѣста, дарованная Богомъ, и приносящая счастье. Но этого объясненія нельзя распространить на слѣдующій припѣвъ при заздравной чашѣ на свадьбѣ: «Пустиласе златна жица из рожанства луга, Савила се старом свату око клобука». Караджичъ замѣчаетъ, что «изъ рожанства луга», по словамъ тѣхъ людей, между которыми это поется, — изъ той рощи, гдѣ родился Христосъ, и значитъ «из мира», чтобъ свадьба мирно прошла. Подъ измѣненіями, отъ вліянія Христіанства, можно распознать въ этомъ объясненіи довольно явственныя языческія вѣрованія. Мы видѣли, что витье, а слѣдовательно и нить, относятся къ двумъ важнымъ моментамъ человѣческой жизни: браку и смерти, и сверхъ того имѣютъ значеніе счастья. Нить относится и къ несчастью: при Бѣлорусской пословицѣ о постоянной удачѣ («кали ведзецса (нитка), и на щепку прядзецся») стоитъ другая, о постоянной неудачѣ: «бѣда на бѣдзѣ — якъ па нитцѣ идзе» (Пам. и обр. 48. 176). Такое-же двойное значеніе имѣетъ паутина, потому что есть примѣта: если паукъ опустится на человѣка до полдня, то это знакъ счастья, если послѣ—

несчастья (ср. Лужиц. примѣту о дождѣ). И такъ, нить — судьба вообще. Изъ сближенія этого съ мѣстами Серб. пѣсень о нити изъ неба или изъ рощи, коей названіе напоминаетъ Рожаницъ, можно заключить, что нити эти ведутся миѳическими существами, завѣдывающими судьбою людей. Точно, Сербская сказка представляетъ «добру срећу» прекрасною дѣвицей, прядущею золотую нить, а что несчастье прядетъ, видно изъ пословицы: «несрећа танко преде», т. е. легко можетъ приключиться (можетъ быть къ нити судьбы относится и «гдѣ тонко, тамъ рвется»). Предполагая, что «Срећа» и «Несрећа» и Рожаницы вообще относятся къ Виламъ, можно думать, что понятіе витья соединялось съ словомъ Вила не только въ позднѣйшую, но и въ древнѣйшую эпоху, и что Ви-ла значитъ собственно не только вяжущая наузы, но и прядущая, именно — нить судьбы (Бусл. въ Арх. Калач. ч. I). Впрочемъ, виться, Срб. виjатися, значатъ и летать.

Путо, узда. Такъ-какъ конь и волъ довольно обыкновенные символы человѣка въ разныхъ положеніяхъ (Срп. посл. 283, 257, 140. Срп. пjес. 428 и мн. др.), а витье сродно съ вязаньемъ; то пута, налыгачи (ремни, привязываемые къ рогамъ воловъ), узда — символы любовныхъ связей: Ой на волики та налигачі, а на коники пута, Коли-бъ-же не ти, серддце дівчино, то не бувъ би я тута» (Метл. 56), т. е. какъ воловъ — налигачи а коней — пута, такъ меня удерживаетъ здѣсь любовь къ тебѣ. Опустить повода — потерять, оставить любимую прежде: «Jedzie Iasieńko, jedzie nadołny przez zieloną dąbrowę, Rozpuscił cugle, rozpuścił złote koni-

kowi na glowę: «Nie tak ći mi žal tych złotych cugli, com je rozpuscił; Bardziej cię, mnie žal, dziewczyno, com ciebie opuścił» (Wójc. I. 159. Cp. Morav. Narod. Pis. 245, съ важною впрочемъ перемѣною: «perečka» вм. «cugle»). Путо отъ любви переходитъ къ значенію брака: если дѣвица или холостой найдутъ нечаянно путо, то это признакъ скораго выхода замужъ или женидьбы (Пенз. губ.); свахи ходятъ сватать съ путомъ, какъ символомъ своего дѣла или залогомъ удачи. Отсюда, а можетъ быть непосредственно отъ сближенія понятій ловить, путать лошадь и любить, сватать дѣвушку, опутать значитъ въ Оренб., Новг. сватать. Соотвѣтственно этому, какъ Ворон. своэжаться, связаться, познакомиться, свести дружбу, такъ и запрягать — жениться, вѣнчаться: «Zaprzęgaj, Jaśieńku, cisawe koniczki».— Jakže ci zaprzęgać, kiedy się motają? Wielki žal dziewczynie, kied jej slub dają» (Wójc. I. 159.). Метанье лошадей сравнивается здѣсь съ сопротивленіемъ невѣсты, а въ слѣдующемъ — со сплетнями на невѣсту, которыя мѣшаютъ свадьбѣ: «Zapřahaj, mily Janičku, ty brane (w) koničky». — Kerak jich Zapřahat', Dy se mi motaju? Tebe, prošwarna dzěvucho, lude omuvaju» (Mor. Nar. P. 415.). Отъ любви—обычный переходъ къ счастью вообще, чтó видно изъ слѣдующаго мѣста: «Ой воли мої та половиі, Чомъ ви не орете? Ой літа-жъ мої та молодіи, Чому ви марно йдете? Ой коли-б же ми та запряжені, Ми бъ орали, не стояли; Ой колибъ же ми роскоши мали, Ми бъ марно не пропали» (Ластивка). Можно думать, что, подъ вліяніемъ мысли о связи запряганья съ бракомъ, сл. супругъ отъ знач. пары во-

ловъ (или лошадей) перешло къ значенію мужа и жены взятыхъ вмѣстѣ, потомъ — каждаго изъ нихъ (ср. тягло — пара воловъ, потомъ мужъ и жена). На то-же указываетъ, теперь не имѣющее нагляднаго значенія, Пенз. вязаться, ухаживать, сватать, напр. «молодецъ вяжется на дѣвицу». Извѣстно, что и родство, вытекающее изъ брака представляется въ собственномъ смыслѣ связывающимъ людей, что̀ видно изъ Ст.-Сл. ѫжика, Пол. powinowactwo, Чеш. powinowactwí, родство, а можетъ быть и изъ нетій, племянникъ. Впрочемъ, нельзя сказать покамѣсть, какъ именно представлялись витье и вязанье, принимаемыя за символъ родства. Можно думать, что изъ отношеній семейныхъ развилось и понятье объ обязательствѣ вообще, хотя доказать это разборомъ значенія словъ трудно. Вышеупомянутое Чеш. слово, при значеніи родства, имѣетъ и другое — powinowatý, обязанный. Но какъ въ близкихъ къ витью, веревкѣ, тканью — одеждѣ: Арх. покрутить, договорить работниковъ на промыслъ изъ части, пѝкрутъ, наемка людей для морскихъ промысловъ, потомъ — часть улова; такъ и въ обыкновенномъ обязать, обязанность, не видно ничего, кромѣ того, что они относятся къ вязанью.

Вязанье. Выше упомянуто сближеніе словъ свыкаться и свиваться; прибавимъ еще Моск. замычка, привычка, указывающее на близость витья, вязанья и замыканья. Трудно понимать это свыканье мужа и жены, невѣсты и жениха рядомъ взаимныхъ уступокъ. Въ самой пѣснѣ говорится, что невѣста привыкаетъ ко праву молодецкому, ко обычаю

княженецкому, т. е. припоравливается. На это указываетъ и сближеніе словъ покорный, поклонный и повинный: при тавтологическомъ выраженіи «покорный — поклонный», «покориться поклониться» могутъ быть поставлены равныя себѣ: «поклонная голова» и «повинная голова». Поклонъ — просьба, «прійти съ покорищемъ» — съ просьбою; оттого въ Влр. свадебной пѣснѣ прививанье нити къ стѣнѣ (ср. «паутина по тину повилась») приравнивается къ просьбѣ о прощеніи и сопровождающему ее поклону: «Шелкова ниточка къ стѣнкѣ льнетъ, Марьюшка батюшкѣ челомъ бьетъ: «Прости, батюшка, багаслави на Божій судъ пойтить» (Вѣст. Геогр. Об. 1855, IV.). Витье же — любовь, привычка. Этимъ мы не хотимъ сказать, что, при образованіи словъ повиновеніе, вина, выражающихъ, по словопроизводству, отношеніе предмета связаннаго къ свободному, подчиненнаго къ властвующему, имѣлось въ виду только отношеніе жены къ мужу или младшихъ членовъ семьи къ старшимъ: было много предметовъ полнѣе и очевиднѣе подчиненныхъ власти человѣка. Какъ бы ни было, власть и подчиненіе, съ одной стороны, и любовь, а черезъ нее и подарокъ, съ другой, выражались вязаньемъ.

Не говоря уже о томъ, что витье, какъ мы видѣли выше, символъ поклона, а поклонъ символъ подарка, откуда Срб. поклон, поклонити, подарокъ, подарить, укажемъ на связь вязанья — любви съ вязаньемъ — подаркомъ въ старинномъ Германскомъ обычаѣ дарить любовницамъ брелоки, которые навязывались на руку или надѣвались на шею (Grimm, Ueber Schenk. und Geb. Abh.

der Ak. zu Berl. 1848). Соотвѣтствіе Русскихъ гривенъ Нѣмецкимъ helseta, wörgeta заставляетъ думать, что Чеш. vazat, въ смыслѣ дарить, не заимствовано отъ Нѣмцевъ: «Oba kmotři powídali, co mu (своему крестнику) budú wazat' jeden a druhý. Sw. Petr powídal: «Co ja mu mám vázat'? ja mu budu vázat', aby se mu na zemi dobře vedlo, čeho-by si přal, aby měl». A Pan Bůh zase, že mu bude vazat', aby se mu po smrti dobře vedlo» (Pohad. a pow. národ. Morav. Sebr. Kulda. I. 178). Сущность обрученья у Славянъ состояла, по видимому, въ размѣнѣ подарковъ между женихомъ и невѣстою. На родъ этихъ подарковъ указываютъ слова: обручить, Млр. заручить и обручъ, Пол. obrączka, перстень. Срб. заручити дјевојку до сихъ поръ сохранило наглядное значеніе: подарить перстнемъ, надѣть перстень на руку невѣсты. Этому соотвѣтствуетъ Моск. выраженіе: платки давать, въ слѣдъ за сговоромъ, въ увѣреніе, что родители невѣсты не отопрутся отъ своего слова, посылать жениху платокъ, а роднѣ его подарки, и Малорусское: «вже-й хустки побрали», уже сговорены. Нѣм. форма eingebinde при angebinde, подарокъ — находитъ объясненіе и въ Млр. (можетъ быть общеславянскомъ) обычаѣ подъ весну завязывать дѣтямъ монету въ рубашку, чтобъ были при нихъ деньги въ то время, какъ въ первый разъ услышатъ кукованье зозули. Если не ошибаюсь, есть мѣста, гдѣ вмѣсто того, чтобъ класть серебряную монету въ башмакъ невѣсты, завязываютъ эту монету въ подолъ невѣстиной рубашки,

Слѣды витого золота Германцевъ есть и у насъ. По пѣснѣ, перстень, символъ жениха, вьется: «Межъ

ними (отцемъ и матерью, лежащими въ постели) вьется не златъ перстень; Павелушко — златъ перстень, Златъ перстенекъ да Ивановичъ» (Сел. свад. обр. въ Малм. у. Совр. 1857. I).

Если витье, вязанье, въ смыслѣ любви, выражаетъ взаимныя отношенія лицъ, то въ словахъ повинный — покорный можно видѣть переходъ вязанья къ выраженію отношеній лица дѣйствующаго къ страдательному, или — къ вещи. Кромѣ любви, запряганье, узда, возжи, налыгачи, ярмо имѣютъ значеніе нужды — неволи: «Ой на волики — воловідики, на коніченьки — узды; Коли-бъ не ти, серце дівчино, не знавъ би я нужди. Ой на волики, та налигачи, на коніченьки віжки; Коли бъ не ти, серце дівчино, не ходивъ би я пішки» (Ластивка. 352), т. е. былъ бы богатъ, не зналъ бы горя, которое постоянно ходитъ рядомъ съ нуждою (ср. «Ой не знавъ козакъ ні горя, ні нужди»). Близко къ этому слово бороздить, сдерживать на удилахъ (Дон.), которое значитъ также: мѣшать, препятствовать (Костр.). Отсюда же многія слова для бѣды и горя, съ основнымъ значеніемъ вязать, крутить: Чеш. swízel, веревка, а также трудъ, бѣдность; отъ крутить — кручина и Волог. сукрутина, круто свитая нитка, а также печаль, тоска, особенно отъ недостатковъ; отъ тѫг = таг — Рус. Срб. Чеш. туга, tuha, коего значеніе видно въ тавтологическомъ Срб. выраженіи: «туго и невољо»; при крѫп — кроп, рядомъ съ Новг. крёпать и Общерус. кропать, шить, вязать кое-какъ, Серб. крпити, ставить заплаты, латать, Пол. kurpie, лапти (основное предст. вязанья),

Чеш. krpě (ед. ч. ср. р.; мн. krpata), kropě, krüpě (ж. ед.), Срб. крпље (мн. ж.), родъ лыжъ или обуви для хожденія по снѣгу, рядомъ съ усиленною формою того-же корня въ Новг. крѣпальница, рукодѣльница, находимъ и Новг. Костр. кропота, забота; отъ клячъ, обрубокъ, Млр. цурка, цурупалокъ, т. е. палочка, которою скручиваютъ обвязанную вокругъ чего веревку, — Волог. склячить, связать, сжать, коего переносное значеніе (притѣснить) соотвѣтствуетъ такому-же значенію слова скрутить. Сердце сжимается отъ горя, и горе представляется въ Нѣмецкихъ сказкахъ желѣзнымъ обручемъ, который давитъ грудь человѣка печальнаго и разрывается, когда сердце растетъ отъ счастья (Grimm. Märch. I, 1 — 5; II. 3 — 6). Изъ сказаннаго ясно, почему считается дурною примѣтою, если на ниткѣ у шьющаго сами собою вяжутся узлы. Въ одной Моравской сказкѣ разбойникъ, который шьетъ себѣ сорочку, не зная, что вертепъ, гдѣ онъ сидитъ, уже окруженъ людьми, говоритъ другимъ: «ale, bratři mili, mně se zdá, že nas jakési neštestí očekává! Mně se na niti samé slučky (smečka, suk, uzel) dělají» (Poh. a p. N. Mor. Kuldy. 538).

Если вязанье въ этихъ словахъ можно объяснить изъ положенія связаннаго человѣка, то изъ связи вязанья и силы можно заключить, что сильный представлялся имѣющимъ возможность вязать. Сл. сила несомнѣнно одного корня съ силокъ и си-то; Пол. tęgi, равное по звукамъ Рус. тугой, но употребляемое въ смыслѣ человѣческой силы и удальства, родственно съ тянуть, стягъ, wstęga; Волог. вáрега, нить, веревка, Арх.

варежка, сила, мочь: «бѣжать во всю варежку»; Ряз. гасъ, силачъ, имѣетъ связь съ Новг., Вят., Спб. гасникъ, гашникъ, шнурокъ; отъ крутить—ст. Чеш. krutost', сила, krutý, ukrutný, Пол. okrutny, жестокій (ср. впроч. Срб. крут, толстый, и Русс. крутой, густой); крѣпкій близко по формѣ къ словамъ, означающимъ вязанье, плетенье, шитье. Чеш. křepký — не только сильный, но и быстрый, подобно тому, какъ Арх., Нов., Твер. крутой, скорый, ловкій, крутило, скорый, торопливый, ярый. Къ представленію силы витьемъ относится сходное съ библейскимъ Серб. выраженіе: «опасао се снагом», пришелъ въ силу; опоясыванье есть витье и вязанье, какъ видно изъ загадки о плетнѣ: «три брата за пани-брата однимъ кушакомъ подпоясаны» и о вѣникѣ, который «подпоясанъ коротенько» (Ск. Р. Н. I, 2. 101, 92). Основываясь на томъ, что и власть, какъ произведеніе силы, символически изображается вязаньемъ, думаемъ, что для объясненія отношеній словъ могу и владѣю къ понятію рости, заключенному въ ихъ корняхъ (Mikl. Rad. Скр. vṛdh и mah, рости), слѣдуетъ принять посредствующія понятія долготы и вязанья. По крайней мѣрѣ участіе понятія долготы очень вѣроятно: Ст.-Сл. оудолѣти, осилить, побѣдить, Пол. zdołać, быть въ силахъ сдѣлать что, podołać, справиться съ кѣмъ, относятся къ длить (объ отношеніи долготы къ понят. рвать см. ниже). Сильный укрощаетъ слабѣйшаго, т. е., быть можетъ, связывая, лишаетъ свободы; тождество сл. кроткій и короткій доказывается обл. укорачивать вм. укрощать: «Не я тебя (рой пчелъ) сажаю, сажаютъ

9

тебя бѣлыя звѣзды, рогоносый мѣсяцъ, красное солнышко, сажаютъ тебя и укорачиваютъ» (Ск. Р. Н. I, 1, 21). Плѣнъ-полонъ — не только добыча вообще, какъ можно судить по Пол. plon, Чеш. plen, spolia, exuviæ, но и добыча связанная, какъ видно изъ Ст.-Сл. плѣница, цѣпь, Влр. плéнка, плёнки (мн.), силокъ.

Спрашивается: исключительно ли отъ гривенъ и т. п. подарковъ пошла связь подарка вообще съ вязаньемъ? Чеш. vázané (род.-ého), т. е. вязанное, и болѣе отвлеченное по формѣ Пол. wiązanie, подарокъ, могутъ относиться и къ той вещи, которую навязываютъ, и къ самому принимающему подарки, котораго при этомъ связываютъ. По Нѣмецкому, Польскому и Чешскому обычаю, именинника вяжутъ (и даже тѣ, которые ему ничего не дарили); связанный долженъ выкупиться, и, слѣдовательно, является какъ-бы должникомъ вяжущихъ, ихъ собственностью, вещью, надъ которою власть выражена вязаньемъ. По видимому въ этомъ обычаѣ остались слѣды перехода понятій отъ дара къ мѣнѣ, а за-тѣмъ къ торговлѣ. Такой переходъ отмѣченъ и въ языкѣ. Памва Берында переводитъ сл. куплѣ (им. мн.) черезъ измѣны, т. е. мѣны, а мзды — черезъ гостинцѣ, т. е. подарки. Въ Пол. życzyć, Чеш. žičiti, einem gewogen sein, gewähren, wünschen, можно предположить, съ одной стороны, вязанье, основываясь на близости этихъ словъ къ Срб. жица, обл. Влр. жичка, нить, Ряз. жичика, жичинка, хлыстъ, прутъ, розга, Тамб. жикать, Срб. жицнути, стегать, -нуть, съ другой — значеніе дарить, потому что желаніе сопровождаетъ подарокъ. Въ Чеш., Пол. poži-

čiti, požyczyć, Мар. позичить слово это переходитъ къ значенію: брать и давать въ долгъ, въ чемъ можно видѣть смѣшеніе дара и займа. Пол. winien, долженъ, напр. деньги — отъ вить, и самое сл. долгъ одного происхожденія съ долгій, которое получаетъ значеніе веревки въ Чеш. dlaužec, родъ ремня (ср. также dlulák, змѣя); но и противоположное этимъ Твер. широмъ, даромъ, имѣетъ въ основаніи понятіе долготы (Mikl. Rad.).

До сихъ поръ въ Славянскихъ земляхъ покупщикъ не иначе, какъ съ извѣстными церемоніями, напр. не голою рукою, а черезъ полу принимаетъ отъ продавца веревку или обротъ, на коей приведена скотина. Передача веревки здѣсь необходима, потому что выражаетъ передачу власти надъ проданнымъ товаромъ. Такое значеніе упомянутаго обряда можетъ быть выведено изъ одной очень замѣчательной сказки, извѣстной всѣмъ почти Славянскимъ племенамъ и Нѣмцамъ (Grimm. März. I. № 68; Wójc. Klechdy, стр. 28; Kulda, Pohad. a pow. nár. Morav. I, 481; Срп. припов. 45; Малорусская сказка въ Малор. лит. сборн. Мордовц.).

Главныя черты этой сказки слѣдующія: Сынъ одного бѣдняка попадаетъ въ ученье къ человѣку, который оказывается колдуномъ, или чортомъ. Когда оканчивается срокъ ученья, то мастеръ не хочетъ отпускать своего ученика, но этотъ, выучившись уже всѣмъ премудростямъ, успѣваетъ перехитрить мастера, и возвращается къ отцу. Дома, чтобъ добыть денегъ, сынъ оборачивается сначала соколомъ, потомъ хортомъ, наконецъ конемъ (по Мар. ск.), и отецъ дорого продаетъ его.

Первые два раза отецъ, согласно съ наставленіемъ сына, не передаетъ покупщикамъ цѣпочки съ сокола и веревки съ борзой, но (по Срб. ск.) бросаетъ то и другое на землю, въ слѣдствіе чего товаръ не переходитъ во власть покупателя, и ускользаетъ отъ него. За третьимъ разомъ покупщикомъ является самъ мастеръ, добивается того, что отецъ, польстившись на барыши, передаетъ ему коня и съ уздою, и овладѣваетъ конемъ. Конецъ сказки сюда не относится.

И такъ, символъ продажи скота, лошадей и т. под. — вязанье; но скотъ, какъ уже замѣчено многими, получаетъ значеніе богатства вообще. Этому, кромѣ извѣстнаго сопоставленія Слав. скотъ съ Нѣм. schatz, можно найдти еще нѣсколько примѣровъ: Срб. стока, стада и товары; ст.-Рус. и Млр. товаръ, волъ и собир. волы (отъ ту, ты-ти, посредствомъ двойнаго усиленія; должно быть, скотъ вообще), Срб. товар, оселъ и вьюкъ, Рус., Пол., Чеш. — merces; наоборотъ, Срб. благо отъ богатства переходитъ къ скоту: ситно благо — козы и овцы, крупно благо — волы и коровы. Отсюдя ясно, какъ вязанье могло стать символомъ торговли вообще. Такое значеніе вязанья замѣчается, кромѣ Ст.-Сл. вѣнити, покупать, продавать, сроднаго съ вѣнъ и вити, еще въ нѣсколькихъ словахъ. Какъ въ сл. покрутъ уже отъ значенія наемки образовалось значеніе доли, участка, пая въ добычѣ, т. е. цѣны труда одной изъ договаривающихся сторонъ; такъ и знач. pretium въ сл. цѣна предполагаетъ зн. договора и торговли, на что указываютъ Срб. нар. цјене, ср. ст. цјењe, дешево, цјеноћа, дешевизна, и особенно

Срб. цјенькатисе, торговаться. Сродныя съ этими: Сарат. цѣны, пасмы въ ниткахъ, въ талькѣ, Тамб. цѣнка дорожка въ плетеньи лаптей, а можетъ и Ст.-Сл. цѣста, Чеш. cesta, дорога (если s относится здѣсь къ суфф.)* возводятъ сл. цѣна къ значенію вязанья. Сл. дорогой, принимаемое въ теперешнемъ смыслѣ, тоже предполагаетъ другое, болѣе древнее переносное значеніе, а что до собственнаго, то оно можетъ быть выведено изъ Арх. доро́га, веревка, Нижег. до́рогъ, до́рокъ, шелкъ, т. е. собственно нить (какъ Срб. свила), изъ Чеш. drh, узелъ и, наконецъ, изъ дорога, via. Торгъ можетъ быть сближено съ Чеш., Серб. трак, родъ веревки, ленты, Пол. troki, Рус. торока, а можетъ быть и въ Срб. траг, слѣдъ, потому что слѣдъ лежитъ въ основаніи дороги и сближается съ нею въ языкѣ. Сопоставленіе словъ: плата и платъ-портъ не будетъ слишкомъ смѣлымъ, потому что и портъ имѣетъ при себѣ Срб. пртина, слѣдъ на снѣгу, а въ основаніи — понятіе долготы (долгота и широта тождественны въ языкѣ) и, можетъ быть, вязанья.

Если предположимъ сходство посла и слуги въ томъ, что какъ тотъ, такъ и другой — человѣкъ связанный, повинующійся; то объяснится переносный смыслъ слова поручить (собственно повязать руки, судя по Ирк. поручья, запясться, браслеты), а также и значеніе слѣдующихъ сближеній вязанья, порученія и посольства: «Mý červený pantličky, na čiž já vás važu? Mám

---

* Дорога представляется веревкою, длинною тканью, чему доказательства представимъ ниже.

synečka daleko, po kem já mu zkážu» (Mor. nár. p. 289); «Červene pantličky, na co ja vas važu; Můj miły daleko, po kym ja mu zkažu» (ib. 416); «Jatelinko drobná, co's tak odrobněla? Ne možu tà nažat z rana do večera. Už sem ta nažala, do čeho t'a svážu? Švarný šohajičku, po kom na t'a zkážu? A zkážu já, zkážu po malém posličku...» (ib. 288); «Ой за яромъ брала дівка лёнъ *, Та забулась повьязати; Ой недалеко мій милий од мене, та нікимъ наказати. Ой повьяжу лёнъ хоть синёю ожиною; Ой накажу свойму милому хоть чужою чужиною. Ой синяя ожинонька вона лёну не повьяже; Ой чужая чужинонька вона правдоньки не скаже» (Метл. 60).

Ключъ и замокъ. Ключъ, слово родственное съ Астр. за-клевать, закрѣпить веревку (т. е. завязать), — такой-же символъ власти, какъ и веревка. Это особенно ясно въ упомянутой выше Срб. сказкѣ «Ђаво и његов шегртъ», гдѣ ключи отъ сундука съ краснымъ то-

---

* Выраженія «брала лёнъ» и «недалеко мій милий» поставлены рядомъ, какъ соотвѣтствующія одно другому, хотя этого и незамѣтно въ приведенныхъ стихахъ. Брать ленъ нужно непремѣнно съ милымъ, откуда бранье льна — близость любовниковъ другъ къ другу и самая любовь: «На гарѣ лёнъ Бѣлый кужель; Не съ кимъ стаци Лёнъ ирвацы. Свекаръ кажець: «Я съ табою, Съ малодою»! — Тожъ не рванъ, — Гараванъ». Точно также со свекровью, деверемъ, золовкою: не рваньe льну, а гореванье. Наконецъ «Милый кажець: «Я съ табою Зъ маладою!» Тожъ на рванѣ — Милаванъ» (Пам. и Обр. 237. Ср. Костом. Объ ист. зн. Рус. Н. Поэз. 42). По этому въ слѣдующемъ двустишіи бранье льну противополагается разлукѣ: «Ой за яромъ брала я лёнъ, всю долину зходила; Нема того, тай не буде, кого я вірно любила» (Метл. 61).

варомъ играютъ при продажѣ ту-же роль, что узда при продажѣ лошади. Въ Витебской губерніи когда поѣзжане молодаго подъѣзжаютъ къ дому невѣсты, то начинаются переговоры между ними и дружкою невѣсты. Этотъ послѣдній, на вопросъ, дома ли молодая, отвѣчаетъ такъ: «Наша княгиня маладая хадзила гуляць па лясамъ, па лугамъ, па синю морю-астравамъ, и чаво дагуляла? Златы ключи пацеряла. Таперь пошла ключовъ сачиць (искать). Такъ вотъ, пріяцили, вамъ приходзиться время прастаяць (т. е. передъ воротами)». На это дружка жениха возражаетъ: «Эта, пріяциль, твая сказка нашимъ дзяламъ ни павязка (не помѣха). Нашъ князь маладой, ни гулялъ, съѣздилъ въ городъ, шолку накуплядъ, съ шолку сяцей на вязалъ и въ синя моря пакидалъ; тамъ бялу щуку ёнъ паймалъ, щуки серца разрязалъ, златы ключи вынималъ. Ключи княгинины въ насъ». Дружка молодой отвѣчаетъ: «Ну такъ и княгиня будзя въ васъ» (Этн. Сб. II, 175). Ключи, знакъ власти дѣвицы надъ своимъ хозяйствомъ, приняты за символъ ея самой: у кого ея ключи, у того и она. Въ Влр. свадебной пѣснѣ невѣста забываетъ въ домѣ родительскомъ ключи, а вмѣстѣ съ ними — «волю батюшкину, нѣгу матушкину... свою русу косу» (Ск. Р. Н. I, 3, 192). Въ Нѣмецкой сказкѣ царевичъ, нашедши прежнюю свою невѣсту, приказываетъ сказать второй: «кто нашелъ старый ключъ, тому новаго не нужно» (Grimm. Märch. I, № 67). Подобнымъ образомъ въ Чеш сказкѣ царевна находитъ прежняго своего жениха, и на свадебномъ пиру сообщаетъ это гостямъ въ видѣ загадки: «былъ у меня зо-

лотой ключъ къ золотому замку; этотъ ключъ я потеряла и дала вмѣсто него сдѣлать серебряный; но когда мнѣ его уже сдѣлали, нашла я потерянный золотой ключъ. Скажите, который изъ нихъ мнѣ оставить при себѣ?» (Kulda. Poh. a pov. nár. Mor. I, 421; Grimm. Märch. №№ 97, 167). Ключъ — символъ власти надъ сердцемъ: «Ujel milé do Jevička, Wzal mně klíče vod srdyčka... Ujel za Slezský hranice, Vzal mně vod srdyčka klíče»; «Falešný šohaju, Jako falešný klíč, Ne odemkneš ty mně meho srdečka víc» (Mor. nár. p. 221). Ключемъ представляется власть надъ разсвѣтомъ и днемъ: «Dybych měla klíče o teho svítání, Ne dala bych svitat zétra do snídaní» (ibid. 293. Písn. sv. L. Slov. v Uhř. 1823. 51); «Ja dybych měl klíče, ty ode dňa bílého, Ne dal bych já svítati až do roku celého» (Mor. nár. p. 293). Ключи эти принадлежатъ зорѣ, какъ видно изъ слѣдующей прекрасной пѣсни: «Ой у степу край дороги Тамъ дівчина жито жала, Къ сирій землі припадала: «Зѐмле-жъ моя, мать сирая! Прийняла-жъ ти отця й неньку, Прийми й мене молоденьку, Щобъ я по людяхъ не ходила, Щобъ я людямъ не годила! Прийде празникъ — неділенька, Въ мене сорочка не біленька; Ой тимъ вона не біленька: Въ мене-жъ ненька нерідненька. Коли-бъ знала я відала (т. е. еслибъ могла, умѣла), То-бъ я въ зорі ключі взяла, И піченьки доточила, Изъ ненькою говорила», потому что ночь — время свиданія съ мертвыми. Въ загадкѣ: «заря — заряница, красная дѣвица къ церкви ходила, ключи обронила, мѣсяцъ увидѣлъ, солнце скрало» (Ск. Р. Н. I, 2, 100) ключами зори названа роса. Причинъ,

кромѣ одновременности развѣта и паденія росы, не видно; но то, что солнце скрадываетъ ключи, значитъ, что оно беретъ власть надъ свѣтомъ и днемъ.

Ключъ раздѣляетъ свое символическое значеніе съ замкомъ. Заключительныя выраженія заговоровъ, какъ напр. «замыкаю я васъ (слова) тридевятью замками, запираю я васъ тридевятью ключами» или «всѐ эти слова дó слова заключаю замкомъ крѣпкимъ и ключъ въ воду» (Гул. Оч. Южн. С. 47 — 50) относятся къ силѣ слова, что очевидно изъ слѣдующаго: «какъ у замковъ смычи крѣпки, такъ мои словеса мѣтки» (Ск. Рус. Нар. I, 2, 23). Какъ ключъ и замокъ замыкаютъ, такъ языкъ, губы и зубы заканчиваютъ молебную рѣчь, такъ что нѣтъ ей ни недоговору, недомолвки, ни переговору, лишняго и ненужнаго: «тѣмъ моимъ словамъ губы за зубы — замокъ, языкъ мой — ключъ» (Гул. 17. 51). Самое слово называется замкомъ, т. е. крѣпкимъ, какъ замокъ: «слово — замокъ, ключъ — языкъ (Ск. Рус. Нар. I. 2, 24).

Пустая, вздорная рѣчь сближается съ плетеньемъ: клев-ета, отъ корня клю, имѣющаго между прочимъ значеніе вязать (ср. ключъ и Астр. заклевать, закрѣпить веревку), въ Чеш. имѣетъ и смыслъ болтовни, напр. не слѣдуетъ вѣрить примѣтамъ, потому что это — «same babské klewety», подобно тому, какъ выдумки, новыя сказки, въ противоположность стариннымъ, называются въ Арх. губ. плетеницами; плести, Пол. pleść, говорить вяло, нелѣпо, ложно (отн. перваго ср. «говоритъ, какъ лапти плететъ»), откуда сплетня, Пол. plotka, Чеш. pletka, затяжная петля и сплет-

ня; Серб. петљати, застегивать, завязывать, латать, дурно шить, бѣдно жить и говорить вздоръ, откуда петљанац, петљарица, лгунъ, —ья, сплетникъ, —ица; путать — врать, Ворон., Тамб. путляться говорить вздоръ, Моск. путлякать, дурно вязать или шить; верзти, плесть, нести дичь, Смол. кавирзать, городить, путать, дурно писать *; «ко-клюшки плесть», говорить аллегорически, притчами, или говорить съ намѣреніемъ обмануть; Волог., Ряз. «бредки городить» имѣетъ при себѣ сл. бреднна, ива, и, вѣроятно, по связи гибкости и плетенья, бредень, бредникъ, неводъ; самое городить, врать, вѣроятно тоже отъ плетенья, по связи огорожи и плетня. Хотя во всѣхъ приведенныхъ словахъ вязанье, какъ символъ рѣчи, имѣетъ дурной смыслъ; но, зная, что вязать зн. колдовать (см. ниже) и что чародѣйское слово переходитъ обыкновенно ко лжи, можно предположить, что и такое слово имѣетъ символомъ вязанье — крѣпость.

Замокъ и узелъ, какъ символы силы слова, получаютъ значеніе запрещенья, уничтоженія порчи. Замыкаются силы, враждебныя заговаривающему: «А кто бы на меня и на нея подумалъ и замыслилъ (недоброе), у того человѣка ничего бы не послѣдовало, а заперло бы ключами и замками и восковыми печатями за-

---

* Ка — предл. = ко, къ; ср. Чеш. ka — dlub, сосудъ, выдолбленный изъ одного куска дерева, потомъ вообще сосудъ, откуда Пол. ka-dłub, туловище, какъ Сл. туловище отъ тулъ, колчанъ (сосудъ?); Оренб. Сар. ка-домить, ходить безъ дѣла изъ дому въ домъ; Смол. ка-спорка, подпорка и проч.

печатало» (Гул. Оч. Ю С. 50). Есть и обрядъ, соотвѣтствующій этому заговору. Для предохраненія лошадей отъ звѣря, берутъ висячій замокъ, замыкая и отмыкая его трижды обходятъ стадо, при чемъ наговариваютъ: «Замыкаю я (имя) симъ булатнымъ замкомъ сѣрымъ волкамъ уста отъ моего табуна». За третьимъ разомъ, замкнувъ замокъ, кладутъ его въ воротахъ, въ которыя выгоняютъ лошадей въ поле (Гул. ibid.). Такой-же смыслъ запрещенія имѣетъ и то, что знахарь, вырѣзавъ по-немногу шерсти со скота разныхъ мастей, завязываетъ ее въ узелъ, трижды обноситъ этотъ узелъ около стада и опускаетъ его въ воду до осени (Гул. ibid. 55—6). Еще яснѣе видно значеніе узловъ въ заговорѣ отъ оружія: «Завяжу я рабъ NN по пяти узловъ всякому стрѣльцу немирному — невѣрному на пищаляхъ, лукахъ и всякомъ ратномъ оружіи. Вы узлы... замкните всѣ пищали, опутайте всѣ луки, повяжите всѣ ратныя оружія» (Ск. Рус. Нар. I. 2, 27). Симпатическое средство отъ бородавокъ — завязать на ниткѣ по узлу надъ каждою бородавкою и бросить нитку эту въ сырое мѣсто: когда узлы сгніютъ, тогда пропадутъ бородавки. Въ Сербіи враги незамѣтно завязываютъ узлы на платьѣ молодой или молодого, чтобы у нихъ не было дѣтей. Сюда-же относится закручиванье колосьевъ на нивѣ на погибелъ хлѣба, скота и людей (заломъ, закрутка, завитокъ), до сихъ поръ наводящее ужасъ на цѣлыя сёла. Отсюда завязать знач. вообще уничтожить. Ср. завязать дѣвство, завязать свѣтъ: «Co's mně, milý, dokazal, Že's mně stav panenský Brzo zavázal, A zavazal, zavazal, A udělal smečku. Vodpusť ti to Pan

Bůh, Hezké synečku» (Mor. nár. p. 474); «Взяли-жъ мене извінчали И світъ Божій завьязали» и мн. др.

У Подляской Руси разсказываютъ, что вѣдьма, чтобъ оборотить весь свадебный поѣздъ въ волковъ, скрутила свой поясъ и положила подъ порогъ той избы, гдѣ была свадьба. Кромѣ того, она крутила липовыя лыка, варила ихъ и отваромъ этимъ подливала людей (Wójc. Klechdy I, 154). Отваръ лыкъ значитъ то-же, что и самыя лыка, какъ настой муравейника — такой-же символъ многолюдства, какъ и муравейникъ; но трудно сказать, выражаетъ ли здѣсь крученье только силу слова, или же имѣетъ какое частное значеніе. Вообще чары такъ часто сопровождаются вязаньемъ (ср. завязыванье болѣзней въ тряпку, запиранье мары (Пол. zmora) въ бутылку. Klechdy II, 158), что въ Млр. колдунъ назыв. каверзникъ, т. е. вяжущій, что соотвѣтствуетъ Твр. наузникъ, собственно дѣлающій наузы.

Рвать. Въ нѣкоторыхъ словахъ для шерсти или льна, нити и ткани можно распознавать основное представленіе рвать. Форма ръвати предполагаетъ корень ру, который находимъ въ руно, шерсть, кожа и (въ разн. Влр. губ.) будничное изорванное платье, т. е. платье вообще; съ другимъ суфф. — то-же значеніе: Срб. ру-хо, нить: «Јела танко рухо преде» (Срп. пјес. III, 147), Срб. и Чеш. — платье; въ Русс. въ-старину значило вѣроятно шерсть *, осталось же въ сл. рухлядь

* Ср. прха, т. е. ръха съ ъ вм. у: Вят. опушка на шубахъ, оторочка, Нижегород. ветхая кожа, Млр. Пол. Чеш. родъ мягко выдѣланной кожи, замша.

при значеніи мѣха и платья. Отъ драть — Чеш. pazder, Пол. paździór, клокъ пакли и пр., Перм. па́дера, густой, падающій хлопьями снѣгъ, а съ *л.* вм. *р.* и съ съ суф. *к*-длака (у Вацер. мн. ч. tlaki), шерсть; Русс. Пол. дра-тва, нить сапожная, Серб. дретва, шнурокъ; Чеш. Луж. drasta и Луж. drastwa, платье. При сл. хлопокъ находимъ Пол. szarpać, рвать, дергать и Влад. Костр. харпай, Тул. харапай, шерстяной кафтанъ, халатъ. Какъ Русс. кудри, Пол. kędziory, Чеш. kadeře и др. переходитъ въ сл. кудлы къ значенію длинной, мохнатой шерсти животныхъ, а въ кждель, кудель, kądziel, Серб. купадра — къ значенію пакли; такъ и кор. мъх, имѣющій значеніе шерсти въ сл. мохнатъ и въ Млр. вовки сірохманьці (съ перестановкою зв. *х.* См. Зап. о Ю. Р. I, 38), сук-мана (Ср. баять и бахарь, маять и махать) — къ волосамъ въ приводимомъ Памвою Бер. сл. мох-ры, пукли. На понятіе рвать указываетъ здѣсь Влр. махры, отрепья, клочья одежи, откуда макъ махровый, такой, коего лепестки будто порваны. Какъ слову холстъ соотвѣтствуетъ сл. шерсть, такъ при платъ — портъ, обл. Влр. портно, полотно, находимъ старинное портъ, ленъ (Азб. въ Ск. Рус. Нар.), откуда Срб. пртен, Хорут. perten, льняной. Предполагая сродство между Пол. płatać, Русс. пластать и пра-ти — пороть, мы находимъ основное представленіе рвать въ приведенныхъ словахъ и въ сходныхъ съ ними: ст. Русс. прѣ, паруса и удвоенномъ пра-поръ, знамя, Пол. proporzec, значокъ на копьѣ. Отъ знач. рвать (пороть) идетъ и Русс. портить.

Переходъ отъ шерсти (въ основ. предст. рвать) къ нити посредствуется тѣмъ, что и прясть знач. рвать, что видно въ выраженіяхъ: «мыкать мычку» *, Млр. скубти куделю», откуда Смол. скубить, прясть, и въ самомъ прясть, которое близко къ прядáть, прыгать и Млр. прудкий, Пол. prędki быстрый. Связь рванья и быстроты видно въ словахъ: Хорут. dir, dirjati, рысь, бѣжать рысью, Болг. подиря въ слѣдъ, дирѭ, слѣжу, преслѣдую, Русс. удирать; Пол. umykać, убѣгать, Рус. мчать; въ Пол. ruch, движеніе, при коемъ Пол. Луж. rychły, Чеш. rychlý, быстрый, поспѣшный; въ Пол. rzucić, бросить, (рю-ру), п. ч. и бросанье сродно съ быстротою, какъ въ прати, быстро бѣжать (Азбуков.), и прати, метать, откуда праща, Пол. proca; въ Влр. торопить и торопъ, порывистый вѣтеръ, при коихъ Ст.-Сл. трапъ, яма, т. е. вырытое, и тропа (см. ниже. Ср. также Волог. трўпать, бить, ударять, и Арх. Новг. тропáть, стучать ногами, тяжело ходить).

Для объясненія перехода понятія шерсти (рвать) къ ткани нужно предположить родство понятій рвать и плести — ткать. Въ тавтологическомъ выраженіи косу чесать, въ коемъ первое слово по формѣ относится ко второму какъ ход къ шед, находимъ основное значеніе рвать. Какъ при сл. гребень, которое должно имѣть основное представленіе близкое къ тому, которое выражено словомъ чесать, находимъ

* Ср. смыкать. Пряденье льну загадывается такъ: «пять овечекъ стогъ подъѣдаютъ, пять овечекъ прочь отбѣгаютъ» (Ск. Р. Н, I, 2, 95), откуда видно, какъ сложилась очень древняя сказка о матери, обороченной въ корову, которая пряла за свою дочь.

гл. грести, изгребье, грубыя волокна, отдѣляемыя при чесаньи льна (откуда изгребный холстъ, Пол. zgrzebne płótno, грубый холстъ) и Срб. уграбити = Пол. porwać; такъ, при чесать (волоса) есть Чеш. česati, рвать, напр. плоды съ дерева, вѣтви. Послѣднее значеніе встрѣчаемъ въ Млр. вiд-чах-нуть, гдѣ *х* изъ *с*, въ чесвенія, по Азб., рождія, лозіе древесъ, хврастіе, и въ Срб. кош-ље, обрубленныя вѣтви дерева. Срб. драча, чешља, чешљуга, терновникъ, а можетъ быть и встрѣчаемое въ нашихъ старинныхъ словаряхъ драчіе, хоина, напоминаютъ формулу: «Мене змиють дрібні дощі, А розчешуть густі терни». Рвать переходитъ къ понятію рѣзать (ср. Влр. рушать, напр. жаркое, хлѣбъ) и бить (ср. драть и ударить), а понятія бить и рубить — сходны, такъ что вм. рубить и высѣкать огонь, говорятъ кресать. Отсюда понятно, почему Срб. кресати — не только обрубливать вѣтви, но и чесать волоса: «Трећи јунак црне брке веже (усы плететъ), А четврти сједу браду креше чешетъ)» (Пјес. III, 317). Подобнымъ образомъ и чесать, кромѣ обыкновеннаго значенія, можетъ имѣть и другое: рѣзать, рубить, такъ-что коса, capilli, и коса, falx, — слова одного корня, относящіяся другъ къ другу, какъ страдательный предметъ къ орудію: коса, кос-ма, чех-ла (по Азб. шерсть) — собственно то, что рвутъ, рѣжутъ*. Но въ томъ-же корнѣ есть и представленіе

* Доказательствомъ, что въ коса и чесать есть значеніе рвать, можетъ служить и то, что родственныя съ ними слова имѣютъ значенія: быстро бѣжать и дотрогиваться. а) Какъ отъ чесати съ суфф. *р* — češrati

плетенья. Положимъ, что его нѣтъ въ словахъ: чехолъ, Чеш. čechel, простыня и родъ платья, Каз. чехликъ, волосникъ, наголовникъ, носимый женщинами подъ платкомъ, въ Срб. кошa, кошуља (=Русс. Пол. Чеш.), рубаха: Костр. Влад. кошуля — овчинная шуба, покрытая бѣлымъ толстымъ холстомъ, и значеніе шубы (основн. понят. рвать) можетъ быть въ этомъ словѣ древнѣе значенія рубахи; но трудно допустить, что рванье не переходитъ къ плетенью въ с. кошъ, корзина, и во всѣхъ отъ него образованныхъ, изъ коихъ замѣтимъ Твр. кошолки, плечи. Какое наглядное значеніе имѣло плетенье въ этомъ послѣднемъ словѣ — нельзя сказать навѣрное; но плетенье находимъ и въ двухъ синонимахъ сл. кошолки: плечи родственно съ плету, а спина, вѣроятно, изъ съ и пѧти. Такое-же отношеніе, какъ кошъ къ касать, имѣютъ Каз. торпище, соломенная рогожа, тóрпище, пологъ для перевозки зерноваго хлѣба (Дон.), веретье (Тамб.), къ и проч. *.

(Вацер. carminare), такъ оттуда-же, но съ у въ е — Мар. чухрати, быстро бѣжать (Ср. чухатись, почесываться); самое чесать — бѣжать: «Козакові велика потуга: Поламалася дощечка у плуга. «А чи мені дощечку тесати, Чи до дівки на всю нічъ чесати». Согласно съ этимъ Срб. кас, касати — рысь, бѣжать рысью. б) Какъ Костр. рыть и Пол. ru-szać, трогать, — одного корня съ рвать, а Русс. трогать — съ тръгати, Пол. targać, дергать, рвать; такъ и Ст.-Сл. касатисѧ, касаться, соотвѣтствуетъ значенію рвать въ другихъ словахъ того-же корня.

* Выше, на основаніи Ст.-Сл. плѣница, цѣпь, сдѣлано предположеніе, что плѣнъ — половъ — собств. связанное. Взявши въ разсчетъ

Въ Серб. пѣсняхъ выраженіе «кроити рухо» употребляется даже тамъ, гдѣ бы мы сказали пошить платье. Отсюда портной — въ Пол. Чеш. krawiec, krawec, krejči; соотвѣтственно этому Чеш. rub, платье (ср. сродныя съ нимъ слова въ другихъ нарѣч.) — отъ рубить, риза — близко къ рѣзать.

Платье. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что и въ основаніи нѣкоторыхъ изъ символическихъ значеній платья и ткани должно лежать понятіе рвать, рѣзать. Рубаха и вообще ткань бываютъ символами дѣвицы, женщины: «Рубашечка полотняна, Анфисычка молодая, Рубашечка подарена, Анфисычка сговорена» (Сказанія Русскаго Народа, I, 3, 115). Слова — подарена и сговорена соотвѣтствуютъ другъ другу, потому что сговору предшествуютъ подарки жениху и другимъ, состоящіе изъ рубашекъ, рушниковъ, платковъ, приготовленныхъ обыкновенно самою невѣстою. Дары эти называются въ Великороссійской пѣснѣ полотняными, а въ Сербскихъ — бѣлыми: «Красна дѣвица дары мыла Тонки полотняные, Дорогіе все тафтяные» (Ск. Рус. Нар. I, 3, 129); «Слажи, мајко, моје беле даре» (Срп. пјес. I, 22. Ср. 29, Пам. и Обр. 240). Любить женщину

Чеш. pleniti и равное ему по значенію плѣти — полоть, скорѣе можно бы перевести плѣнъ черезъ Пол. łup. Въ сл. плѣница будетъ то же основное значеніе рвать (отсюда-же Пол. płoń: płonia = Мар. о-полонка, прорубь, дира во льду, какъ дира отъ драть). Быть можетъ сл. рѣ-мы, —ень можно приурочить къ встрѣчаемому у Бер. и Зиз. «рѣю, волоку, шарпаю, пхаю». Ср. сродныя съ этимъ рѣю: Перм. Арх. ремокъ, рямокъ, лоскутъ, оторванный отъ одежи, Оренб. ремохъ, Вят. ремоха, —ина, —ýшка, родъ тряпки.

значитъ рвать платье: «Удовице лице обљубљено, Дјевојачко јако заљубљење; Удовице рухо подерано, Дјевојачко јако за дерање (Срп. пјес. I, 227). За тѣмъ ткань — и женихъ, любовникъ, и рвать ткань — жить съ нимъ, что видно изъ слѣдующихъ стиховъ, въ коихъ противоположеніе любовника добру (имѣнью) и платью предполагаетъ сравненіе: «Најстарија говорила: «Ја би благо највољила». А средња је говорила: «Ја би руо највољила» Најмлађа је говорила: «Ја би драга највољила: «Ти ћеш благо потрошити, «Ти ћеш руо подерати, «Ја ћу с драгим живовати» (ibid. 328). На основаніи сродства сл. пороть, рвать, и прать, мыть, послѣднее ставится вмѣсто перваго, какъ символъ любви: «Oj ne žal my toji chustki, szczom ju biło prała, Tilki my žal Wasyleńka, szom ho wirno kochała» (Ž. P. II. 23). Впрочемъ сближеніе можетъ здѣсь быть основано на томъ, что бѣлъ значитъ милъ. Ср. «Vyperce, macičko, košulenku; Už mi odmluvaju mu milenku. Už je košulenka vyškrobena; Moja majmilejši odmluvena», т. е. выходить за другаго, слѣдовательно любитъ его? (Mor. Nar. P. 312). Какъ ни мало этихъ примѣровъ, но они имѣютъ полную силу, находя подтвержденіе въ символическомъ значеніи дороги и земли.

Дорога. Не тронутое ногою человѣка пространство представляется цѣлымъ, откуда Влр. идти цѣлкомъ, цѣликомъ — идти безъ проложенной дороги, Срб. цијелац — снѣгъ, на коемъ не видно слѣда, Вят. цѣлокъ, сугробъ. Такъ-какъ снѣгъ — бѣлый платокъ (Grim. März. I, 109), новая скатерть: «У насъ на молоду скатерть бѣла, весь міръ застлала» (первый снѣгъ.

Ск. Рус. Нар. II, 7, 106); то можно сблизить съ цѣлъ Польское całun, саванъ, Чеш. čalaun, коверъ.

Человѣкъ рветъ на ходу землю, а жукъ, легкій на ходу, «идетъ — земли не деретъ» (Сказ. Рус. Нар. I, 2, 94); слѣдовательно цѣликъ — не изорванная ногою земля. Согласно съ этимъ, названія слѣда, колеи, тропы, дороги имѣютъ основное представленіе рвать *: Вят. косма́, колея на дорогѣ, собственно то, что рвется, рѣжется, по связи съ подобнозвучнымъ словомъ для шерсти и съ коса, falx; Серб. пртина, слѣдъ на снѣгу, пртити, прокладывать такой слѣдъ, Чеш. prt', Словац. pyrt', у Подгалянъ perć, лѣсная (и горная) тропинка, относятся къ портъ и портить; Срб. траг, слѣдъ (ср. Чешск. trh, прорѣзанная, проведенная черта), откуда тражити, искать, т. е. идти слѣдомъ, — къ тръгати **; тропа, стезя, слѣдъ, какъ напр. въ тропить, Серб. трап («кола на широки, узани или на дугачки трап», возъ съ широкимъ длиннымъ, узкимъ ходомъ, при чемъ разстояніе колесъ обозначено слѣдомъ ихъ) имѣютъ при себѣ гл. тро́пать, топать, стучать ногами (Арх.), тяжело ходить (Новг.), т. е. рыть, бить

* Тождество слѣда и дороги видно въ Сарат. «шляхомъ дошелъ», слѣдомъ, въ Чеш. drahowati, Русс. (вы-) тропить, Пол. tropić слѣдить, слѣдомъ идти.

** Отсюда Срб. с-тражњи, задній; такъ какъ «ходить за кѣмъ» значить повиноваться, служить, то Хорут. streči — служить кому; отъ понятія ходить за кѣмъ образовалось Общеславянское значеніе словъ с-теречь, с-торожа. Кажется, Млр. стражнѥ перо значить крайнее, самое большее перо, напр. въ гусиномъ крылѣ. Что до лѣтописнаго «ходить» (за кѣмъ) и связаннаго съ нимъ вести, жена водимая, то

землю: ср. Новг. тропнуть, ударить объ землю, Ст. Сл. и Срб. трапъ, яма; дорога, по звукамъ, можетъ такъ относиться къ трагъ, какъ дергать къ тръгати, дряхлый къ трюхлый, дрязги къ трески. Какъ при дорога, via, есть Арх. дорóга, веревка, Нижег. дóрогъ, дóрокъ, шелкъ, Ст.-Сл. подрагъ, fimbria, а при трагъ и Срб. траканац (слѣдъ и «шаран исјечен у канше»; послѣднее зн., конечно, отъ значенія полосы»)— Срб. трак, лента, повязка, Русс. торока, торочокъ, шнурокъ для обшивки одежды (Волог. Оренб.), т. е. оторочка, Твр. — лента въ косѣ; такъ при Ст.-Сл. цѣста, Чеш. cesta можетъ стоять Сарат. цѣны, пасмы. Дорога рвется (ср. Чеш. chlp cesty, Пол. kawał drogi, кусокъ дороги), длинна, какъ веревка, и вяжетъ, какъ веревка: по загадкѣ ее «къ избѣ не приставишь» (Ск. Р. Н. I, 2, 62); по другой, она могла бы до неба достать: «Лягла Гася, простяглася, а якъ встане, до неба достане»; она говоритъ о себѣ: «Кабы руки да ноги, я-бы вора связала, Кабы ротъ да глаза, я-бы все разсказала» (Ск. Рус. Нар. I, 2, 100). Постоянный эпитетъ дороги, широкая, имѣетъ въ основаніи зна-

---

оно сохранилось въ Мар. веснянкѣ: «Якъ задумався молодъ жениться, ходивъ же молодъ по всіхъ городахъ, Та найшовъ молодъ собі дівчину. «Оце-жъ буде моя сванечка, «А оце — буде моя світилка, Оце-жъ буде дружко мій, «А це буде моя дівчіна, «А ти, дівчино, ходи за мною: «Будешъ ти мині повікъ слугою». Послѣ каждаго стиха — припѣвъ: «Э — эхъ, я молодець тихий, Перебурицъ я молодицъ». Перебурицъ, по объясненію пѣвицы, перебирающій, а молодицъ можетъ быть не род. мн. ч., а имен. молодець, потому что въ Валкахъ э близко по выговору къ ы.

ченіе длины, память о чемъ сохранилась въ языкѣ: ст. Пол. szyrz зн. даль, разстояніе: «bila wyelka szirz myedzi gimi» (Maciejow. Dod. do Pisin. Polsk.) и тавтологическія выраженія въ слѣдующихъ стихахъ: «Szeroko-daleko mojej matki pole; Ale szerzej-dalej pocieszenie moje» (Zejszn. P. L. Podh. 103). Дорога — ткань: въ святочномъ гаданьи, кому вынется платокъ, тому ѣхать въ дорогу (Терещ. Б. Р. Н. VII, 176); въ загадкѣ дорога — «ширинка — всему свѣту не скатать» (Этн. Сб. I, 170); то-же говорятъ выраженія: «полотно дороги»; «пожелать скатертью дороги», т. е. гладкой дороги и счастливаго пути. Какъ и ткань, дорога — женщина: «Лягла Гася», т. е. Анна; ср. «Широкая улиця очеретомъ перетикана; Чорнявая дівчина всіхъ козаківъ переклякала». Ходить вообще любить: «Ej Hucuł sia lekko wbuje, lekko mu chodyty; Lubka moja sołodeńka, muszu tia lubyty» (Stare gaw. i obr. Wójcik. II, 152). Отсюда ходить по дорогѣ, какъ и рвать ткань, значитъ любить женщину: «Což je ta cestička auzka, kterau jsem chodíwáwal; Což je ta panna hezaučka, kterau jsem milowáwal» (Staročeské pow. etc. sebr. Sumlork I, 15); «Ишовъ, ишовъ дарогою, да и въ ямку впавъ; Любивъ, любивъ харошую, да-й плюгавку взявъ» (Пам. и обр. 47).

Пахать. Дорога представляется частью поля. Это довольно вѣроятно, хотя бы и не было вѣрно, что шляхъ, Пол. szlak, дорога, Чеш. šlek, šlak, колея — изъ съ и ляха — лѣха, поле, и что слѣдъ — изъ съ и лѧда. Поле тоже цѣло, если оно не тронуто плугомъ (ср. цѣлина Срб. цјелица = ледина, не-

паханное поле), потому что и пахать, какъ идти, значить рвать, какъ видно изъ Пензен. драпь, вспашка сохою цѣлины*. Изъ такого очень естественнаго взгляда можетъ быть объяснено, почему названія бороны, какъ и назв. гребня, имѣютъ въ основаніи понятіе рвать. Серб. дрљача, борона, не требуетъ объясненій; Срб. влача, борона, и Рус. волочить имѣютъ при себѣ Срб. влачити, не только орать, но и чесать ленъ, паклю, откуда влакно, ленъ; Сл. брана — борона сродно съ брать и усиленною формою послѣдняго — боротъ, которыя въ обоихъ видахъ выказываютъ значеніе хватать, рвать: ср. тавт. выраж. «хватцы-борцы» и Млр. «брать лёнъ»=Блр. «лёнъ ирвать», Серб. «жито брати», т. е. жать. Что до Чеш. brana=Пол. brama, ворота, Ст.-Рус. борона («стоящи на борони»), забоболо, Серб. брана, плотина, то они получили свои значенія черезъ посредство пон. плести, городить за-

* Чеш. pachati, дѣлать (ср. Пам. Бер. вꙑздѣланіе, ourobленье, запаханье; вꙑздѣлаю, ouróблюю, запахую), получило это значеніе отъ зн. орать. Рус. пахать вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ имѣетъ еще значенія: махать, вѣять и мести. На этомъ основаніи метенье сближается съ орьбою, какъ видно изъ загадки о поду печномъ: «у насъ въ дому сѣро поле распахано, разглажено не сохой, не бороной, а козлиной бородой» (Ск. Рус. Нар. II, 107), т. е. помеломъ, которое загадывается такъ: «въ углу за полицей сидитъ старъ съ бородой» (ibid.). Отсюда метенье, какъ и оранье, — любовь, бракъ: «Не метена уличка, не метена; Ще старша дружечка не ведена. Треба уличку промести, Треба дружечку провести» (Метл. 211). Издатель замѣчаетъ, что это относится къ обычаю провожать дружку до ея дому; но не имѣетъ ли здѣсь вести, кромѣ собственнаго значенія, еще другаго: брать жену?

боръ. При Пск. боро-зда, борона, находимъ общеслав. зн. этого слова: sulcus, т. е. вырытое сохою, плугомъ, а равно и реченія, указывающія на отношеніе этихъ словъ къ понятію рвать: бра-дъвь, Срб. брадва, сѣкира, и ткацкое бердо = Срб. брдо. Слѣдовательно, борона сходится въ основномъ значеніи съ тканью, а потому и сближается съ нею, изображаясь въ загадкахъ плахтою и рядномъ: «плахта — тарахта все поле збігае»; «диряве рядно все поле вкрило, Бога просило, щобъ ся зазеленіло».

Орать, какъ рвать ткань, значитъ любить, жениться: «Oraw że ja oranyciu na jaru pszenyciu; Perewiw ja divczynońku ta na mołodyciu» (Ž. P. II. 192); «Šykna rola podworana, naša hyščer pusta; Šykne źowča hoženione, naša hyšter fryjna», т. е. не выдана (Haupt. II, 102); Nie siej takiej roli która źle zorana; Nie kochaj się w takiej, która rozkochana (Wójc. II, 200). Даже ходить по вспаханному полю значитъ потерять дѣвство: «Chodziła dziewczyna po zoranej roli, Zgubiła wianeczek swój rozmarynowy» (Wójc. II. 215). Въ слѣдующемъ забытъ уже полъ земли, и пахать землю значитъ любезничать съ мужчиной; самое паханье замѣнено признаками его, волами и раломъ: «Na Krakowskiej roli stoją woły z radłem; Nie żal by pogadać, byleby z kim ładnym» (ibid. 200). Во всѣхъ этихъ мѣстахъ орать при роля — слово не лишнее только въ такомъ случаѣ, если роля — пахатное, а не вспаханное поле. Въ послѣднемъ смыслѣ Мар. рілля — жена, мать дѣтей: «Та лучча рілля ранняя, а нижъ тая пізняя;... Та лучча жінка першая, а ніжъ тая другая».

Копать — то-же, что рыть и орать: «Ne ořu, ne kopu samo mi se rodí; Mám takú galanku, sama za mnú chodí» (Mor. nár. p. 295); ср.: «Було-бъ не копати зеленого гаю; На що жъ було брати зъ далекого краю? Було-бъ не копати зелоноі вишні; На що-жъ було брати, коли не підъ мисли? Було-бъ не копати зеленого дуба; На що-жъ було брати, коли я не люба? Було-бъ не копати билоі березп; Ой ти-жъ мене сватавъ не пьяний, тверезий». Гора — женщина: «Сунце зађе међу две планине, Момак леже међу две девојке» (Срп. пјес. I, 215). Отсюда: «Адна гара высокая, а другая низка; Адна дзѣука далёкая, а другая близка. Буду тую гарў капаць, каторая низка; Буду тую дзѣуку любиць, каторая близка» (Пам. и Обр. 238). Не соотвѣтствуетъ ли въ слѣдующихъ ст. колоться (о горѣ) — любви, такъ-какъ лупаться — признаться въ любви: «Ой ти горо кремінная, чомъ ти не лупаешься? Скажи, скажи, серце дівко, правду, въ кимъ ти кохаешься? Ой що-бъ же я за гора була, щобъ я лупалася? Ой хиба-бъ же я розуму не мала, що-бъ я призналася» (Метл. 37). Не сближается ли также оранье земли конскими копытами и копьями, сѣянье костьми и полпванье кровью (ср. Сл. о Пъл. Иг., Ск. Р. Н. I, 3, 241 и друг.) съ любовью и бракомъ?

Равнина. Нѣкоторыя названія пространства, частью сближаемыя съ тканью, частью такія, въ коихъ это сближеніе не можетъ быть нами доказано, имѣютъ въ основаніи понятіе рвать. Слова руб-ежъ, край, краина, Украина, Срб. стар. краище, первоначально означавшія только границу, потомъ перешедшія на всю

страну и даже міръ («ввесь світъ — україну кругомъ облітала»), собственнымъ своимъ значеніемъ указываютъ на дѣленіе страны. Это послѣднее сравнивается съ раздираньемъ платья: «Колись-то, якъ ще Польща пановала, бо теперъ Польщи тилько рукавъ: увесь світъ-свита, а Польщі тілько рукавъ»... (З. о Южн. Р. I, 5); «Тогді ще Московськой земли бувъ тілько одинъ рукавъ, та-й годі» (ibid. 115). Какъ Срб. драга, долина, сродно съ дорога и понятіемъ рвать, такъ и долъ, долина, сближаются съ драть, такъ что долина — собственно вырытое (водою)? Ровный, равнина очевидно относятся къ к. ру — рвать; подобнымъ образомъ поле (и полъ, sexus, пола платья) — къ плѣти, въ см. рвать, и прати, пороть. Сближеніе поля съ долиною здѣсь и въ обыкновенномъ пѣсенномъ выраженіи: «поле раздольице широкое», можно понимать такъ: если долгота и ширина тождественны въ языкѣ, а долгій имѣетъ въ основаніи понятіе рвать; то и ширина сближалась съ разрываньемъ, а по широтѣ названо поле.

Въ самомъ началѣ привели мы примѣры связи ширянья птицъ и свободы; ширина поля — тоже символъ свободы и сродныхъ съ нею понятій: раздолье, собственно широкое пространство, потомъ свобода, наслажденіе (если съ нимъ связана мысль о свободѣ); роскошь — тоже, потому что противополагается неволѣ («Nie užyje roskoszeńki u meža žona, Tylko biedy i niewoli») и сближается по значенію съ рвать, рѣзать, такъ что предполагаетъ значеніе широты; сл. пространство, просторъ, близкія къ стереть, стрѣти, пере-

ходятъ къ свободѣ, что чувствуется въ сл. просторъ и въ слѣдующемъ выраженіи: «и уже не гордится (то-ѐсть не страдаетъ подъ бременемъ: гордость — бремя, тяжесть) въ законѣ человѣчество, но въ благодати про-странно (свободно, безъ труда) ходитъ» (Илар.). Отсюда поле — воля: «Коли-жъ я у полі, тогді я на волі». Равнина — свобода дѣйствій: Якъ сюди, такъ ту-ди, такъ всюди рівно; Якъ мені, такъ тобі кохатися вільно» (Метл. 114), и веселье: «Долина, долинушка, раздолье широкое, Приволье широкое, приволье весе-лое» (Терещ. Бытъ Р. Н. II. 305).

Горы. Горы стѣсняютъ свободу движенія, затрудняютъ путь, такъ что трудный путь лежитъ непремѣн-но черезъ рѣки и горы (Срп. пjес. I. 226. Метл. 217 и др.); оттого горы противополагаются равнинѣ, какъ символъ неволи, горя. Невѣста противополагаетъ гори-стое мѣсто, гдѣ она выросла, своей дѣвичьей волѣ, а равнины, среди коихъ прійдется жить у свекра, — стѣс-неніямъ, которыя тамъ ея ожидаютъ: «Що у мого ба-тенька да усюди гори, да гуляти до-волі, А у све-корка да усюди рівно, та гуляти невільно» (Метл. 147 — 8). Отсюда жить на горѣ — тужить: «Ой ти жи-вешъ та на горі, А я підъ горою: Чи ти тужишъ такъ за мною, Якъ я за тобою», т. е. ты живешъ въ кру-тыхъ обстоятельствахъ, а я въ довольствѣ; но тоскуешь ли ты такъ за мною въ своемъ горѣ, какъ я за тобою? Измѣна наводитъ горе, а потому въ слѣдующихъ сти-хахъ пшеница (дѣвица) посѣяна на горѣ: «Ой яромъ, яромъ пшениченька, по-підъ низомъ овесъ; Ой не по правді, мій миленький, ти зо мною живешъ» (Метл. 67);

«Ой посію на горі пшеницю, підъ горою овесъ; Ой чому не по правді, молодий козаче, ти зо мною живешъ? (ibid. 68). Въ Влр. пѣснѣ снится чужая сторона, которая «безъ вѣтру сушитъ, безъ морозу знобитъ (Ск. Р. Н. ч. III. 204, 208 и 248. Метл. 258) и тяжелая работа въ видѣ высокой горы: «Ужъ я видѣла, подруженьки, гору высокую... Эта гора-то высокая — чужа-дальняя сторона» (Тер. Б. Р. Н. II. 247); «Видѣлись мнѣ, горькой, Темные лѣса, круты горы: Темные лѣса — чужа семья, Круты-тѣ горы — тяжелая работушка» (ibid. 302). По Лужицкой пословицѣ, «Kóžd‑y ma swoje hory», т. е. свое горе (Haupt. II. 194). Отсюда видно, что сближеніе горы и горя основано, какъ большая часть подобныхъ сближеній, не на пустой игрѣ словами, а на извѣстномъ взглядѣ на природу.

ПОЛОЖЕНІЯ

для публичнаго защищенія диссертаціи:

О НѢКОТОРЫХЪ СИМВОЛАХЪ
ВЪ СЛАВЯНСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ,

написанной

для полученія степени

магистра славянской филологіи

А. Потебнею.

Печатать позволяется. Харьковъ. 23 Февраля, 1860 года.

Деканъ *А. Зернинъ.*

Харьковъ. Въ Университетской Типографіи. 1860.

ПОЛОЖЕНІЯ.

---

1. Всякое новое значеніе даннаго слова символически изображается предшествующимъ значеніемъ того-же слова.

2. Символъ въ народной поэзіи есть развитіе символа, заключеннаго въ языкѣ. Такъ-какъ процессъ образованія новаго значенія слова ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ процесса образованія символа, то нельзя допустить ни существованія поэзіи до языка, ни языка до поэзіи. Взятые вмѣстѣ языкъ и поэзія — въ одно и то-же время и произведеніе, и средство развитія мысли первобытнаго человѣка.

3. Преемство формъ символа въ народной поэзіи соотвѣтствуетъ процессу забвенія основнаго представленія, выраженнаго въ словѣ, и находится въ связи

